

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 4 (190)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2024

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Иларионова Т.С. Национальное государство vs мировая республика И. Канта.....	9
Методьева С.А., Серикбаева А.Д. Политические фейки как инструмент информационной войны в контексте Специальной военной операции на Украине.....	17
Гиваргизян А.Ф. Святой Власий Себастикий в русской культуре...	27
Кордас О.М. Архаическая маска в структурной антропологии К. Леви-Стросса.....	36
Ширяева-Бакшеевникова В.Н. Проблема взаимодействия коммерческого пиара и журналистики.....	41

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Трофимов В.А. Проблемы устойчивого социально-политического развития Сахалинской области в контексте региональных этнополитических процессов.....	51
Баженев Е.Н. Социокультурные детерминанты солидаризации местных сообществ (на примере проекта “Культурная мозаика Удмуртии”).....	65

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Михайленко А.Н. Духовно-нравственные ценности в странах БРИКС...	71
Лю Жуй Изучение невербального поведения между россиянами и китайцами.....	81
Задаев Эмиль Камран оглу Президентские выборы в Турции в 2023 году как следствие цивилизационного разлома.....	89

Меляева С.А., Замотина П.Е. Проблема миграции на Ближнем Востоке и её воздействие на отдельные страны региона...	102
Хирбейк Язан, Карадже Т.В. Геоэкономические стратегии как инструмент борьбы за мировое лидерство.....	109
Хэ Цзяшу Дипломатия великой державы с китайской спецификой: содержание и значимость.....	116
Цяо Цинли Преподавание китайского языка в высших учебных заведениях Казахстана.....	129

ФИЛОЛОГИЯ

Цай Цзяфэн, Лин Чэн, Ли Цзе Исследование зарубежного перевода китайских канонических произведений: на примере пассивной клаузулы в переводе Вяткина «Ши Цзи».....	143
--	-----

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Михайленко А.Н. Международный круглый стол в Президентской академии.....	156
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ

Знахарчук Ф.Р., Конев И.В. Комплексный подход к ресурсному обеспечению производственной организации.....	160
Буковцова Т.Н. Статусно-ролевая структура социальной компетентности сотрудников органов внутренних дел....	166

Аннотации	173
Авторы	191
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум»	195

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политического анализа и управления РУДН, доктор политических наук.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mihailova N.V., Professor of the Political Analysis and Management PFUR, Doctor of Political Sciences.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and na-

tional security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Türkiye Cumhuriyeti.

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Государственное управление аэрокосмического приборостроения

*Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского*

Иларионова Т.С.

*Доктор философских наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Национальное государство vs мировая республика И. Канта

Прошлое Германии демонстрирует подчас удивительные примеры взаимодействия власти и науки, власти и гуманитарного знания. Именно поэтому на определенных этапах этой истории интеллектуальная мысль немцев приносила поразительные открытия, задавала вектор всемирных поисков пути “сосуществования”, гармонизации отношений государства и общества. Достаточно только вспомнить эпоху канцлера Отто фон Бисмарка, чтобы убедиться: германское государство было до страшного XX века более чем толерантным в своих связях с мыслителями. Советы, как управлять только что возникшей империей, немецким властям (т.е. Бисмарку и императору Вильгельму II) давали их современники - философы Карл Маркс (1813-1883 гг.), Фридрих Энгельс (1820-1895 гг.), Август Бебель (1840-1913 гг.), Фридрих Ницше (1844-1900 гг.), Макс Вебер (1864-1920 гг.), Освальд Шпенглер (1880-1936 гг.) и многие другие общественные деятели. Научным и нравственным капиталом Германии были и труды предшественников, таких как Иоганн Готлиб Фихте (1762-1814 гг.), Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831 гг.), Артур Шопенгауэр (1788-1860 гг.) и, конечно, фактически родоначальник философии политики среди немцев - Иммануил Кант (1724-1804 гг.), чье 300-летие со дня рождения празднуется в апреле 2024 года.

Перечисление этих имен свидетельствует о том, насколько чуткой (или, напротив, толстокожей?) была тогдашняя власть в Германии, а ранее в германских землях - правители не преследовали авторов, по сути, крамольных мыслей по поводу того, как нужно управлять людьми, не чернили их публично, не сажали в тюрьму, хотя и могли “мягко” наказывать - высылать или принудить к отъезду из страны, как это случилось с единственными из перечисленных философов, кто активно включился в революционную борьбу с существовавшей властью, - с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в 1849 году, нашедшими свое пристанище как

политические эмигранты в Лондоне.

Иммануил Кант, лишь на короткое время в молодости покидавший Кенигсберг, был пруссаком и в то же время человеком мира. Он жил под властью короля и мечтал о мировой республике. Он не критиковал существовавший порядок, но объявлял идеалом свободу человека, а равенство всех перед законом провозглашал особенно нужным государству - именно оно должно, в первую очередь, по мысли Канта, подчиняться закону. Он был вдохновлен Великой Французской революцией, хотя и видел драматическое развитие порожденных ею политико-административных структур, он верил: республиканская форма правления - вот путь человечества к лучшему будущему.

Книга “К вечному миру”¹ в том числе и об этом.

В ней, в частности, говорится: “В соответствии с разумом в отношениях государств между собою не может существовать никакого другого пути выйти из незаконного состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (незаконной) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (безусловно, постоянно расширяющееся) государство народов (*civitas gentium*), которое в конце концов охватило бы все народы Земли”².

В чем же был “дефект” конструкта, порожденного Великой Французской революцией и чем он отличался от идеи Канта?

Существовавший после эпохи Реформации и, особенно, Вестфальского мира (1648 г.) тренд на создание национальных государств французами был усилен. Вместо единения народов на обломках абсолютных монархий Европа получила новый вид государственных противоречий и дистанций: теперь территории различались не только по своим суверенам и стилям их управления, но и по особенностям самого населения, огромную роль начинают играть язык, религия, культура, коллективная психология и память, общие пороки и достоинства людей.

Кант в своем философском проекте шел вразрез с обозначившейся тенденцией, он видел свое идеальное государство в виде мировой республики. “...Идея права всемирного гражданства есть не фантастическое или нелепое представление о праве, а необходимое дополнение неписанного кодекса как государственного, так и международного права к публичному праву человека вообще и, таким образом, к вечному миру. И

1 Kant I. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Königsberg: F. Nicolovius, 1795. P. 23.

2 Кант И. К вечному миру. Философский проект. 1795 // Кант И. К вечному миру (сборник) / И. Кант; [пер. с нем. И.Д. Копцева, И.А. Шапиро, Ц.Г. Арзаканьяна, Ю.Н. Попова, Н. Виндельберга, А.В. Гулыги, И.С. Андреевой, М. И. Левиной; вступит. ст. А. В. Га силина; сост. Б. В. Подороги]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 267-268.

только при этом условии можно льстить себя надеждой, что мы постепенно приближаемся к нему”,- писал мыслитель³.

Он последовательно развивает эту фундаментальную идею в своем труде. Хотя (и об этом идет речь уже в первом разделе “К вечному миру”) единицей международных отношений выступают государства, то есть не аморфные образования, отрицающие организованную власть, о чем позже говорили коммунисты, а, напротив, высоконравственные и высокосплоченные сообщества, в которых управляющие структуры находятся под контролем граждан, и эти структуры действуют в коллективных интересах - не только в интересах конкретного государства, но и в интересах всего мира. Интересы всего мира - суть интересы конкретного государства. Амбивалентность этих отношений, по И. Канту, составляет сердцевину международных отношений.

Кант отрицает полезность объединения всех государств в одно, он видит в этом угрозу благотворному развитию и стабильности (говоря современным языком):

“Идея международного права предполагает раздельное существование многих соседних государств, независимых друг от друга. Несмотря на то что такое состояние само по себе уже есть состояние войны (если федеративное объединение государств не предотвращает возникновения военных действий), все же оно, согласно разуму, лучше, чем слияние государств в единую державу, превосходящую другие и переходящую во всеобщую монархию, так как с увеличением сферы правления законы все более и более теряют свою силу и бездушный деспотизм, искоренив зачатки добра, в конце концов превращается в анархию”⁴.

Идея суверенитета предстает в его трактате как одна из фундаментальных, и насильственное вмешательство в дела соседей по международному сожителству кажется ему недопустимой, источником возможных войн и конфликтов. Мыслитель фактически провозглашает создание государства нового типа - государство мирного развития, государство договорного принуждения к отказу от войны.

Однако Европа и россыпь ее государств возводили в абсолют иные принципы. Еще такие лидеры общественного мнения, как Жан Боден (1528 или 1529-1596 гг.), рассматривали историю континента не как еди-

3 Кант И. К вечному миру. Философский проект. 1795 // Кант И. К вечному миру (сборник) / И. Кант; [пер. с нем. И.Д. Копцева, И.А. Шапиро, Ц.Г. Арзаканьяна, Ю.Н. Попова, Н. Виндельберга, А.В. Гулыги, И.С. Андреевой, М.И. Левиной; вступит. ст. А.В. Гасилина; сост. Б.В. Подороги]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 272.

4 Кант И. К вечному миру. Философский проект. 1795 // Кант И. К вечному миру (сборник) / И. Кант; [пер. с нем. И.Д. Копцева, И.А. Шапиро, Ц.Г. Арзаканьяна, Ю.Н. Попова, Н. Виндельберга, А.В. Гулыги, И.С. Андреевой, М.И. Левиной; вступит. ст. А.В. Гасилина; сост. Б.В. Подороги]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 281.

ный цивилизационный поток, стремящийся к благополучию и миру, а как мозаику разрозненных национальных целей и волей. Его углубленный обзор отдельных государственных образований римлян, лакедемонян, венетов, германцев и др. - свидетельство того, что будет позже положено в основу политико-административного явления, которое назовут национальным государством. И хотя в представлении Ж.Бодена основная примета государства - единая власть⁵ (без различия особенностей населения), сам подход к рассмотрению его вариантов - пролог к философскому обоснованию государства на основе национальной общности.

Национальное государство, определившее такие признаки суверенитета, как государственный язык, система национального права и институтов управления, возвышение собственной истории (как правило, истории войн с соседями и побед над ними), лояльность не только власти, но и в целом государству, стало, как идея, соединяться после Великой Французской революции и с монархическими формами правления: модель “монарх - подданный” на основе общей территории и религии стала заменяться на “государство (с монархом как частью государственной организации) - население (и в нем подданные с объемом гражданских прав/граждане)” на основе общей территории и общей психологии. И Германия, в частности, после создания империи как раз и пошла по такому пути: она не отринула власть короны, но стала столь вожделенным немцами национальным государством. Германская империя не была похожа на иные образования древних времен, когда шло соединение под единой властью разных народов (тут Россия - один из образцов такого развития). Германия стремилась стать монархическим и в то же время национальным государством. И стала им.

Кант предчувствовал это. И пытался свою модель противопоставить тренду.

Республика И.Канта - это власть народа без различий в языках и привычках. Право, закон должны стоять над этими частными устремлениями и особенностями. Республика И. Канта - вненациональна, она - прототип глобального общества, с коренными интересами поверх интересов разъединения. Почему же философ, понимая существо общего развития, противится ему, отстаивает иную концепцию международного устройства? “Опыт никогда не дает своим суждениям истинной или строгой всеобщности, он сообщает им только условную и сравнительную всеобщность”, - утверждает И.Кант в другом своем фундаментальном труде

5 Боден Ж. Метод легкого чтения историй: в 3 т. Т. II. Об устройстве государств. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 18.

- в “Критике чистого разума”⁶. Этим путем - вопреки опыту, для исправления опыта - будут идти по его стопам многие мыслители и политики.

Созданные на основе национального государства, особенно окрепшие после Наполеоновских войн, Венского конгресса и буржуазных революций 1848 года, не только не отказались от армий и насилия, но после полувекового затишья вновь ринулись в бой, и многие имперские режимы, не вписавшиеся в новые реалии и проигравшие Первую мировую, погибли. 14 пунктов Вудро Вильсона⁷ - это фактически мысли Канта в переработке начала XX века. Американский президент с его предложением открытых переговоров, устранения экономических барьеров, сокращения вооружений, наконец, создания Лиги наций, следовал путем, начертанным пруссаком в трактате “К вечному миру”.

Но вновь восторжествовало национальное государство, а не всеобщее единение ради спокойствия и благоденствия.

История повторилась, и не в виде фарса, а в виде чудовищной трагедии Второй мировой войны.

“Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых вещей, и вообще в мире нет ничего простого”⁸ - снова Кант, снова “Критика чистого разума”.

Казалось бы, Вторая мировая война должна была похоронить самую мысль о национальном государстве. Но практика показала другое: государства полиэтничные до войны стали гомогенными во время войны и, особенно, в послевоенное время из-за депортаций, изгнаний и обменов населением. Американский историк Норман Наймарк справедливо указывал на это: никогда Польша не была более польской или Германия более немецкой, чем после войны⁹. Распространившаяся в Восточной Европе советская административная система не только не препятствовала (в соответствии с доктриной пролетарского интернационализма в отрицание буржуазного национализма) укреплению национального государства как модели общественной организации, но и прибавила ему ярких красок.

Кант мыслил содружество государств вечного мира как федерализм¹⁰, вновь подчеркивая, что это “был бы союз народов, который, однако, не

6 Кант И. Критика чистого разума. – М.: Академический проект, 2018. С. 34.

7 «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок / А.В. Кортунов, О.В. Троицкая, О.И. Шакиров [и др.]. - Москва: Центр стратегических разработок, 2018.

8 Кант И. Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2018. С. 255.

9 Naimark N. Stalin and the Fate of Europe. The postwar Struggle for Sovereignty. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University, 2019. P. 2.

10 Кант И. К вечному миру. Философский проект. 1795 // Кант И. К вечному миру (сборник) / И. Кант; [пер. с нем. И.Д. Копцева, И.А. Шапиро, Ц.Г. Арзаканьяна, Ю.Н. Попова, Н. Виндельберга, А.В. Гулыги, И.С. Андреевой, М.И. Левиной; вступит. ст. А.В. Гасилина; сост. Б.В. Подороги]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 262.

должен был бы быть государством народов”¹¹. И такой союз понимался им как суррогат мировой республики, как трансфер от раздираемых войнами государств к мирному будущему.

Организацию Объединенных Наций можно признать попыткой создать такой “союз народов”. Но несмотря на свое название, именно государственный суверенитет, государства как таковые и нашли свое представительство в этой организации. Они стали ответственными за “вечный мир”, но, как мы видим, не достигли его.

Удивительное развитие получили национальные государства в начале XXI века. “Цветные революции”, экономический рост в Китае, подъем самосознания народов “черного континента” после завершения великой африканской войны, начавшейся с геноцида в Руанде, укрепление теократий в Иране и Афганистане и напротив, продолжающаяся секуляризация европейских обществ - ни один из новых путей не ведет нас к единению мира. Даже миграции, которые, казалось бы, делают ничтожными границы, да и саму мысль о “чистоте” той или иной нации, гомогенном и оттого изолированном развитии отдельных народов, не приближают нас к пониманию общности мировых судеб, к отказу от войн, потому что сегрегация внутри обществ, взаимная настороженность людей друг к другу, перерастающая во вражду, вынуждают правительства цепляться за спасительный круг “традиционных ценностей”, по сути, толкая страны назад, к тому, что и составляло цементирующую, железобетонную основу национального государства. Этот мир полон войн...

...В русском языке одним и тем же словом “мир” обозначаются два разных немецких понятия - мир как невоина (Frieden) и мир как внешнее расширенное (физическое или политическое) пространство (Welt). Мировая республика И. Канта - это Weltrepublik как гарантия Frieden. Однако нынешнее преобразование расширяющегося политического пространства вовсе не ведет к отказу от войны. И даже взамен существующему праву на гражданство конкретного государства (Staatsbürgerrecht) приходящее право на мировое гражданство (Weltbürgerrecht) не в силах сдержать это¹².

...В блестяще написанной биографии И.Канта советский ученый Арсений Гулыга отмечал, что название “К вечному миру” для современников философа звучало двусмысленно: как вывеска трактира¹³. Немцы, как из-

11 Кант И. К вечному миру. Философский проект. 1795 // Кант И. К вечному миру (сборник) / И. Кант; [пер. с нем. И.Д. Копцева, И.А. Шапино, Ц.Г. Арзаканьяна, Ю.Н. Попова, Н. Виндельберга, А.В. Гулыги, И.С. Андреевой, М.И. Левиной; вступит. ст. А.В. Гасилина; сост. Б. В. Подороги]. – М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 263.

12 Kant I. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Königsberg: F. Nicolovius, 1795. P. 23.

13 Гулыга А. Кант. – М.: “Молодая гвардия”, 1981. С. 236.

вестно, любят подобные шутки, достаточно вспомнить “черный юмор” в названии знаменитой пивной “Zum letzten Instanz” (“Последняя инстанция”) рядом со зданием Имперского суда в Лейпциге. Попытка с мировой республикой не удалась. Не удалась пока. Но не будем воспринимать это как повод произносить речи за упокой. Будущее неизвестно. Может быть, потомки найдут проект И. Канта неплохим и воплотят его в жизнь. И это будет день смерти национального государства. Вот тогда можно будет праздновать вечный мир.

Список литературы:

1. «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок / А.В. Картунов, О.В. Троицкая, О.И. Шакиров [и др.]. – Москва: Центр стратегических разработок, 2018.
2. Боден Ж. Метод легкого чтения истории: в 3 т. Т. II. Об устройстве государств. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
3. Гулыга А. Кант. – М.: “Молодая гвардия”, 1981.
4. Кант И. К вечному миру. Философский проект. 1795 // Кант И. К вечному миру (сборник) / И. Кант ; [пер. с нем. И.Д. Копцева, И.А. Шапиро, Ц.Г. Арзаканьяна, Ю.Н. Попова, Н. Виндельберга, А.В. Гулыги, И.С. Андреевой, М.И. Левиной; вступит. ст. А.В. Га силина; сост. Б.В. Подороги]. – М.: РИПОЛ классик, 2019.
5. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Академический проект, 2018.
6. Kant I. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Königsberg: F. Nicolovius, 1795.
7. Naimark N. Stalin and the Fate of Europe. The postwar Struggle for Sovereignty. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University, 2019.
8. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Предметное поле государственного управления в системе политических наук // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 10 (184). С. 57-61.
9. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.
10. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // Культура Мира. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
11. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных линий // Казачество. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Чумаки и казаки: опыт сравнительного исследования // Казачество. 2022. № 62 (5). С. 42-50.
13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
14. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 11-19.
15. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // Альманах Крым. 2022. № 32. С. 42-51.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
17. Бирюков С.В., Рябова Е.Л. Феномен лидерства в контексте современных кризисов и вызовов // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 1 (151). С. 9-19.
18. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Эволюция дипломатического подарка как индикатор изменений в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 6 (156). С. 45-54.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парад на красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // Казачество. 2021. № 57 (7). С. 9-18.
20. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Боль разделенных городов - последствия геополитических игр // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 1 (27). С. 10-20.
21. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитическая авантюра: цена внешнеполитического просчета в истории // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 5 (31). С. 515-524.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Политизация образов истории повседневности (на примере образа ворот) // Власть истории и история власти. 2021. Т. 7. № 7 (33). С. 782-791.
23. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитические смыслы закрытых границ: размышления в связи с карантином // Альманах Крым. 2020. № 20. С. 11-22.
24. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экологические смыслы международного сотрудничества: все тайное становится явным // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 1 (19). С. 10-19.
25. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геополитика в маске // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6. № 4 (22). С. 500-511.
26. Рыбаков С.В., Рябова Е.Л. К вопросу об инновационном компоненте молодежной политике в Российской Федерации // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 11 (137). С. 44.
27. Рябова Е.Л. Международный круглый стол на тему «Внешняя политика России в условиях обострения международной обстановки» // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 5 (167). С. 52-55.
28. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // Альманах Крым. 2022. № 31. С. 61-72.
29. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Православные основы самоидентификации российского казачества: история и современность

// Казачество. 2019. № 38 (2). С. 35-44.

30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // Миссия конфессий. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142

31. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории – История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.

32. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.

Bibliography

1. Wilson's "14 points" a hundred years later: how to reinvent the world order / A.V. Kortunov, O.V. Troitskaya, O.I. Shakirov [and others]. – Moscow: Center for Strategic Research, 2018.

2. Boden J. Method of easy reading of stories: in 3 volumes. Vol. II. About the structure of states. – M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2021.

3. Gulyga A. Kant. – M.: "Young Guard", 1981.

4. Kant I. Towards eternal peace. Philosophical project. 1795 // Kant I. Towards Eternal Peace (collection) / I. Kant; [transl. with him. I.D. Koptseva, I.A. Shapiro, Ts.G. Arzakanyana, Yu.N. Popov, N. Windelberg, A.V. Gulygi, I.S. Andreeva, M.I. Levina; will enter. Art. A.V. Ga silina; comp. B.V. Roads]. – M.: RIPOL classic, 2019.

5. Kant I. Critique of Pure Reason. – M.: Academic project, 2018.

6. Kant I. Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Königsberg: F. Nicolovius, 1795.

7. Naimark N. Stalin and the Fate of Europe. The postwar Struggle for Sovereignty. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University, 2019.

8. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Subject field of public administration in the system of political sciences // Ethnosocium and inter-ethnic culture. 2023. № 10 (184). P. 57-61.

9. Ryabova E.L. On the issue of the unity of education and upbringing: institutional discourse // Cossacks. 2023. № 66 (1). P. 11-18.

10. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The role of the time factor in political culture // Culture of the World. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.

11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and geopolitics of colored lines // Cossacks. 2022. № 59 (2). P. 9-18.

12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Chumaks and Cossacks: experience of comparative research // Cossacks. 2022. № 62 (5). P. 42-50.

13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.

14. Ryabova E.L., Ryabova E.L. Dichotomy of culture: conflict between the values of ecology and economics // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 11-19.

15. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional aspects of the implementation of state initiatives to stimulate active longevity and physical activity of older citizens // Almanac Crimea. 2022. № 32. P. 42-51.

16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Explicit and hidden meanings of strikes // Power of history and history of power. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.

17. Biryukov S.V., Ryabova E.L. The phenomenon of leadership in the context of modern crises and challenges // Ethnosocium and interethnic culture. 2021. № 1 (151). P. 9-19.

18. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The evolution of a diplomatic gift as an indicator of changes in international relations // Ethnosocium and interethnic culture. 2021. № 6 (156). P. 45-54.

19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80 years of the parade on Red Square: historical, cultural and geopolitical meanings of the parades // Cossacks. 2021. № 57 (7). P. 9-18.

20. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The pain of divided cities - the consequences of geopolitical games // The power of history and the history of power. 2021. Vol. 7. № 1 (27). P. 10-20.

21. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical adventure: the price of foreign policy miscalculation in history // The power of history and the history of power. 2021. Vol. 7. № 5 (31). P. 515-524.

22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Politicization of images of everyday history (using the example of the image of a gate) // The power of history and the history of power. 2021. Vol. 7. № 7 (33). P. 782-791.

23. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitical meanings of closed borders: reflections in connection with quarantine // Almanac Crimea. 2020. № 20. P. 11-22.

24. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Ecological meanings of international cooperation: everything secret becomes clear // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 1 (19). P. 10-19.

25. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopolitics in a mask // The power of history and the history of power. 2020. Vol. 6. № 4 (22). P. 500-511.

26. Rybakov S.V., Ryabova E.L. On the issue of the innovative component of youth policy in the Russian Federation // Ethnosocium and interethnic culture. 2019. № 11 (137). P. 44.

27. Ryabova E.L. International round table on the topic "Russian Foreign Policy in the Conditions of Aggravation of the International Situation" // Ethnosocium and interethnic culture. 2022. № 5 (167). P. 52-55.

28. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // Almanac Crimea. 2022. № 31. P. 61-72.

29. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Orthodox foundations of self-identification of the Russian Cossacks: history and modernity // Cossacks. 2019. № 38 (2). P. 35-44.

30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Connection of times and meanings: sacred trees // Mission of confessions. 2019. Volume 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142

31. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of the implementation of activities // The power of history - History of power. 2024. Volume 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.

32. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring access to medical care // Culture of the World. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.

Мефодьева С.А.

*Кандидат философских наук, доцент
кафедры политологии Восточного института - школы
региональных и международных исследований,
Дальневосточный федеральный университет.*

Серикбаева А.Д.

Студент, Дальневосточный федеральный университет.

Политические фейки как инструмент информационной войны в контексте Специальной военной операции на Украине

Сегодняшние войны, военные конфликты, вооруженные столкновения — это сочетание двух явлений: конвенциональной войны - войны в классическом виде на поле боя с обычными вооружениями и информационной - войны за умы людей. Значение последней в современных условиях актуализировалось в связи с глобализацией информационных процессов, бурным развитием и господством информационных технологий, их повсеместным внедрением во все ключевые сферы жизни общества. Совокупность этих факторов позволяет политическим акторам эксплуатировать информационное пространство в своих интересах. Понятие “информационная война” носит гибридный характер, поскольку в ходе исторической эволюции оно успело заключить в себя множество различных характеристик и черт. В соответствии с целями воздействия на людей оно отождествлялось с такими терминами как пропаганда, контрпропаганда, когнитивная война, психологическая война, техника дезинформации и так далее, однако в ходе становления информационного общества данное понятие закономерно обособилось от всего прочего в самостоятельное явление. В качестве рабочего определения можно использовать формулировку Манойло А.В., звучит она следующим образом: “Информационная война – это вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных операций с применением информационного оружия”. Далее автор обращает внимание на то, что главная задача информационных войн – разделить и поляризовать общество, разорвать его на множество

клочков и фрагментов, заставить эти фрагменты искренне ненавидеть друг друга с тем, чтобы затем столкнуть их между собой, инициировав борьбу на уничтожение, или объединить их агрессию в единый поток и направить его против действующей власти¹. И действительно, сложно не согласиться с такой характеристикой информационных войн, ведь она в точности отображает происходящие события сегодняшнего дня. Оружием в такой войне является информация, а точнее - технология ее преподнесения. В рамках информационной войны ее участники, пренебрегая всеми правилами хорошего тона, подают информацию преимущественно в искаженном виде. Здесь будет уместно упомянуть известное изречение знаменитого древнекитайского стратега и мыслителя VI в до н. э. Сунь-Цзы: «Война - это путь обмана». Эта фраза не потеряла своей актуальности по сей день и означает следующее: на войне необходимо обманывать противника всеми возможными средствами. Одним из самых сильных таких средств является распространение дезинформации - это абсолютное и совершенное оружие в информационной войне. Искусно внедренная фальшивая информация способна изменить мнение массы людей, направить оружие на ложную цель, посеять в обществе панику или наоборот - отвлечь всех от важной информации. В качестве яркого примера такого воздействия можно привести события времен Отечественной войны 1812 года, когда за несколько лет до нее, во Франции и других европейских странах распространилось мнение о России как прирожденном агрессоре, о русском народе как варварах, имеющих своей целью уничтожить западноевропейскую цивилизацию. С этой целью в Париже весной 1812 года по личному распоряжению Наполеона издается труд «О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия». Были приложены немалые усилия по распространению этой книги. В данном произведении во главу угла ставилось так называемое «Завещание Петра Первого». Утверждалось, что оно хранится под тщательным присмотром в домашних архивах российских императоров. Однако не только на тот, но и на сегодняшний момент исследователи так и не обнаружили упомянутого документа, а также каких-либо реальных подтверждений и свидетельств его существования. Итогом проделанной пропагандистской работы стали воодушевление французской армии на борьбу с Россией, утверждение в общественном мнении аксиоматичности правоты дан-

1 Маноило А.В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. // URL: www.evestnik-mgou.ru.

ных нарративов и как следствие - абсолютная легитимация действий Наполеона. Сегодня практика по распространению дезинформации для достижения политических целей обрела огромную популярность и силу. Так, приблизительно с 2016 года в информационных войнах начали активно применяться фейковые новости (фейки) - информационные вбросы, содержащие специально подготовленную информацию изначально провокационного и резонансного характера².

Фейковые новости выполняют ряд определенных задач, среди которых выделим такие как: отвлечение внимания через создание ажиотажа вокруг мнимого информационного повода, сеяние страха и паники в обществе и др. Наряду с перечисленными одной из важнейших задач является перехват информационной повестки и замыкание ее на себя с тем, чтобы содержание фейка на некоторое время стало навязчивой идеей, подчиняющей сознание человека, попавшего под ее влияние. Опасность такого положения заключается в том, что мы сталкиваемся с ситуацией, когда сознание человека, его взгляд на определенные события и явления под воздействием этого влияния меняются. В свою очередь это измененное сознание может спровоцировать человека на совершение необдуманных деструктивных для себя и общества действий.

Очевидно, что фейки - это угроза для национальной безопасности государства. И Российская Федерация столкнулась с ней в полной мере. Ситуация серьезно обострилась с началом ведения Специальной Военной Операции (СВО) на Украине. США и их сателлиты (Украина в том числе) запустили машину по производству фейковых новостей, они активно используют их для создания откровенно вредоносного контента с целью дискредитации ВС РФ, публичных российских политиков, лидеров мнений, для подрыва авторитета России на международной арене, снижения уровня доверия населения страны к власти, сеяния паники в российском обществе и так далее.

С разворачиванием СВО Россия столкнулась с одной из самых массовых информационных атак в своей истории. Распространение фейковой информации со стороны внешних агрессоров превратилось в настоящую целенаправленную стратегию по антироссийской пропаганде. Так, по данным АНО «Диалог» (всероссийский правительственный межведомственный центр компетенций в сфере интернет-коммуникаций и оператор цифрового диалога между властью и обществом) за весь

2 Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. 2019. № 2. С. 38.

2022 год количество уникальных фейков достигло 3,7 тысячи, а число их упоминаний превысило 9,3 миллиона³. С конца февраля 2022 было выявлено почти столько же уникальных фейков, сколько до этого зафиксировалось за весь 2021 год. Первое появление массовых и однотипных фейков, связанных с СВО, фиксируется с марта 2022 года. Как сообщают в российских ведомствах, включая Минобороны, за производством большинства фейковых новостей стоит украинская сторона, поставившая своей задачей искусственно увеличить уровень психологической напряженности в российском обществе с помощью постоянных вбросов на одни и те же темы.

Тем фейковой проблематики в контексте СВО достаточно много. Среди самых популярных мы можем выделить тему, связанную с всеобщей мобилизацией. Из-за неверной интерпретации некоторыми СМИ официальных заявлений, фейк о второй волне мобилизации активно распространялся с 11 октября 2022 года. Он получил самый большой охват – 239,2 млн просмотров. Вторая волна интереса к теме была выявлена в январе 2023 года⁴. Подобные материалы способствовали массовым волнениям среди российского населения и очередной волне негативных настроений по отношению к России со стороны граждан других стран.

Еще одной излюбленной темой является тема очернения вооруженных сил Российской Федерации. Так, с начала СВО в информационном пространстве систематически всплывают фейки о том, что российские военные наносят массированные удары по гражданской инфраструктуре на Украине. Одним из самых прогремевших фактов фейкового вброса по этой тематике является история с бомбежкой роддома в Мариуполе. В марте 2022 года во всех ведущих украинских и западных СМИ вышла новость о том, что российские войска якобы ударили по роддому в Мариуполе, новость была подкреплена снимком, на котором запечатлена популярный бьюти-блогер Марианна Подгурская⁵. Фотограф Евгений Малолетка заснял ее на “развалинах роддома”. Украинская сторона утверждала, что на роддом сбросила бомбу российская авиация. Сама Марианна, выбравшись из Мариуполя, рассказала рос-

3 Количество фейков в сети в 2022 году выросло в шесть раз // ТАСС. 2022. 20 дек. // URL: <https://tass.ru/obschestvo/16642301> (Дата обращения: 24.02.2023).

4 Лапша Медиа // URL: <https://ren.tv/news/v-mire/958567-rozhenitsa-iz-podorvannogo-vsu-roddoma-razobrachila-feik-zapadnykh-smi?ysclid=ltzs10a4ta373705968> (Дата обращения: 20.03.2024)

5 Who Is Marianna Podgurskaya? Russia Slammed for Spreading Fake News that Ukrainian Beauty Blogger Staged Mariupol Hospital Attack Photos // IBT // URL: <https://www.ibtimes.sg/who-marianna-podgurskaya-russia-slammed-spreading-fake-news-that-ukrainian-beauty-blogger-staged-63305>

сийским СМИ, что было на самом деле, восстановив по минутам события того дня. Так, например, одним из свидетельств, которым она поделилась, является то, что западные СМИ брали у Марианны интервью после взрыва у роддома в Мариуполе. Девушка тогда утверждала, что никакого авиаудара по роддому не было, но этот фрагмент из интервью вырезали. Таким образом, в рамках ведения информационной войны против России, украинская сторона сфабриковала очередной фейковый репортаж⁶.

Самым шумевшим и ярко иллюстрирующим активное распространение фейковой информации является развернутая информационная кампания вокруг Бучи (Киевская область), когда Киев обвинил российских военных в чудовищном преступлении по отношению к мирному населению Бучи⁷. ВС РФ оставили этот населенный пункт еще 30 марта 2022 года, а спустя четыре дня украинская сторона внезапно распространила сообщение о «зверствах оккупантов», а также видео и фотоконтент с улицами, заваленными трупами. Все эти обвинения в среднесрочной перспективе рассыпались, версия о том, что «русские солдаты убивают мирных людей» развалилась, ее несуразности просочились даже в западную прессу, но провокация уже сыграла свою роль и в рамках достижения краткосрочного эффекта, кампания достигла своей цели - силами медийной машины был обеспечен необходимый фон для принятия политического решения - против России был введен очередной, заранее подготовленный, пакет санкций, а поставки оружия на Украину со стороны США и стран Запада уверенно активизировались.

Подобного рода информационные атаки со стороны противника работают как на краткосрочную перспективу, достигая моментальных результатов, так и на долгосрочную, создавая почву для негативных последствий национального уровня в будущем. Исследователи обращают внимание на то, что первичным объектом или первичной жертвой влияния таких атак становятся человек и его сознание, а вторичными

⁶ Фейк о бомбежке роддома в Мариуполе разоблачила сама «героиня» съемки. Смотри: WWW.KPRU: <https://www.kp.ru/daily/27374.5/4567215/> // Комсомольская правда // URL: <https://www.kp.ru/daily/27374.5/4567215/?ysclid=lujpluc5d584387399> (Дата обращения: 12.02.2024).

⁷ Смотри, например: Dozens of Bucha civilians were killed by metal darts from Russian artillery // The Guardian // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.15dc6979-660d3d00-98d9ec61-74722d776562/ <https://cpj.org/2022/04/after-russian-withdrawal-ukrainian-journalists-found-killed-in-bucha-and-yagodnoye/> (Дата обращения: 12.02.2024); Russian soldiers open fire on cyclist in Bucha in video verified by The New York Times Erin Snodgrass // Business Insider // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.15dc6979-660d3d00-98d9ec61-74722d776562/ <https://www.businessinsider.com/nyt-russian-soldiers-open-fire-cyclist-in-bucha-in-video-2022-4> (Дата обращения: 12.02.2024).

являются политическая и экономические системы государства. Именно поэтому не обращать внимания и не принимать соответствующих мер по борьбе с распространением фейковых новостей было бы стратегической ошибкой.

Неслучайно Российская Федерация работает в этом направлении на двух уровнях: на государственном и на общественном. Находясь в условиях развернутой против нее информационной войны, РФ создает комплекс мер, направленных на противодействие информационным атакам и минимизацию их последствий. Как уже было сказано, в последнее время именно фейки стали активно использоваться в качестве инструмента информационной войны, в силу чего по данному ведется масштабная работа как со стороны органов государственной власти, так и со стороны гражданского общества.

Рассмотрим работу по борьбе с фейками со стороны государственных организаций. В феврале 2022 г. Роскомнадзор анонсировал запуск системы обезвреживания «инфобомб» под названием «Вебрь». Подведомственное Роскомнадзору ФГУП «Главный радиочастотный центр» выполняет внутренние испытания системы, которая будет выявлять «потенциальные точки напряженности в сети», т.е. возможные информационные угрозы. «Вебрь» также сможет анализировать и прогнозировать, где могут распространяться «деструктивные» материалы⁸. Помимо прочего Роскомнадзор занимается работой с информационной инфраструктурой - ограничении и блокировки соцсетей, мессенджеров, VPN.

Ведется также активная законотворческая деятельность. Так, 4 марта 2022 года введена в действие статья 207.3 Уголовного кодекса РФ, которая установила ответственность за распространения фейков о военной службе, а 22 марта 2022 года статью дополнили, установив уголовную ответственность также за распространение недостоверной информации об исполнении своих обязанностей органами государственной власти за пределами РФ⁹. Кроме того в один ряд по борьбе с фейками встает закон о так называемых иноагентах¹⁰, накладывающий ряд ограничений на де-

8 Тюняева М. Роскомнадзор готовится запустить систему обезвреживания инфобомб в Интернете // Ведомости. 2023. 20 февр. // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/02/20/963570-roskomnadzor-gotovitsya-zapustit-sistemu-obezvrezhivaniya-infobomb> (Дата обращения: 22.02.2023)

9 Что такое фейковые новости и как за них будут наказывать? [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы РФ. // URL: <http://duma.gov.ru/news/29982/> (Дата обращения: 20.06.2020)

10 Закон Российской Федерации «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 № N 255 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022.

тельность человека или организации, ведущих подрывную активность в России за счет финансирования иностранными лицами. Как следствие, у лиц, которым присвоен данный статус, остается все меньше возможностей для распространения фейковой информации и оказания влияния на свою аудиторию.

Следует также обратить внимание на культурно-идеологическую и просветительскую деятельность на уровне всероссийских и международных фестивалей и форумов. Так например, на полях Всемирного фестиваля молодёжи (Сочи, март 2024 года) прошла стратегическая сессия «Фейки, дипфейки, нейросети: вызовы и возможности новых технологий»¹¹. А двумя годами ранее на Петербургском Международном форуме прошла сессия “Fake news в эпоху глобализации”, где советник Министра просвещения РФ Антон Назаров справедливо отметил: “Противодействовать фейкам можно только при условии хорошего образования и медиаграмотности” и, вследствие чего, анонсировал масштабную работу Министерства просвещения по обучению основам медиаграмотности в школах.

В то же время работу по борьбе с фейками ведет проект от АНО “Диалог Регионы” под названием «Лапша Медиа» - это первый в России фактчекинговый сервис. Следует отметить, что подобные сервисы постфактум-проверки фактов впервые возникли в США еще в начале 2000-х годов. Их суть заключается в том, что при помощи агрегатора инструментов для борьбы с фейками любой желающий может прислать информацию на сайт, чтобы проверить её подлинность. Работа российского сервиса “Лапша Медиа” проходит при поддержке партнёров с интернет-площадками в рамках Меморандума о противодействии фейкам¹². Работа по разоблачению фейковой информации ведется и на телевидении на уровне государственных каналов. Так, например, на Первом канале идёт программа “Антифейк”, посвященная разбору фейковых историй и видео.

Важное место в обеспечении информационной безопасности занимает также работа гражданского общества: происходит разработка и создание каналов по борьбы с фейками, ориентированных на широкий круг медиапотребителей. Такие ресурсы, как Infosecurity или «Война с

¹¹ Сессия «Фейки, дипфейки, нейросети: вызовы и возможности новых технологий» на ВФМ // RT на русском // URL: <https://russian.rt.com/russia/article/1280360-feiki-neiroseti-sessiya-festival-molodezhi?ysclid=ltzxnioa9p72767243>

¹² Крупнейшие российские IT-компании и СМИ подписали в ТАСС меморандум о борьбе с фейками // ТАСС // URL: <https://tass.ru/ekonomika/12604685?ysclid=lujt75iiiq566980910>

фейками»¹³ призваны разоблачать фейки, оперативно информировать об утечках данных или взломе баз крупных компаний с персональными данными. Группа исследователей факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Медиабезопасность в эпоху цифровых трансформаций» также создала Telegram-канал, ориентированный на широкую аудиторию, где размещается информация в помощь по распознаванию ложных сведений (инфографика, брошюры, видеоролики, интервью со специалистами, статьи, опросы и пр.)¹⁴.

Столь активное включение общества и государства в борьбу за отстаивание правды в своем информационном пространстве говорит о том, что Россия встала на путь достижения цифровой информационной суверенизации, ситуация вокруг СВО стала своеобразной “красной линией” или толчком к развитию данной тенденции. Однако сейчас мы не можем говорить о том, что принимаемые меры работают в полной и достаточной мере. В работе органов государственной власти по этому фронту имеются существенные недоработки и пробелы, которые необходимо исправлять и заполнять. Так, например, у России практически нет рычагов воздействия на информационное пространство Европы, США, Украины - всех тех стран, которые активно ведут антироссийскую пропаганду, направленную как на своих, так и на российских граждан. В социальных сетях, которые контролируются США, массово блокируются российские каналы с альтернативной точкой зрения на происходящие события. Одновременно с этим многие европейские страны фактически оборвали дипломатические отношения с Россией. Все это порождает серьезную проблему - Россия не может донести свою позицию до населения недружественных государств. Позитивные сдвиги по этому направлению появились только после того, как президент РФ Владимир Путин дал интервью американскому политическому журналисту Такеру Карлсону, что стало своеобразным прорывом в информационной блокаде России. В ходе двухчасовой беседы Владимир Путин подробно объяснил позицию Москвы по поводу российско-украинских отношений, СВО, НАТО, стратегических целей России и готовности к диалогу с Киевом. Наконец-то международная аудитория услышала правдивую информацию по поводу событий на Донбассе.

13 Война с фейками // Telegram. // URL: <https://t.me/s/warfakes> (Дата обращения: 15.03.24)

14 Неренц Д.В. Фейки как угроза медиабезопасности в России XXI в. // Россия и современный мир. 2023. № 2. С. 108-109.

Тот факт, что количество просмотров данного интервью на всех источниках и на всех языках превысило миллиард уже через два дня после его первого опубликования, говорит о наличии огромного запроса со стороны международной общественности на получение альтернативных точек зрения, отличных от тех, что транслируют западные, американские и украинские СМИ¹⁵. Следовательно, критически необходимо предпринять все возможные меры, чтобы этот запрос обработать, ведь одна из целей информационной войны против России - это дискредитация ее имиджа за рубежом, нельзя допустить, чтобы эта цель была достигнута. Говоря о проблемах, существующих на полях информационной войны, следует также отметить, что информационные технологии постоянно развиваются, соответственно, возрастают возможности для создания и распространения еще более массового и качественного потока фейковой информации, что в свою очередь требует от государства адекватной и своевременной реакции.

Список литературы:

1. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. // URL: www.evestnik-mgou.ru.
2. Манойло А.В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. 2019. № 2. С. 38.
3. Количество фейков в сети в 2022 году выросло в шесть раз // ТАСС. 2022. 20 дек. // URL: <https://tass.ru/obschestvo/16642301> (Дата обращения: 24.02.2023).
4. Лапша Медиа // URL: <https://ren.tv/news/v-mire/958567-rozhnitsa-iz-podorravnogo-vsu-roddoma-razobrachila-feik-zapadnykh-smi?ysclid=ltzs10a4ta373705968> (Дата обращения: 20.03.2024)
5. Who Is Marianna Podgurskaya? Russia Slammed for Spreading Fake News that Ukrainian Beauty Blogger Staged Mariupol Hospital Attack Photos // URL: <https://www.ibtimes.sg/who-marianna-podgurskaya-russia-slammed-spreading-fake-news-that-ukrainian-beauty-blogger-staged-63305>
6. Фейк о бомбежке роддома в Мариуполе разоблачила сама «героиня» съемки. // URL: <https://www.kp.ru/daily/27374.5/4567215/> // Комсомольская правда // URL: <https://www.kp.ru/daily/27374.5/4567215/?ysclid=lujpluc5d584387399> (Дата обращения: 12.02.2024).
7. Смотри, например: Dozens of Bucha civilians were killed by metal darts from Russian artillery // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.15dc6979-660d3d00-98d9ec61-74722d776562/https/cpj.org/2022/04/after-russian-withdrawal-ukrainian-journalists-found-killed-in-bucha-and-yagodnoye/ (Дата обращения: 12.02.2024)
8. Russian soldiers open fire on cyclist in Bucha in video verified by The New York Times Erin Snodgrass // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.15dc6979-660d3d00-98d9ec61-74722d776562/https/www.busiessinsider.com/nyt-russian-soldiers-open-fire-cyclist-in-bucha-in-video-2022-4 (Дата обращения: 12.02.2024).
9. Тюняева М. Роскомнадзор готовится запустить систему обезвреживания инфобомб в Интернете // Ведомости. 2023. 20 февр. // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/02/20/963570-roskomnadzor-gotovitsya-zapustit-sistemu-obezvrezhivaniya-infobomb> (Дата обращения: 22.02.2023)
10. Что такое фейковые новости и как за них будут наказывать? // Официальный сайт Государственной Думы РФ. // URL: <http://duma.gov.ru/news/29982/> (Дата обращения: 20.06.2020)
11. Закон Российской Федерации «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 № N 255 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022.
12. Сессия «Фейки, дипфейки, нейросети: вызовы и возможности новых технологий» на ВФМ // RT на русском // URL: <https://russian.rt.com/russia/article/1280360-feiki-neiroseti-sessiya-festival-molodezhi?ysclid=ltzxnioa9p72767243>
13. Крупнейшие российские IT-компании и СМИ подписали в ТАСС меморандум о борьбе с фейками // ТАСС // URL: <https://tass.ru/ekonomika/12604685?ysclid=luj75iuiq566980910>
14. Война с фейками // URL: <https://t.me/s/warfakes> (Дата обращения: 15.03.24)
14. Неренц Д.В. Фейки как угроза медиабезопасности в России XXI в. // Россия и современный мир. 2023. № 2. С. 108-109.

15 Lenta.ru // Просмотры интервью Путина оценили в миллиард // URL: <https://lenta.ru/news/2024/02/11/prosmotry-intervyu-putina-otsenili-v-milliard/?ysclid=lukkloxzu0804281895>

Bibliography

1. Manoilo A.V. Information war and new political reality (I) // Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal). 2021. № 1. // URL: www.evestnik-mgou.ru.
2. Manoilo A.V. "Fake news" as a threat to national security and a tool of information management // Bulletin of Moscow University. 2019. №2. P. 38.
3. The number of fakes on the network in 2022 increased sixfold // TASS. 2022. 20 Dec. // URL: <https://tass.ru/obschestvo/16642301> (02.24.2023).
4. Noodles Media // URL: <https://ren.tv/news/v-mire/958567-rozhenitsa-iz-podorvannogo-vsu-roddoma-razobrachila-feik-zapadnykh-smi?ysclid=ltzs10a4ta373705968> (20.03.2024)
5. Who Is Marianna Podgurskaya? Russia Slammed for Spreading Fake News that Ukrainian Beauty Blogger Staged Mariupol Hospital Attack Photos // URL: <https://www.ibtimes.sg/who-marianna-podgurskaya-russia-slammed-spreading-fake-news-that-ukrainian-beauty-blogger-staged-63305>
6. The "heroine" of the shooting herself exposed the fake story about the bombing of a maternity hospital in Mariupol. // URL: <https://www.kp.ru/daily/27374.5/4567215/> // Komsomolskaya Pravda // URL: <https://www.kp.ru/daily/27374.5/4567215/?ysclid=lujpluc5d584387399> (02.12.2024).
7. See, for example: Dozens of Bucha civilians were killed by metal darts from Russian artillery // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.15dc6979-660d3d00-98d9ec61-74722d776562/https/cpj.org/2022/04/after-russian-withdrawal-ukrainian-journalists-found-killed-in-bucha-and-yagodnoye/ (02.12.2024)
8. Russian soldiers open fire on cyclist in Bucha in video verified by The New York Times Erin Snodgrass // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.15dc6979-660d3d00-98d9ec61-74722d776562/https/www.bussiessinsider.com/nyt-russian-soldiers-open-fire-cyclist-in-bucha-in-video-2022-4 (02.12.2024).
9. Tyunyaeva M. Roskomnadzor is preparing to launch a system for neutralizing information bombs on the Internet // Vedomosti. 2023. 20 Feb. // URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/02/20/963570-roskomnadzor-gotovitsya-zapustit-sistemu-obezvrezhivaniya-infobomb> (02.22.2023)
10. What is fake news and how will they be punished? // Official website of the State Duma of the Russian Federation. // URL: <http://duma.gov.ru/news/29982/> (06.20.2020)
11. Law of the Russian Federation "On control over the activities of persons under foreign influence" dated July 14, 2022 No. N 255 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2022.
12. Session "Fakes, deepfakes, neural networks: challenges and opportunities of new technologies" at VFM // RT in Russian // URL: <https://russian.rt.com/russia/article/1280360-feiki-neiroseti-sessiya-festival-molodezhi?ysclid=ltzxnioa9p72767243>
13. The largest Russian IT companies and media signed a memorandum on combating fakes with TASS // TASS // URL: <https://tass.ru/ekonomika/12604685?ysclid=lujt75iiq566980910>
14. War on fakes // URL: <https://t.me/s/warfakes> (03.15.24)
14. Nerents D.V. Fakes as a threat to media security in Russia in the 21st century. // Russia and the modern world. 2023. № 2. P. 108-109.

Гиваргизян А.Ф.

*Кандидат культурологии, доцент
кафедры теории и истории искусств ИИИ,
Московский педагогический государственный университет.*

Святой Власий Себастиийский в русской культуре

Святой Власий жил в период раннего христианства (в III-IV веках) и был епископом Себастии. Власий был известен своей глубокой верой, исцеляющими способностями и особым почитанием животных.

Время жизни Святого пришлось на правление императоров Диоклетиана и Лициния, когда христиане подвергались гонениям за свою веру, а сами императоры отличались особой жестокостью по отношению к христианам. Из-за проводимых гонений Власий был вынужден укрыться в горной пещере. Согласно преданиям, в пещере его окружали дикие звери, которых он кормил и помогал исцеляться от недугов [9, с. 82].

По легенде, за отказ отречься от своей веры Власий был захвачен и подвергнут мучениям. Несмотря на жестокость пыток, он оставался непоколебим в своей вере и продолжал проповедовать учение Христа. В конечном итоге, Власий был обезглавлен, став святым мучеником за веру.

Святой Власий Себастиийский почитается в христианстве как защитник от болезней горла (по легенде он исцелил мальчика, у которого в горле застряла рыба кость) и считается покровителем животных.

Распространение культа данного Святого на Руси тесно связано с процессом христианизации и взаимодействием с Византийской империей. Культ Власия стал важной фигурой в религиозном пантеоне, а его образ нашел отражение в архитектуре, искусстве и народных традициях. День памяти Святого Власия на Руси отмечается в 11 февраля (по новому стилю) [8, с. 17].

Основным типом культурно-исторических памятников и центром поклонения Святому Власию является церковная архитектура. Наиболее значимые церковные памятники, посвященные Святому на территории России, расположены в Великом Новгороде, Москве, Ярославле,

Вологде, Костроме и ряде других населенных пунктов.

Одним из наиболее древних памятников культа Святого Власия в русской церковной архитектуре является храм в Великом Новгороде.

Храм был возведен в начале XII века (первое упоминание относится к 1111 году), когда город выполнял функции крупнейшего торгово-культурного центра. Его строительство было частью широкомасштабной программы возведения религиозных сооружений, связанной с растущим влиянием христианства на Руси.

По мнению исследователей и ряда теологов, первоначальный деревянный храм был воздвигнут на месте капища Велеса. В качестве одной из причин выбора места выделяется символизм христианского превосходства над идолопоклонством. Между тем, археологические подтверждения этой гипотезы отсутствуют [3, с. 42].

Из летописей известно, что в 1407 году на месте деревянного храма местные жители построили новое каменное здание, впоследствии ставшее соборным. Во второй половине XVIII века храм был частично перестроен: было усовершенствовано его внутреннее естественное освещение, а сам храм расширен за счет придела Иакова и новой колокольни.

В XIX веке были проведены реставрационные работы, обусловленные физическим состоянием здания. Работы были направлены на сохранение архитектурного облика, укрепление фундамента, обновление кровли и системы водоотведения, а также на реставрацию отдельных архитектурных и художественных деталей.

В период немецко-фашистской оккупации храм был почти разрушен, а после войны возникла угроза его полного сноса. Несмотря на это, благодаря настойчивости и усилиям научного сообщества, в 1950-х годах началась его реставрация, которая позволила вернуть церкви первозданный облик. Реставрационные работы дали возможность воссоздать исторические архитектурные элементы, в том числе купол и своды, а также восстановить древние порталы и окна, добавив храму особенную атмосферу аутентичности.

Храм выполнен в виде четырехстолпной конструкции с одним куполом. Архитектура храма характеризуется строгими и выразительными формами, отличается простотой и сдержанностью линий. В его строении были использованы элементы, типичные для новгородской школы архитектуры в XII-XIII веков - высокие стены и маленькие окна. Внутреннее содержание здания также соответствует концепции лаконичности, простоты и сдержанности [1, с. 274].

В настоящее время данный архитектурный объект является лишь историческим памятником, церковно-религиозные функции он не выполняет.

На территории Москвы символом почитания Святого Власия является храм, расположенный в Старой Конюшенной слободе.

По мнению экспертов, данное религиозное сооружение было создано в XVI веке, при правлении Ивана IV Грозного. В архивных записях, датированных 1625 годом, церковь упомянута как построенная на Козьем болоте. Существует предположение, что ее наименование происходит от придела, который был перевезен из другого храма, расположенного на Козьем болоте. Примечательно, что данное сооружение является в Москве единственным официально посвященным Власию Себастьянскому.

Официальное упоминание о каменном строении храма впервые датируется 1644 годом, когда было получено благословение на освящение четырех алтарей. Последующие исследования показали, что каменное здание было возведено еще в начале XVII века и претерпело несколько реконструкций, которые сохраняли элементы предыдущих построек. Через несколько лет была построена трапезная, а к концу XVII века храм был почти полностью перестроен в стиле барокко.

В 1735 году один из приделов был демонтирован, а в последующем на его месте создан придел Иоанна Воина, который позже также был закрыт. К концу XVIII века храм обзавелся колокольной, а после пожара 1812 года его архитектура вновь была значительно обновлена.

Примечательно, что среди постоянных прихожан церкви была известная актриса Екатерина Семенова. А.С. Пушкин, будучи ее поклонником, отмечал ее талант в своих работах, особо выделяя вклад Семеновой в развитие русской драматургии.

Во второй половине XIX века, благодаря пожертвованиям купцов Куманиных, вместо старой трапезной построено новое здание, а западный фасад основания колокольни украшен строгим портиком из белого камня. Также в этот период были освящены два придела – Казанский и Власьевский, и по эскизу архитектора А.С. Каминского изготовлены новые ворота и иконостас.

К середине 1920-х годов, была создана пристройка, посвященная Серафиму Саровскому, перемещенному туда после закрытия другого религиозного сооружения. Однако к 1934 году храм прекратил свое существование как святыня, став выполнять функции учебных мастерских.

В последующие годы он пришел практически в полную негодность, а в середине 70-х годов началось его возрождение [6, с. 223].

В 1992 году храм, посвященный священномученику Власию, был восстановлен и стал пригодным для использования в религиозных целях, однако богослужения активно начали проводиться только через пять лет, после окончания реставрационных работ.

В настоящее время церковь характеризуется активной просветительской и общественной деятельностью. Само здание, включающее элементы разных эпох, представляет собой композицию, базирующуюся на архитектурных особенностях времен до реформ Петра Великого. Характерной спецификой являются восьмиугольные окна и карнизы с узором «пила», а также декоративные наличники в стиле «московского барокко». Внутреннее пространство украшают фрагменты живописи XVII века и элементы более ранних строений, включая части предыдущего алтаря.

Храм Святого Власия занимает в сердцах прихожан особое место, благодаря уникальной духовной атмосфере. Д. Андреев, потомок Л.Н. Андреева, в своем произведении «Роза мира» описывает свой неожиданный визит в храм в конце 1933 года, в ходе которого он стал свидетелем акафиста в честь преподобного Серафима Саровского. С первых секунд пребывания в церкви он ощутил сильное эмоциональное воздействие, приведшее к несвойственному ему ранее акту коленопреклонения и слезам блаженства. Автор отметил, что подобные переживания доступны лишь в атмосфере московских храмов.

Начало истории церкви Святого Власия в Ярославле теряется в глубине веков, однако эксперты предполагают, что она была одной из первых святынь города, а на ее месте когда-то могло быть место поклонения Велесу, славянскому божеству плодородия и скотоводства. Документы указывают на полное разрушение этой церкви в 1609 году во время нападения польских захватчиков. После периода Смуты было восстановлено деревянное здание, посвященное Сергию Радонежскому (1614 г.), святому Власию (1651 г.) и Святой Троице [2, с. 253].

Пожар 1658 года, уничтожившей многие постройки, обусловил принятие решения о возведении каменного храма. Спустя 15 лет начались работы, финансируемые местным меценатом Иваном Силантьевым, и к 1679 году храм был готов. В 1681 году здесь освятили приделы, посвященные Сергию Радонежскому и Феодору Стратилату, последний из которых прекратил свое существование в 1814 году. Детали о том, кто

именно украшал интерьер церкви, утеряны. Рядом с храмом также находилось кладбище, исчезнувшее в XVIII столетии.

В первой половине XVIII века был возведен новый каменный храм, реконструированный в начале XIX века и полностью разобранный в 1825 году из-за угрозы обрушения. Затем на его месте началось строительство нового здания церкви, главный престол которой был освящен в честь Толгской иконы Божией Матери в 1826 году, а придел Власия - в 1832 году.

К 1831 году, благодаря пожертвованиям Ивана Оловянишникова, была организована реконструкция храма, в том числе, добавлена паперть с колоннадой. В 1833 году, после ремонта, храм был вновь освящен, а его территория окружена каменной оградой с башнями. Колокольня, возведенная в 1866 году на средства Оловянишникова, была украшена новым колоколом, весившим свыше 1000 пудов.

Церковь Святого Власия в Ярославле прекратила свое существование в 1929 году, а уже в 1933 году была снесена. Планы по установке памятника Ленину на ее месте не были реализованы, а в предвоенные годы здесь построили гостиницу «Ярославль».

В Вологде церковь Власия Себастьянского выступает значимым элементом культурного наследия на региональном уровне.

Первоначальная церковь, выполненная из дерева, была построена в период между XVI и XVII веками. Позднее, в начале XVIII века, появилось кирпичное здание церкви. Большинство экспертов сходятся во мнении, что датой постройки является 1714 год [5, с. 71].

Примечательно, что Николай Матвеевич Рынин, вологодский юрордивый (в 1988 году канонизирован Русской Православной Церковью как Николай Вологодский), принял обряд крещения именно в этой церкви.

К началу XIX столетия приход этого храма выделялся одним из наибольших чисел прихожан в городе и составлял более 600 человек по данным 1818 года.

В 1929 году храм прекратил свою деятельность, его община была объединена с Николо-Глинковской, само здание было адаптировано под нужды мельницы и хлебозавода, а колокольня и алтарная часть храма были демонтированы.

Основной архитектурной концепцией храма является кирпичная постройка, выполненная в стиле восьмерика на четверике, с богатой трапезной, относящейся к первой четверти XVIII века. Церковь вклю-

чает четыре алтаря и характеризуется объединением двух ее частей аркой. По особенностям строения храм отражает переходный момент в архитектуре от русского стиля к барокко.

В 1991 году, благодаря решению местных властей, Церковь Власия в Вологде была официально признана историко-культурным объектом, находящегося под защитой государства.

В 2015 году, на основании просьбы вологодских литераторов, было ликвидировано торговое помещение, присутствующее на территории храма. В августе того же года, по указу митрополита Игнатия, был восстановлен приход церкви, а также назначен ее настоятель. Позже, в 2019 году, храм обогатился частицей мощей святого Власия, а к концу того же года на его куполе возвысился православный крест.

В Костроме Власиевская церковь была возведена в начале девятнадцатого столетия. Данный архитектурный объект стал свидетельством эволюции стилей религиозного строительства, ознаменовав собой переход от пышности барокко к строгим линиям классицизма. В XVII веке на месте будущей постройки церкви, уже стояли деревянные храмы, посвященные Святому Власию и Николаю Чудотворцу, которые благодаря вкладам местных верующих были заменены каменным строением в 1805 году [7, с. 73].

С течением времени церковь претерпела ряд изменений: утрачены верхние уровни ее колокольни вместе со шпилем, а к западной стороне добавлены объемные аннексы, радикально трансформирующие ее внешний облик и внутреннее убранство.

Здание церкви, выполненное из кирпича и покрытое штукатуркой, относится к категории безстолпных двухэтажных пятиглавых храмов с колокольней. В его строении сочетается новаторство с элементами традиционного наследия, в результате чего создается симметричный и гармоничный архитектурный ансамбль.

Центральная часть церкви имеет форму четверика с мягко округленными углами и завершается крышей с четырьмя скатами, над которой когда-то возвышались изящные главки. Ниже расположены алтарь, а также притвор, который теперь скрыт другими элементами здания. Фасады здания украшены умеренным декором, типичным для данного стилового перехода, включающим в себя пилястры и лаконичные элементы карниза.

Внутреннее пространство церкви имеет два уровня, где нижний ярус посвящен Николаю, а верхний — Власию. Оба яруса характеризуются

отдельными целостными зонами. Перекрытия нижнего этажа выполнены в виде коробовых сводов, а главное помещение второго яруса отличается большей просторностью и завершается сводчатым перекрытием, которое демонстрирует величие и уникальность архитектурного решения.

Важную роль в русской культуре играет православная иконография. В иконописи Святой Власий часто изображается как величественный старец с белоснежной бородой, в руках его, как правило, находится священный текст. Образ Власия также входит в соборные композиции храмовой живописи.

В культурном наследии Руси святой Власий почитается наряду с прочими защитниками животных (например, Спиридон Тримифунтский). Иконография часто отображает их в процессе диалога.

В капеллах Европы сохранились вековые мозаики и росписи, воспроизводящие эпизоды из жизни священномученика Власия, его затворничество и чудотворения после кончины.

Среди икон Святого Власия, которые находятся в церквях или музеях, известны следующие типы изображений: [10, с. 178]

- «Святой Власий Себастикий» - традиционное изображение, где святой представлен в епископских одеждах с атрибутами своего служения (омофор, Евангелие);

- «Святой Власий между зверями» - икона, на которой изображен Святой Власий, окруженный дикими животными;

- «Чудо Святого Власия» - серия икон, изображающих различные чудеса, совершенные святым.

Примечательно, что в Древней Руси принято было размещать икону Власия Себастиевского в местах содержания скота, как талисман от болезней и недугов. Верующие были убеждены, что почитание святого способствует процветанию и защите домашнего хозяйства от экономических трудностей, обеспечивает благополучие обитателей дома. Особая благосклонность святого к животным помогает предотвратить их потерю из-за болезней. Власий является покровителем от многих заболеваний, переносимых животными, охраняя, в том числе, и от инфекций.

Особую роль святой играет в лечении горловых болезней и других недугов. Считается, что обращения за помощью и заступничеством к Власию приносит исцеление, как людям, так и страдающим животным.

Культурный интерес также представляют народные приметы и обря-

ды, связанные с днем Святого Власия. Два столетия назад, обряды, связанные с днем святого Власия, были направлены на процветание домашнего скота. Селяне собирали коров у святынь, где проводили богослужения, опрыскивали скот святой водой и предлагали ему особые лакомства – пышки и кашу на молоке, моля о богатом удое [4, с. 21].

Празднование этого данного дня сопровождалось выпечкой символического блина, который знаменовал собой солнечное тепло и жизненную энергию. В Воронеже издревле для людей и для животных готовили «копытца» из доступного теста. В северных регионах, после церковного молебна, проходили обряда освящения хлебных караваев для скота. Коров кормили самым качественным сеном, окружали заботой и нежными словами в надежде на заступничество святого.

День святого Власия на Руси традиционно считался началом ското-торговли. Примечательно существование обычая, когда после этого дня семена выставляли на мороз, а затем включали в посев для роста урожая.

Таким образом, Святой Власий является важной религиозной фигурой, символом гармонии человека с природой, защитником животных и целителем, а его культ продолжает играть значительную роль в духовной жизни России, оставаясь источником вдохновения для верующих и исследователей. Культ Святого Власия находит отражение в архитектуре, искусстве (иконописи) и народных обрядах. С точки зрения перспектив дальнейшего изучения роли Власа Себастьянского в русской культуре, можно отметить потенциал исследования влияния его культа на локальные традиции и обряды в различных регионах России, анализа изменений в его образе на протяжении веков, а также значения в современной религиозной практике и жизни верующих.

Список литературы:

1. Акопян З.А. Фрески церкви тигра на оненца (Св. Григория) (1215) в ани. профессиональный аспект // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2017. № 7. С. 269-179.
2. Антонов Д.И. «Хвалите Господа с небес», или несколько наблюдений о визуальном bestiarii русской иконографии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2017. № 10-2 (31). С. 248-257.
3. Громов М.Н. Образы Святой Земли и Святой Софии в русской культуре // Святая Земля в славяно-русской традиции: Сборник статей по материалам VII международного круглого стола, Москва, 22 мая 2017 года / Редакторы А.К. Коненкова, С.И. Михайлова. Том Выпуск 2. – Москва: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологии», 2018. С. 38-45.
4. Гусев Д.М. Опыт реставрации иконы «Святой мученик Власий» из собрания Государственного исторического музея // ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица», 2023. С. 15-24.
5. Крапчунов Д.Е. Визуальные проекции почитания сорока севастьянских мучеников в праздничной обрядности русской традиционной культуры // Визуальная теология. 2021. № 1. С. 60-84.
6. Нестерова Е.Н. Русские святые и их значение в русской культуре // Система научных ценностей российского общества: междисциплинарные исследования: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Таганрог, 13 января 2024 года. – Уфа: ООО «Аэтерна», 2024. С. 221-223.

7. Погосян Хахбакян Гагик Г. Памятники армянской архитектуры и топонимики в странах Восточной Адриатики: Албания, Черногория, Босния и Герцеговина, Хорватия, Словения // Регион и мир. 2023. № 2 (45). С. 69-84.
8. Самойловский А.Л. Языческо-христианский синкретизм на Руси // Наука. Общество. Оборона. 2022. № 1 (30). С. 6-29.
9. Сарабянов В.Д., Чтимые святые домонгольской Руси в росписях Софии Киевской. К вопросу о формировании локальной традиции. Часть I // Искусствознание. 2014. № 3-4. С. 49-87.
10. Сукина Л.Б. Иконы русских святых и рецепция феномена святости в культуре XVI-XVII вв. // Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2019. С. 177-179.

Bibliography

1. Akopyan Z.A. Frescoes of the Church of Tigran Onenets (St. Gregory) (1215) in Ani. confessional aspect // Current problems of theory and history of art. 2017. № 7. P. 269-179.
2. Antonov D.I. "Praise the Lord from Heaven," or several observations about the visual bestiary of Russian iconography // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology. 2017. № 10-2 (31). P. 248-257.
3. Gromov M.N. Images of the Holy Land and Hagia Sophia in Russian culture // Holy Land in the Slavic-Russian tradition: Collection of articles based on the materials of the VII international round table, Moscow, May 22, 2017 / Editors A.K. Konenkova, S.I. Mikhailova. Volume Issue 2. - Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State University of Design and Technology", 2018. P. 38-45.
4. Gusev D.M. Experience of restoration of the icon "Holy Martyr Blaise" from the collection of the State Historical Museum // Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State Academy of Arts and Industry named after A.L. Stieglitz", 2023. P. 15-24.
5. Krapchunov D.E. Visual projections of the veneration of the forty Sebastian martyrs in the festive rituals of Russian traditional culture // Visual Theology. 2021. № 1. P. 60-84.
6. Nesterova E.N. Russian saints and their significance in Russian culture // System of scientific values of Russian society: interdisciplinary research: Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Taganrog, January 13, 2024. – Ufa: Aeterna LLC, 2024. P. 221-223.
7. Poghosyan Khakhbakyan Gagik G. Monuments of Armenian architecture and toponymy in the countries of the Eastern Adriatic: Albania, Montenegro, Bosnia and Herzegovina, Croatia, Slovenia // Region and World. 2023. № 2 (45). P. 69-84.
8. Samoilovsky A.L. Pagan-Christian syncretism in Rus' // Science. Society. Defense. 2022. № 1 (30). P. 6-29.
9. Sarabyanov V.D., Revered saints of pre-Mongol Rus' in the paintings of Sophia of Kyiv. On the issue of the formation of a local tradition. Part I // Art history. 2014. № 3-4. P. 49-87.
10. Sukina L.B. Icons of Russian saints and the reception of the phenomenon of holiness in the culture of the 16th-17th centuries. // Vitebsk State University named after. P.M. Masherova. – Vitebsk: Vitebsk State University named after. P.M. Masherova, 2019. P. 177-179.

Кордас О.М.

*Кандидат философских наук, доцент
кафедры теологии, философии и культурологии,
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского.*

Архаическая маска в структурной антропологии К. Леви-Стросса

В европейско-христианской символической традиции маска понимается как символ обмана, атрибут персонифицированной Лжи, Порока [1]. Но этот смысл не был первоначально присущ маске. Эволюция маски связана со становлением мифологического мышления и уходит корнями глубоко в архаику, первые антропоморфные маски известны еще со времен палеолита [2]. Маска использовалась в погребальном обряде – на лицо умершего накладывалась маска из различных материалов, которая, возможно, должна была оберегать лицо от порчи, и гарантировать возвращение души точно к своему телу. Известны также зооморфные и антропоморфные маски, тоже имеющие ритуальное значение, при надевании которых человек идентифицировал себя с тотемом, родом, коллективом, духами предков.

Особенностью архаического сознания является переживание в единичном множественности и наоборот, тождество многоразличного. О. М. Фрейденбер пишет, что мифологическое сознание предстает как параллельные ряды метафор, заключающие в себе один смысл. Человек отождествляет себя с родом, тотемом, природой и всем космосом: «Тотемическое мышление есть мышление автобиографическое: для него мир – это тотем, а тотем – это каждый человек, взятый совокупно и раздельно. Есть только одно всеобщее собирательное «я», на лицо которого наброшена маска безличного хорового начала; это, грамматически, третье лицо множественного числа, которое, однако является первым лицом единственного» [3, с. 127]. Род равен тотему, слово тождественно делу. И главным принципом архаической маски является также тождество между формой и содержанием. Обладатель маски тотема, бога наделяется его силой и становится им. Это происходит в рамках обряда, ритуала, когда маска наделена сакральным смыслом. Ритуальная архаичная маска воплощает в себе множественно-единичный смысл, надсубъектный образ.

Не столько важен индивид – изменчивое лицо, носитель маски, сколько имеет значение его родовой обобщенный образ – сама маска.

Маска как культурный артефакт иллюстрирует изначально все возможные смыслы, которые по мере развития человеческой культуры дифференцируются и расходятся, образуя самостоятельные, порой противоположные символические системы. Можно провести аналогию с присущей мифологическому сознанию системой бинарных оппозиций: земля-небо, тьма-свет, верх-низ и т.д., а так же с представлением о центре, середине мира (вспомним образ мирового древа: верхний – средний – нижний миры). Возможно, и изменение семантики маски соответствует «троичному принципу вещи», мира, персонажа с «его обратной симметрией и серединой в качестве центра» [3, с. 202].

Французский этнограф и основатель структурной антропологии Клод Леви-Стросс обращается к проблеме маски в культуре традиционных обществ в нескольких своих работах, в первую очередь в вышедшей в 1979 году книге «Путь масок». В этом исследовании он применяет структурный метод для анализа материального объекта культуры, выявляя те же закономерности и особенности мифологического мышления, которые были сформулированы им ранее при изучении мифологии американских индейцев в «Структурной антропологии», «Первобытном мышлении», «Мифологиях» и других работах. В «Пути масок» Леви-Стросс описывает бытование, распространение и трансформацию в межкультурных контактах в индейских племенах особого типа ритуальных масок *swaihve*. Он рассматривает маску в трех аспектах. Во-первых, маска как материальный объект в своем пластическом воплощении. Во-вторых, маска в контексте системы мифов, объясняющих ее происхождение. И в-третьих, выявляет социальные и религиозные функции маски. К. Леви-Стросс ставит целью своего исследования «распространить на произведения искусства (но которые являются не только таковыми), метод, апробированный в изучении мифов» [4, с. 25], установить отношения трансформации как между пластическими характеристиками маски, так и между ее мифологическим и функциональным наполнениями. Он обращает внимание на то, что маска включена в систему мифов и не поддается интерпретации как изолированный объект, сама по себе. Как и миф, маска включена в определенный текст, в систему других масок, в группу своих трансформаций. Она построена не только из того, что она говорит, но из того, что она исключает [4, с. 94]. Значение архаичной маски считается в драматургическом действии ритуала, персонаж в маске должен

двигаться, танцевать, и сама маска могла быть подвижной – использовались шарниры, веревки, маски со створками, открывающими второе и даже третье лицо [4, с. 22].

Отталкиваясь от пластических характеристик маски, французский антрополог пытается разгадать семантику особого демонического стиля изображения маски swaihv, сравнивая с противопоставленной ей по всем признакам маской, называемой dzonokwa. Если признаки swaihv – выступающие глаза, длинный свисающий язык, нос в виде клюва или головы птицы, преобладание белого и голубого цветов, то dzonokwa инвертирует их – маленькие «слепые» глаза, круглый вытянутый рот, преобладание черного цвета. Инверсия сохраняется и при сопоставлении социальных и религиозных характеристик. Первый тип маски связан с водой или воздухом, воплощает предков, социальный порядок, является собственностью высокородных линий и применяется во время профанных праздников. Второй – связан с земной стихией, олицетворяет враждебного монстра-каннибала, асоциальный порядок, используется в зимних сакральных праздниках и приобретение его является средством покупки статуса для менее знатного рода. Отслеживая распространение этих двух типов маски через межкультурные контакты индейских племен, Леви-Стросс формулирует следующее правило: «Когда при переходе от одной группы к другой пластическая форма сохраняется, то семантическая функция инвертируется. Наоборот, когда семантическая функция сохраняется, то инвертируется пластическая форма» [4, с. 64].

Таким образом, трансформация маски отвечает тем же законам, что и трансформация семантики мифов. Для Леви-Стросса маска не только объект изучения, но и инструмент для выявления закономерностей мифологического мышления, которые прослеживаются и в искусстве. По словам А.Б. Островского, канва первобытного мышления обретает не только виртуальный, но и реально-психологический статус в духовной жизни людей традиционных обществ, в конкретном материальном объекте культуры проявляется «воплощенное мышление» [5, с. 16].

К. Леви-Стросс обращался к маске и в написанной ранее «Структурной антропологии» (1958 г.). Интерес Леви-Стросса к общим структурам в человеческом мышлении, проявляющимся в мифах и искусстве разных культур, отмечают многие исследователи [6, 9, 10]. В главе «Симметрично развернутые изображения в искусстве Азии и Америки» ученый пытается объяснить удивительное сходство стиля и приемов в искусстве Северной Америки, Аляски, древнего Китая и Новой Зеландии. Из-за удаленности

в пространстве и времени этих культур параллелизм форм невозможно объяснить историческим заимствованием. Применяя структурный анализ при изучении графического искусства, Леви-Стросс выдвигает гипотезу о внутренней близости этих культур на уровне психологии и логики. И ставит вопрос о зависимости и взаимном влиянии социально-исторических процессов, происходящих в традиционных обществах, и явлений в развитии стиля в искусстве.

Объектом изучения в «Структурной антропологии» становятся рисунки животных и татуировки, представляющие собой соединение симметрично развернутых двойных изображений (два симметрично соединенных профиля). Леви-Стросс рассматривает татуировку как своеобразный тип маски, тем более что все представленные в работе культуры, являются культурами, где используются маски. Он устанавливает принцип взаимной зависимости лица и узора: «Узор задуман для лица, но само «лицо» существует только благодаря узору» [7, с. 235]. Татуировки покрывают не только лицо, но и тело человека, в архаическом сознании лицо не выделяется в отдельный элемент, визуальной выразительностью наделяется все тело. Но в отличие от маски, которую используют во время ритуала и которую можно снять, татуировка остается с человеком навсегда [8, с. 14]. Телесная маска проецирует вовне не только родовую сущность, но и рассказывает персональную социальную историю человека, его род занятий, достижения и проступки, без нее человек остается невидимым. Через узор индивид приобретает социальную значимость, человеческое достоинство. Татуировка-маска «совершает переход от природы к культуре», от «глупого» биологического индивида к социальной роли, которую он должен воплотить [7, с. 232]. К тому же, отличаясь по стилю и композиции в разных кастах, рисунки выражают определенный статус человека, указывают его место в строго иерархизированном обществе. Маска ритуальная обозначает богов или тотемического предка, она работает в области сакрального, маска-татуировка функционирует в области реально-социального, является символической формой осмысления отношений индивида и его социальной роли. Но это разделение достаточно условно, так как сакральное и социальное в жизни древнего человека взаимосвязано и образует синкретическую целостность.

Итак, Леви-Стросс в своем исследовании приходит к следующим выводам:

– не только маска предназначена для лица, но и лицо для маски, вместе они представляют собой единую систему;

– прослеживается амбивалентность маски – функцией ее одновременно являются маскировка и разоблачение (в мифах маска выступает и как убежище, и как ловушка);

– двойное изображение является общей чертой некоторых культур, где применяются маски;

– в симметрично развернутом изображении проявляется не только графическое воспроизведение маски, но и функциональное выражение определенного типа цивилизации, основанном на иерархии и престиже;

– маска и татуировка выражают символическим путем духовную сферу и социальные институты, господствующие в данных культурах, традицию и философию племени;

– маска является проекцией двунаправленных отношений индивида и рода, божественного и человеческого, выражает слияние социального и сверхъестественного, повседневного и магического.

Список литературы:

1. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве: пер. с англ. – М.: КРОН-Пресс, 1996. 656 с.
2. Кириллова Н.Б. Культ маски: исторический контекст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 292 с.
3. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
4. Леви-Стросс К. Путь масок / Вст. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 2000. 399 с.
5. Островский А. Б. Обоснование антропологии мышления // Леви-Стросс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. С. 3-18.
6. Морсон П. Леви-Стросс и структурная антропология // Морсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. – СПб., 1992. С. 66-70.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: ЭКС-МО, 2001. 512 с.
8. Медникова М.Б. Неизгладимые знаки: Татуировка как исторический источник. – М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2007. 217 с.
9. Дьяков А.В. Клод Леви-Стросс: в поисках структуры // Хора. 2010. № 1/2 (11/12). С. 25-40.
10. Попович Ю.Н. Мифология в концепции К. Леви-Стросса // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2015. № 4 (16). С. 67-77.

Bibliography

1. Hall J. Dictionary of plots and symbols in art: trans. from English – M.: KRON-Press, 1996. 656 p.
2. Kirillova N.B. The cult of the mask: historical context. – Ekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 2020. 292 p.
3. Freidenberg O.M. Poetics of plot and genre. – M.: Labyrinth, 1997. 448 p.
4. Lévi-Strauss K. The Way of Masks / Conc. Art. and approx. A.B. Ostrovsky. – M.: Republic, 2000. 399 p.
5. Ostrovsky A. B. Justification of the anthropology of thinking // Levi-Strauss K. The Way of Masks. – M.: Republic, 2000. P. 3-18.
6. Morsons P. Levi-Strauss and structural anthropology // Morson P. Modern Western sociology: theories, traditions, prospects. – St. Petersburg, 1992. P. 66-70.
7. Levi-Strauss K. Structural anthropology. – M.: EKS-MO, 2001. 512 p.
8. Mednikova M.B. Indelible marks: Tattoo as a historical source. – M.: Languages of Slavic Culture (YSK), 2007. 217 p.
9. Dyakov A.V. Claude Lévi-Strauss: in search of structure // Chora. 2010. № 1/2 (11/12). P. 25-40.
10. Popovich Yu.N. Mythology in the concept of C. Levi-Strauss // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. 2015. № 4 (16). P. 67-77.

Ширяева-Бакшевникова В.Н.

*Кандидат исторических наук, доцент
ГУАП (Государственное управление аэрокосмического приборостроения)
в Санкт-Петербурге.*

Проблема взаимодействия коммерческого пиара и журналистики

В современном понимании журналистика и пиар выступают социально-гуманитарными направлениями, медиатизированными за счет современных технологий. Этот подход интегрирован в основу функционирования СМИ и выступает основой для изучения взаимодействий в области пиара.

Общественно-коммуникационные инструменты определяются как комплексы действий и мероприятий, которые направлены на достижение конкретных задач через управление социальным взаимодействием [4, с. 29].

Основываясь на существующих концепциях, журналистика и пиар могут быть представлены как специфические формы общественной активности, нацеленные на создание и поддержку массовых коммуникаций, а также как институты, предназначенные для выполнения определенных общественных функций.

Взаимодействие в области журналистики и пиара характеризуется как социальная массовая коммуникация, в рамках которой движение информации происходит через каналы, способствующие образованию новых сведений. Данные процессы представляют собой ответ на современные коммуникативные тренды и предполагают развитие соответствующих институциональных практик. С изменениями в медиасфере, ускорением глобальной цифровизации, аудитория также эволюционирует, трансформируя классические атрибуты массовых коммуникаций в сторону прозрачности и интерактивности.

В современной парадигме журналистика начинает выполнять роль своеобразного медиатора, в то время, как пиар-специалисты изначально функционировали как медиаторы. В итоге, в областях журналистики и пиара можно наблюдать пересечение ключевых концепций и наличие основы для исследования взаимодействия данных видов деятельности.

Стратегия взаимодействия пиара и журналистики (медиарилейшнз) предполагает комплексное управление информацией внутри и вне организации, при фокусировании внимания на развитии связей с медиа через коммуникации со всеми уровнями социальных структур. Аналитические работы часто описывают медиарилейшнз как процесс системного информирования социума с помощью средств массовой информации, который занимает до 80% всех задач в структурах по связям с общественностью.

Основные направления медиарилейшнз включают: [1, с. 137]

- создание специальных ивентов для СМИ;
- сотрудничество в рамках партнерских проектов;
- координирование материалов;
- разработку и реализацию онлайн-медиакампаний;
- создание профессиональных текстовых материалов.

Формы взаимодействия со СМИ включают: [8, с. 46]

– неформальные встречи и беседы с редакторами, проводимые для исследования мнений журналистов по актуальным вопросам и предоставления им возможности изучить внутренние процессы компании;

– совместные конференции и семинары, в которых участвуют высокопоставленные чиновники, служащие площадками для обсуждения важных тем;

– информационное партнерство, которое выступает ключевым элементом в стратегиях современного пиара и обеспечивает полномасштабное освещение пиар-инициатив в медиа. Специалисты в области пиар часто встраивают коммерческие проекты своих клиентов в план мероприятий, связанных с профессиональными праздниками, сокращая тем самым затраты на организацию.

Классическим инструментом в сфере взаимодействия коммерческого пиара и журналистики является пресс-релиз. Независимо от использования традиционных или более неформальных форм взаимодействия с прессой, принципы проведения эффективного пресс-релиза остаются одинаковыми: [6, с. 9]

1. Начинать нужно с ключевой информации, добавляя детали и фоновую информацию в последующих абзацах. Данный формат принят в новостях и на телевидении, когда ведущие начинают с последних новостей, а затем переходят к подробностям и анализу.

2. Начальный абзац - основа сообщения, в нем должна быть представлена основная мысль. Данный абзац несет в себе главную смысло-

вую нагрузку по информативности и определяет, будет ли материал привлекать внимание.

3. Оставшаяся часть текста должна раскрывать дополнительные детали в порядке уменьшения их важности. Необходимо использовать каждый абзац для подробного освещения аспектов, упомянутых в первом абзаце.

4. Особое внимание важно уделять точности в написании имен и фамилий.

5. Необходимо стремиться к тому, чтобы текст был максимально легок для восприятия и понимания, предложения были короткими - в идеале до 20 слов. Абзацы лучше ограничивать тремя предложениями, особенно это важно для вводного абзаца. Для каждой детали важно предусмотреть отдельный абзац, располагая их в порядке убывания значимости. Данный прием учитывается редакторами при необходимости сокращения текста. При написании текста лучше всего использовать простой и доступный язык, который будет понятен аудитории без специальных знаний в специализированной области. Рекомендуется избегать сложной профессиональной терминологии.

На этапе оформления пресс-релиза важно, чтобы документ был не только содержательно насыщен, но и визуально привлекателен. Рекомендуется выбирать качественную бумагу, обеспечивать чистый и аккуратный вид печати, использовать современное печатное оборудование. Оптимально распечатать материал на одной стороне листа формата А4, обеспечив правильную нумерацию страниц и наличие колонтитулов, указывающих источник. Все контактные данные организации должны быть чётко указаны на первой странице [11, с. 154].

Другим эффективным инструментом в сфере взаимодействия коммерческого пиара и журналистики является пресс-конференция. Пресс-конференция - это современный способ напрямую общаться с журналистами, однако она требует тщательной подготовки и внимания к деталям. Важно убедиться, что информация, которую предоставляет коммерческая структура, была ясна и понятна, чтобы избежать неправильной трактовки слов. Приглашать прессу лучше всего только на действительно значимые события с целью избежать риска потери репутации за недостойные внимания мероприятия. Необходимо заранее подготовить ответы на потенциальные вопросы (в том числе, неудобные) и предусмотреть возможные отказы от ответа на некоторые из них, если это окажется необходимым.

Для успешной организации пресс-конференции необходимо принять во внимание несколько важных аспектов: [3, с. 62]

1. Выбор времени. Считается, что идеальные дни для проведения пресс-конференций - вторник, среда и четверг. Пятница, например, более рискованна, так как информация может устареть к следующему рабочему дню. Для организаций, освещающих события в непрерывном режиме, точное время меньше влияет на актуальность материала. В случаях крайней необходимости и наличия значимой информации, пресс-конференцию можно устроить в любой день и время.

2. Рассылка приглашений. Оптимально отправлять приглашения за неделю до события, используя современные средства связи и указывая наиболее значимые детали мероприятия. Для важных сообщений рекомендуется более формальное приглашение с детальным описанием целей и спикеров. В ситуациях, требующих быстрого реагирования, достаточно ограничиться звонками.

3. Планирование мероприятия. Важно иметь четко разработанный план или сценарий пресс-конференции.

4. Регистрация участников. Рекомендуется провести регистрацию журналистов, принимающих участие в событии.

5. Подтверждение участия. Накануне пресс-конференции стоит проверить, получили ли приглашенные уведомление и планируют ли они присутствовать.

Брифинг, как инструмент в сфере взаимодействия коммерческого пиара и журналистики, представляет собой короткую встречу с журналистами для передачи срочной информации, обычно в ответ на кризисные события. В отличие от пресс-конференции, брифинг не предполагает длительного обсуждения или комментариев, его задача - быстро и четко информировать о важном событии.

Прием является организованным мероприятием, где представители хозяйствующего субъекта собираются с приглашенными гостями для обсуждения деловых вопросов. Данные события бывают регулярными, как часть ежедневной работы организации, и представительскими, проводимыми по особым поводам, например, на юбилеи или значимые даты. Представительские приемы обычно проходят в специально подготовленных помещениях, которые оборудованы для комфортного общения участников. Важно оснастить эти места всеми необходимыми средствами для демонстрации и рекламы. Организаторы и персонал должны четко знать график встреч и обеспечить приятную атмосферу, которая

будет отражать внутрифирменные ценности и стиль [10, с. 1668].

Приемы могут быть как дневными, так и вечерними, оформленные в формальной или неформальной обстановке. Дневные мероприятия могут включать легкие закуски или напитки, а вечерние часто предусматривают более обширное меню, включающее коктейли и полноценные ужины. Для управления потоком гостей и их взаимодействием могут использоваться различные методы и способы, в том числе вручение именных бейджей, использование книги почетных гостей для записей и др.

Презентация представляет собой специализированное мероприятие, нацеленное на демонстрацию новой продукции, услуг, или на представление самой организации широкой публике. Применение данного инструмента обычно связано со значимыми моментами в жизни компании, например, открытие новых направлений бизнеса или ребрендинг. Основная цель презентации - привлечь внимание к достижениям и инновациям организатора и подчеркнуть его позитивные изменения и развитие.

Пиар мероприятия способствуют вовлечению отдельных аудиторий в дискуссии по важным проблемным вопросам, формированию сообществ сторонников, а также решений, основанных на общественном мнении и обратной связи.

В современных условиях, пиар все чаще осуществляется через интернет, где правила коммуникации с аудиторией постоянно эволюционируют. Относительно новым и эффективным способом взаимодействия для пиар-специалистов и СМИ стали онлайн-пресс-конференции, которые максимально оперативно предоставляют материалы в любое время и из любой точки земного шара.

В рамках профессиональной деятельности представители коммерческих пиар-структур и журналистики действуют как союзники, организуя информационные потоки и способствуя формированию общественных настроений. Они регулярно выпускают пресс-релизы и другие материалы, обеспечивают создание новостей, которые затрагивают социальные проблемы. Отношения между пиар-подразделениями и журналистами часто аналогичны развитию личных отношений, развиваясь от момента первоначального знакомства до формирования устойчивых партнерских связей и взаимного уважения [12, с. 107].

Однако, несмотря на схожесть целей, между коммерческими пиар-структурами и журналистами существует различие в целях и особенностях работы. Нередко журналисты скептически относятся к до-

стоверности информации, которую они получают от пиар-отделов, а пиар-подразделения опасаются, что журналисты стремятся извлечь максимум выгодной для них информации из ситуаций, не беспокоясь о последствиях.

В сфере журналистики часто возникает ситуация, когда материалы могут быть предвзято изменены в интересах определенных бизнес-групп или политических объединений. Это приводит к созданию статей, которые могут быть односторонними, использовать неверную информацию, фальсифицировать факты, характеризоваться недостаточной компетенцией в юридических аспектах, а также тенденциозностью и оскорблениями в материалах.

Иногда журналисты стремятся к раскрытию данных, которые могут вызвать общественный резонанс, например скандалы или финансовые провалы. Такие темы привлекают внимание, поскольку способствуют увеличению продаж журналов и просмотров.

В отличие от этого, специалисты по коммерческому пиару предпочитают акцентировать внимание на положительных новостях от своих компаний. Главная задача таких специалистов заключается в сглаживании различий между медийными целями и интересами клиентов для обеспечения эффективных коммуникаций [7, с. 23].

Методы работы с медиа зависят от выбранных стратегий и особенностей каждого СМИ. Четкая граница между независимой и спонсируемой информацией зачастую стирается, и многое зависит от личного восприятия редакционной группы о том, что интересно их аудитории.

Отношения между журналистами и пиар-подразделениями нередко осложняются за счет различий в обязанностях и уровнях приверженности. Важно, чтобы деятельность пиар-работников была согласована с этическими нормами и не противоречила национальным юридическим нормам или социальным устоям.

Основными техниками для поддержания эффективных отношений коммерческого пиара и журналистики являются: [2, с. 453]

- анализ межличностных связей и инструменты урегулирования конфликтов;
- взаимное предоставление доступа к организационным процессам;
- стремление улучшить качество взаимодействий для обеих сторон;
- свободное выражение мыслей со стороны участников;
- обеспечение уверенности в законности и надежности действий сторон;

- формирование альянсов с командами, имеющими схожие интересы;
- сотрудничество в решении задач, актуальных для общества или бизнеса.

В качестве ключевой техники, которая пронизывает все сферы взаимодействия коммерческого пиара и журналистики - информационная открытость, поддерживающая свободу печати и способствующая взаимному уважению.

Система открытости включает в себя: [9, с. 171]

- информирование общества о важных для него событиях;
- возможность со стороны общества контролировать действия государственных структур;
- использование государственных данных для воздействия на общественные процессы;
- сбор информации от граждан для корректного и оптимального принятия решений.

В рамках профессионального взаимодействия с медиа, пиар-подразделения должны следовать четко установленным нормам:

1. Избегать исключительной зависимости от одного источника информации.
2. Обеспечивать последовательное и ясное представление позиции организации для журналистов и широкой публики.
3. Оперативно опровергать несправедливые обвинения для защиты репутации.
4. Исключать использование сведений, которые не были должным образом проверены или подтверждены.

PR-специалисты должны также ориентироваться на общественные запросы и интересы своих аудиторий, поддерживать адекватное отношение к медийным контактам и, при необходимости, признавать свои недоработки.

Современные тренды в практиках медийных взаимоотношений привели к устареванию некоторых ранее популярных методов, в числе которых выделяется частая рассылка пресс-релизов и использование материальных стимулов для журналистов. Тем не менее, эффективными продолжают оставаться такие стратегии как: [5, с. 86]

- привлечение внимания за счет известности бренда или компании;
- готовность платить за размещение материалов без указания на рекламный характер;

- размещение ограниченного объема рекламы в дополнение к материалу;
- организация совместных мероприятий и проектов с медийными изданиями.

Журналисты, со своей стороны, стремятся поддерживать честные и прозрачные отношения с пиар-агентствами, избегая непрофессиональных практик (притворство другой профессией, использование запугивания, прием подарков и т.д.), что может породить конфликт интересов. Они также обязаны уведомлять собеседников о записи разговоров и по возможности дублировать важные замечания в письменной форме для обеспечения точности и сохранности информации.

При подготовке к публикации аналитико-критического материала, журналисты должны уделять внимание заключительному общению с объектом критики и объяснить ему основания своих выводов, полученных в результате исследования. Особенно важно прислушиваться к заявлениям интервьюируемых о конфиденциальности определённой информации. Профессиональная этика требует от журналистов точности в представлении собранной информации и ответственности в её сборе, что подкреплено корпоративными этическими кодексами.

На глобальном уровне заметна тенденция укрепления этических основ в отношениях между журналистами и коммерческим пиар. Специалисты по пиар играют важную роль в обеспечении сбалансированного информационного обмена.

Эффективное взаимодействие с медиа и формирование продуктивных деловых контактов с журналистами необходимы для обеспечения освещения деятельности любой организации. Основа успешного коммуникационного процесса - это взаимное доверие и уважение, как со стороны СМИ, так и со стороны деловых и социальных институтов.

Список литературы:

1. Бажанова Ю.А. Состояние, проблемы и методы маркетингового управления взаимодействием коммерческого и некоммерческого секторов экономики / Ю.А. Бажанова, Т.Д. Маслова // Петербургский экономический журнал. 2022. № 3-4. С. 133-148.
2. Заниздра В.Н. Взаимодействие политики и журналистики // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 3 (30). С. 451-454.
3. Левицкая А.Н. Проблемы межпоколенного взаимодействия в коммерческих организациях и пути их решения // Социология и право. 2021. № 2 (52). С. 53-65.
4. Мамиева Б.Ю. Манипулирование, пропаганда: грани взаимодействия в аспекте журналистики // Интернаука. 2023. № 37-2 (307). С. 28-30.
5. Новикова А.А. Арт-журналистика в современной медиасреде: между пиаром и перформансом // Век информации. 2018. № 2-1. С. 85-86.
6. О пиаре в управлении и управлении пиаром // Управленческое консультирование. 2021. № 3 (147). С. 8-9.
7. Орлова Е.И. Литература и журналистика в России (взаимодействие и исследовательские подходы) // Меди@льманах. 2022. № 5 (112). С. 18-25.
8. Сазонова А. Черный пиар - тоже пиар, или История одного нестандартного маркетингового хода // Директор по мар-

кетингу и сбыту. 2019. № 3. С. 41-49.

9. Сидорская И.В. Журналистика, связи с общественностью, реклама: разграничение vs взаимодействие // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2019. № 6. С. 155-175.

10. Цзан Ф. Взаимосвязь журналистики и пиара: феномен паблисити / Ф. Цзан // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 32. С. 1667-1669.

11. Чекунова М.А. Цифровая эра: новые форматы взаимодействия журналистики и власти в современном медийном пространстве / М.А. Чекунова, В.В. Барабаш, Б.А. Булгарова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 1-2. С. 151-156.

12. Цжан Ц. Подходы к формированию аудитории в журналистике, рекламе и пиаре // Студенческий вестник. 2021. № 15-4 (160). С. 106-107.

Bibliography

1. Bazhanova Yu.A. State, problems and methods of marketing management of the interaction of commercial and non-commercial sectors of the economy / Yu.A. Bazhanova, T.D. Maslova // St. Petersburg Economic Journal. 2022. № 3-4. P. 133-148.

2. Zanzidra V.N. Interaction of politics and journalism // Alley of Science. 2019. T. 1. № 3 (30). P. 451-454.

3. Levitskaya A.N. Problems of intergenerational interaction in commercial organizations and ways to solve them // Sociology and Law. 2021. № 2 (52). P. 53-65.

4. Mamieva B.Yu. Manipulation, propaganda: facets of interaction in the aspect of journalism // Interscience. 2023. № 37-2 (307). P. 28-30.

5. Novikova A.A. Art journalism in the modern media environment: between PR and performance // Age of Information. 2018. № 2-1. P. 85-86.

6. About PR in management and PR management // Management consulting. 2021. № 3 (147). P. 8-9.

7. Orlova E.I. Literature and journalism in Russia (interaction and research approaches) // Medi@lmanakh. 2022. № 5 (112). P. 18-25.

8. Sazonova A. Black PR is also PR, or the History of one non-standard marketing move // Director of Marketing and Sales. 2019. № 3. P. 41-49.

9. Sidorskaya I.V. Journalism, public relations, advertising: differentiation vs interaction // Bulletin of Moscow University. Episode 10: Journalism. 2019. № 6. P. 155-175.

10. Tsang F. The relationship between journalism and PR: the phenomenon of publicity / F. Tsang // Innovations. The science. Education. 2021. № 32. P. 1667-1669.

11. Chekunova M.A. Digital era: new formats of interaction between journalism and government in the modern media space / M.A. Chekunova, V.V. Barabash, B.A. Bulgarova // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2023. № 1-2. P. 151-156.

12. Zhang Q. Approaches to audience formation in journalism, advertising and PR // Student Bulletin. 2021. № 15-4 (160). P. 106-107.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Российская Академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

Трофимов В.А.

*Региональный представитель, эксперт.
Международный издательский центр «Этносоциум».*

Проблемы устойчивого социально-политического развития Сахалинской области в контексте региональных этнополитических процессов

Как отметил в свое время бывший губернатор Сахалинской области А. Хорошавин, устойчивое развитие Сахалина – это один из основополагающих факторов дальнейшего становления Дальнего Востока как форпоста России в АТР с развитой экономикой и привлекательными условиями для жизни людей [33; С. 8]. И с этим тезисом сложно не согласиться, учитывая, что Сахалин и Курильские имеют не только важное военно-стратегическое, геополитическое, экономическое, но и огромное социально-политическое значение для Дальнего Востока и нашей страны в целом. В то же время необходимо отметить, что и проблема устойчивого развития самой Сахалинской области, особенно в социально-политическом ключе является не менее важной, актуальной и насущной задачей. Сахалинская область является по своей сути полиэтничной, и на ее территории в настоящее время активно протекают различные этнополитические процессы, некоторые из которых несут в себе определенную угрозу ее этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию.

По сложившейся в научном сообществе устойчивой точке зрения, многонациональный состав населения региона является как благом для его социально-экономического развития (возможность привлечения трудовых и иных ресурсов, а также инвестиций из стран и регионов, из которых пополняется население), так и фактором дестабилизации общества (межэтнические конфликты и трения вследствие различий в культуре, образе жизни, а также конкуренции за ресурсы). Эксперты констатируют, что массовый приток людей из других государств несет в себе риски для принимающей стороны в виде роста социальной напряженности и конфликтов на этнической и религиозной почве [30]. Этот тезис приобретает особую актуальность в современной российской региональной политике, особенно в регионах (таких как, например, Сахалинская

область), которые испытывают на себе сильное влияние иностранных миграционных потоков.

Как отмечают специалисты, в условиях утраты советского опыта политкорректности и интернационалистской культуры межэтнического общения масштабная постсоветская миграция порождает комплекс проблем, закладывая основу для острейших этнополитических конфликтов в том числе и на региональном уровне. В этой связи особенно актуальна разработка проблем интеграции, складывающихся в процессе миграции диаспоральных сообществ [13; С. 285]. Интегративная функция региональных институтов власти по отношению к этносфере предполагает учет всех форм реальных межэтнических отношений. Там, где возникают межэтнические конфликты, региональный государственный аппарат обязан иметь внятное представление о конфликтогенных ситуациях и факторах их возникновения.

В рамках полиэтнического региона изучение динамики межнациональных отношений связывается не только с выявлением межнациональной напряженности и уровня толерантности. Результаты отечественных исследований свидетельствуют, что «уровень межнациональных отношений - это рефлексия общества на социально-экономические состояние, изменения в регионе может указывать на эффективность работы органов власти не только в сфере осуществления национальной политики, но и регулирования этносоциальными и этнополитическими процессами» [23; С. 9]. Как сходятся во мнении большинство ученых, базовый региональный этнополитический процесс характеризуется взаимодействием русского большинства и представителей этнических меньшинств, мигрантов, диаспор, стремящихся укрепить свои позиции в регионе, что вызывает целый ряд сложностей в данной сфере. И в этом плане Сахалинская область не является исключением из правил.

Говоря о Сахалинской области необходимо отметить, что вопросы взаимосвязи миграции и межнациональных отношений в контексте этнодемографического замещения населения региона, роста оттока молодежи в центральные регионы России в целом вызывают неоднозначную реакцию региональных экспертов. Не менее значимым с точки зрения регионального сообщества является появление этнокультурных анклавов (локальных сообществ), отличающихся не только языком, но и формой поведения. Некоторые исследователи констатируют, что к сегодняшнему дню единственный в России островной регион представляет из себя довольно крупный дальневосточный центр этнической миграции [16; С. 109].

По нашему мнению, на современном этапе развития основную угрозу этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию Сахалинской области в этнополитической сфере представляет иностранная этническая миграция и связанные с ней процессы образования замкнутых диаспор и анклавизации этнополитического пространства области. Многие эксперты отмечают отсутствие у вновь прибывающих трудовых мигрантов, особенно из стран Центральной Азии, желания адаптироваться к местным традициям и нормам поведения, интегрироваться в местное сообщество, и вместо этого образуя на территории региона свои собственные этнические структуры – этнические диаспоры, и так правило замкнутого и автономного типа.

Как отмечают специалисты, диаспоральность стала фактором усиления социальной дифференциации и четкости культурных границ, реализуясь в появлении устойчивых и замкнутых этнокультурных сообществ, в которых воспроизводятся традиционные отношения. Представители этих сообществ не разделяют гражданских и культурных ценностей принимающих регионов, поддерживая свою идентичность (нередко посредством постоянных связей с исторической родиной) не интегрируются в их общественные институты [13; С. 283]. В связи с этим, по их мнению, в настоящее время в регионах заметное распространение во взаимоотношениях местного населения с представителями диаспорно-земляческих сообществ получает этничность как инструмент в двух аспектах: это социокультурный инструментализм (внимание к мобилизации этнических и конфессиональных чувств того или иного народа) и экономический инструментализм (внимание к разным формам адаптации в хозяйственной деятельности и на рынке труда членов различных этнических групп) [9; С. 131-132].

Как считает УМВД Сахалинской области, фактически на территории области действует 7 этнических диаспор (татарская, киргизская, дагестанская, армянская, азербайджанская, таджикская, узбекская) [30]. По нашему мнению, к этому списку нужно добавить еще корейскую диаспору (корейцы являются вторым по численности этнической группой области), а также общности коренных малочисленных народов Сахалинской области, которые хотя и не являются диаспорами в классическом понимании, но обладают некоторыми ее свойствами и качествами, а поэтому наравне с диаспорами вполне могут быть отнесены к активным участникам этнополитических процессов, протекающих на территории островного региона.

О сахалинских корейцах и коренных народах в части их влияния на этнополитические процессы в области речь пойдет ниже, а сейчас немного остановимся на диаспорах названных УМВД Сахалинской области. Необходимо отметить, что татарская, дагестанская, армянская и азербайджанская диаспоры являются для региона «старыми» и давно сложившимися. Они относительно немногочисленны и устойчивы в своей численности, существуют на территории области уже не одно десятилетие и поколение, носят явно выраженный открытый характер. Их представители обосновались на территории области еще в советский период, или первые постсоветские годы; отлично владеют русским языком и приобщены к русской культуре; имеют свои устоявшиеся трудовые ниши, в том числе в сферах, требующих высокой профессиональной квалификации; соблюдают общепринятые местные общественные принципы и нормы поведения; и в целом отлично интегрированы в региональный социум, который не считает данные диаспоры инородными элементами. Всего этого пока нельзя сказать о «новых» региональных диаспорах (киргизская, таджикская, узбекская), которые появились в Сахалинской области относительно недавно и находятся в данный момент пока в процессе своего становления и развития. Они носят в основном закрытый характер, в целом неохотно идут на контакт с представителями местного сообщества, постоянно меняют свой численный и людской состав, и в целом не стремятся к интеграции в местный социум. По нашему мнению, именно миграционные процессы, связанные с формированием и функционированием данных диаспор на территории области, а также их участием в других этнополитических процессах, протекающих в регионе, кроют в себе наибольшую потенциальную угрозу политической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию Сахалинской области.

Более подробно об этом речь пойдет ниже, а сейчас обратимся к месту и роли в региональных этнополитических процессах старейшей из диаспор, проживающей на территории Сахалинской области - корейской, а также общностей коренных малочисленных народов, проживающих в регионе.

Итак, что касается корейской диаспоры или сахалинских корейцев, которая является второй по численности этнической группой (около 5,5% населения) в Сахалинской области после русских, то их деятельность, поведение и образ жизни об не представляют никакой угрозы этнополитической стабильности области и ее устойчивому социально- политиче-

скому развитию. Корейцы уже не одно десятилетие живут на территории Сахалинской области, часто уже в третьем четвертом поколении и за это время регион стал им уже родным. Они прекрасно адаптированы к местным условиям и отлично интегрированы в региональный социум. Для подавляющего большинства из них родным языком является русский. Как отмечает Ю.И. Дин в постсоветский период с иммиграцией на родину большинства представителей первого поколения окончательно завершился переход корейской диаспоры Сахалинской области на русский язык. «По переписи населения 2010 г. из 24 993 – 24 936 (99,77 %) сахалинских корейцев считали своим родным языком русский» [12; С. 190].

В то же время «несмотря на почти полную утрату корейского языка, в корейской диаспоре по-прежнему сохраняется очень высокий интерес к корейской культуре, продолжают существовать и развиваться социальные институты, ориентированные на поддержку национальной культуры. Главной целью общественных объединений корейцев является возрождения корейской духовной культуры, просвещение и др. Именно через культурную деятельность (проведение праздников, обрядов, мемориально-торжественных церемоний и концертно-выставочных программ) корейцы стараются сохранить национальные традиции, и культуру своего народа, не забыть свою историю» [8; С. 216]. В частности широкий спектр задач этнокультурного возрождения поставила перед собой Ассоциация сахалинских корейцев. «Помимо изучения и сохранения корейского языка, она считала важным создание общественно-культурных центров, организацию телевизионного вещания на корейском, национальных музеев, выставок, фольклорных праздников, содействие развитию восточных единоборств и др.» [21; С. 94]. Но при всем этом как констатирует все та же Ю.И. Дин: «Сахалинские корейцы успешно интегрированы в региональную экономику, политику, управление, и процесс адаптации сахалинских корейцев в российское общество практически завершен» [12; С. 190]. В дополнении к этому исследователи также отмечают, что многие сахалинские корейцы всю жизнь прожили в России и признают наличие у себя «российского» менталитета [5; С. 70]. Власти Сахалинской области, тоже в свою очередь считают сахалинских корейцев органичной частью регионального социума - «своеобразных, но по своей сути русских», и поэтому специальная работа с данной категорией населения в настоящий момент даже не предусмотрена в рамках осуществления региональной национальной политики области. К тому же в области не отмечены какие-то конфликты на этнической почве,

участниками которых была бы корейская диаспора, а общественная деятельность ее представителей как правило направлена на формирование и достижение позитивных целей развития регионального социума.

Говоря о коренных малочисленных народах Дальнего Востока, проживающих на территории Сахалинской области, необходимо отметить, что хотя по отношению к ним в рамках региональной национальной политики области и предусмотрено проведения целого ряда программ и мероприятий они также в целом хорошо интегрированы в региональное полиэтническое сообщество и их деятельность не таит в себе угрозу для этнополитической стабильности региона. Также как и корейцы подавляющее большинство представителей малочисленных народов, проживающих в Сахалинской области, отлично владеют русским языком, который многие из них даже считают его родным, а самих себя в том числе и русским. Их споры и даже в некоторых случаях конфликты, возникающие с региональными и местными органами власти, возникают не на этнической или этнополитической почве, а, как правило, исключительно на основе хозяйственно-экономической, и иногда культурной деятельности [1]. К данным вопросам относятся: сохранение традиционного образа жизни; создание и сохранение определенных природных территорий; защита исконной среды обитания; пастбища для оленей; выделение и увеличение различных квот на охоту и рыболовство [2]; возрождение старинных обрядовых праздников и организация фестивалей [17]; сохранение и развитие традиционных ремесел [3].

Но данные случаи споров и немногочисленных конфликтов между коренными народами и властями области носит исключительно мирный ненасильственный характер и довольно быстро разрешаются. Как в свое время отметил в этой связи один из представителей областного правительства С. Карепкин, многое тут зависит от глав администраций муниципальных образований, относящихся к территориям традиционного проживания КМНС, и первым делом пожелания представителей КМНС должны слышать власти на местах [17]. При этом один из ведущих специалистов страны по межнациональным отношениям В. Зорин, по время своей поездки на Сахалин, рекомендовал представителям диаспор правильно строить взаимоотношения с властями региона, учитывая нормативно-правовые акты. Речь в данном случае о документах, помогающих коренным малочисленным народам Севера обеспечивать традиционный образ жизни и хозяйствования, а также сохранять их культуру [29].

Теперь обратимся проблемным аспектам миграционных процессов,

протекающих в Сахалинской области, которые в существующих реалиях носят явный этнополитический характер и активно влияют на этнополитическую стабильность и устойчивое социально-политическое развитие региона. Сегодня процессы внешней трудовой миграции из стран СНГ и внутренней миграции из российских регионов свидетельствуют о привлекательности Сахалина и Курильских островов для новых жителей и отвечают востребованности трудовых ресурсов. Доля трудовых мигрантов, работающих в Сахалинской области, в общем количестве составляет примерно 6 % [34]. При этом, трудовые мигранты из ближнего зарубежья (в основном из стран Центральной Азии) составляют около 40% [25]. Поэтому, по мнению представителей местных властей, гармоничное, равноправное соседство и взаимодействие между приезжими и местными, коренными жителями с учетом их интересов и уважение к сложившимся традициям – является залогом успешного развития уникального островного региона [10; С. 2]. С этим трудно не согласиться, но в то же время, как отмечают некоторые исследователи немаловажное значение в формировании межэтнического взаимопонимания принадлежит и ключевым чертам характера контактирующих этносов [11; С. 91-92], и как мы можем добавить их обычаям, традициям, поведению и особенностям взаимодействия с местным принимающим сообществом.

В этом смысле представляет интерес обобщенный портрет мигрантов, прибывающих на территорию области. Необходимо отметить, что основными факторами переезда в Сахалинскую область мигрантов являются в подавляющем большинстве случаев «причины социально-экономического характера» [4; С. 103]. Как отмечает Н.В. Потапова, большая часть трудовых мигрантов, прибывающих в Сахалинскую область, представляет собой низкоквалифицированную рабочую силу, сохраняющую свою этническую идентичность и с трудом адаптирующуюся в сахалинском социуме [28; С. 85].

Как считают некоторые исследователи, еще один немаловажный фактор, влияющий на этнополитические процессы в регионе, – культурно-языковые процессы, которые не только являются ярким показателем влияния вызовов и угроз в области этнополитической безопасности, но и могут восприниматься в качестве факторов, которые способствуют формированию этих угроз [32; С. 36]. Так, в частности, эксперты констатируют: «...Основная масса прибывших на Сахалин – это как раз те мигранты, которые не хотят учить местный язык или вливаться в культуру. На 2015 год из более чем 35 000 мигрантов только 15 реши-

ли учить местный язык при Южно-Сахалинской и Курильской епархии. Платные курсы языка в СахГУ также не вызвали хоть какого-нибудь интереса...» [24]. Также по мнению специалистов градус напряженности во взаимоотношениях жителей региона и мигрантов растет вследствие разности нормативных порядков, свойственных традиционной культуре сельских районов государств Средней Азии, и тех правил поведения, которые рассматриваются как норма в крупных городах России, в частности в Южно-Сахалинске. В то же время они подчеркивают, что причиной напряженности в подобных случаях становится не этнос как таковой, не его фенотип или культура в целом, а некоторые аспекты вызывающего поведения, провоцирующие раздражение местных сообществ [31; С. 96].

Согласно исследованиям известного отечественного специалиста в области межэтнических взаимоотношений В. Петрова, этническая неприязнь, нетерпимость коренных жителей по отношению к приезжим, как правило, носят взаимный характер и, на самом деле, являются закономерным явлением [27]. И в нашем случае причиной этих явлений, безусловно, являются весьма значительные культурные различия между коренными островитянами и мигрантами. Так, по информации сахалинских социологов, около 72 % трудовых мигрантов, приехавших в регион, не принимает русскую культуру, а 35 % призналось в негативном отношении к православию и христианству в целом. Кроме того, не может не вызывать серьезную озабоченность тот факт, что часть мигрантов из государств Средней Азии, из числа недавно обосновавшихся на островах, согласно данным все тех же социологов СахГУ, уже «претендует на национально-культурное, религиозное и даже территориальное обособление» [7; С. 27].

Как мы видим определенное представление о состоянии межнациональных отношений в Сахалинской области и отношения ее жителей к проблемам миграционных процессов дают результаты социологических исследований. Так, в частности, еще одно научное мониторинговое исследование тему: «Отношение жителей Южно-Сахалинска к проблеме этнической миграции» среди жителей Южно-Сахалинска старше 18 лет», выполненное Государственным историческим архивом Сахалинской области в августе-ноябре 2017 г., выявило, что большая доля горожан на момент его проведения находилась в состоянии перманентного стресса, и одной из причин выявленного тревожного состояния была названа необычно высокая, по мнению респондентов, в сравнении с еще недавним прошлым, а также с другими регионами страны, концентрация этниче-

ских мигрантов как в Сахалинской области в целом, так и в Южно-Сахалинске в частности, быстрый рост их численности. Как отмечалось в докладе, происходящие изменения в национальном, культурном, социальном облике региона порождают у местных жителей чувство растерянности и тревоги, недовольство миграционной политикой государства, дискомфорт и антипатию к приезжим. Что позволяет сделать вывод, что основными причинами межэтнического напряжения являются растущий дисбаланс в национальной структуре региона и отсутствие эффективно действующих механизмов интеграции мигрантов в местную социокультурную среду [16; С. 112].

При этом исследователи различают и другие факторы, влияющие на адаптацию представителей этнических (мигрантских) групп, и воздействующих тем самым на особенности протекания в регионе этнополитических процессов вообще и его этнополитическую стабильность, в частности: культурную дистанцию между мигрантами и принимающим сообществом; институциональные факторы (развитость институтов социальной поддержки мигрантов); положение этнических групп в социальной структуре общества, а также внутренние факторы (характеризующие самих мигрантов): культурную компетентность мигранта (образованность, информированность, опыт); аккультурационную мотивацию (ассимиляция, интеграция, обособление и др.); силу социальных связей в группах мигрантов (развитость этнических коммуникаций) [9; С. 132].

Как отмечает Н.А. Барышная, значимость культурной дистанции между мигрантами и принимающим населением неоспорима [6; С. 38]. А поэтому «главным условием адаптации является то, чтобы она была выгодна как для мигрирующих, так и для местного населения, ибо население, проживающее в местах обитания мигрантов должно быть согласно с их присутствием и толерантно относиться к их проблемам и субкультуре» [14].

Как полагает А.Т. Коньков: «по мере увеличения доли этнических мигрантов среди населения Сахалинской области создаются предпосылки для образования в поселенческой структуре этнических кластеров, сформированных по национально-территориальному принципу» [18; С. 169]. В этой связи управление миграционными процессами, а также тесно связанной с ними региональной национальной политикой, по их мнению должно планировать определение принимающим социумом строгих условий в отношении того, в каком количестве и какого рода

мигрантов оно готово и хочет принять, а также в соответствии с какими требованиями. Решая данную проблему, принимающее сообщество будет в состоянии регулировать требования для инкорпорирования в него мигрантов, соответствующих объявленным условиям. Представляется, что выработка и продуманная реализация подобной стратегии могли бы способствовать решению проблемы депопуляции области при одновременной минимизации угроз межэтнической напряженности, которая нередко сопровождает процесс этнической миграции [18].

В этом разрезе некоторые эксперты считают, что неперенным условием проживания трудовых мигрантов на территории Сахалинской области должно стать диффузное расселение, препятствующее образованию этнических анклавов. По их мнению, нельзя допускать формирования компактных поселений с автономной инфраструктурой, связью, нелегальными финансовыми структурами, своими законами, нормами сожития, так как это существенно обостряет проблему интеграции их в местное социокультурное пространство, поскольку соотношение количества желающих осесть навсегда на новой для себя территории этнических мигрантов по отношению к общей численности коренных жителей в известной степени влияет на ее успешность или провал [16; С. 111].

Как отмечают, некоторые специалисты, закрепление в регионе значительной части мигрантов является одним из возможных и вероятных сценариев дальнейшего развития событий [19; С. 217]. В этой связи как считает А.Н. Ким, учитывая стабильно высокий приток в регион мигрантов из Центральной Азии последних лет и сохраняющуюся тенденцию на вытеснение коренного населения из целого ряда сфер экономики (торговля, сфера обслуживания, транспорт и др.), а также постепенно нарастающую диспропорцию в этнической структуре области, рассчитывать на снижение уровня агрессии и ксенофобии как в молодежной среде, так и в городском социуме в целом, в обозримом будущем вряд ли приходится. Он также отмечает, что приходится констатировать тот факт, что существующий в местном социуме запрос на «закрытие» островов как от этнических мигрантов, так и от внешних мигрантов в целом, не просто находится на достаточно высоком уровне, с годами он только продолжает набирать популярность [16; С. 115].

Таким образом, интенсивно идущие в Сахалинской области миграционные процессы и, как следствие, постепенно меняющийся этнический ландшафт региона значительно актуализировали вопросы взаимной адаптации коренного островного населения и мигрантов, успешной

интеграции последних в местную социокультурную среду [16; С. 112]. Ученые отмечают, что этнический сдвиг (массовые миграции населения, имеющие тенденцию к усилению в современном мире) заведомо нарушает исторически сложившийся в регионе баланс, сопровождается ростом социально-политической напряженности, приводит к межнациональной розни, затяжным, нередко кровопролитным конфликтам и уже поэтому нуждается в обстоятельном научном анализе [22]. А также разработке комплекса практических мер по нейтрализации его негативных последствий.

Как мы видим среди многих обстоятельств, несущих угрозу нарушения баланса межнациональных отношений в Сахалинской области, немаловажное значение имеют, прежде всего, факторы, так или иначе связанные с витальностью населения (угрозой жизни, здоровью, материальному благополучию), а также связанные с этнической и конфессиональной идентичностью. Поэтому управление этническими отношениями и этнополитическими процессами в регионе предусматривает несколько магистральных направлений развития в современных условиях. Это предотвращение профилактики национализма, дискриминации, предупреждение межэтнических конфликтов и противоречий, сотрудничество этнических сообществ и адаптацию и интеграцию этнических мигрантов [20; С. 123-124].

Всё это свидетельствует о необходимости проведения систематической работы «по дальнейшему улучшению межнациональных отношений, превентивной деятельности по предотвращению возможных конфликтов на национальной почве, сохранению баланса межэтнических отношений, которая должна вестись в рамках национальной политики». По мнению экспертов, «адресная работа со СМИ, представителями полиции и миграционной службы, активистами и руководителями этнических диаспор, в том числе и работа на упреждение конфликтных ситуаций, регулярный мониторинг состояния межэтнических взаимоотношений в регионе. Все это должно способствовать положительному результату в вопросах снижения межэтнической напряженности и предотвращения конфликтов на этнической почве» [26; С. 28].

Вместе с тем, одним из стержневых моментов концептуальной схемы региональной этнической и миграционной политики является вопрос об ее идейно-политической платформе. Без ответа на эти вопросы невозможно выработать критерии эффективности следующих блоков гармонизации межэтнических отношений. В связи с этим необходимо

«определить те мировоззренческие принципы, руководствуясь которыми органы государственной власти различных уровней должны объединять людей различного этнического происхождения, различных культур и конфессий в единые гражданские сообщества не только на федеральном, но и на региональном уровнях. То есть речь идет о формировании единой гражданской нации в том числе и на уровне регионов, в ее региональном измерении» [15]. И эта деятельность должна активно и на постоянной основе вестись властями Сахалинской области.

В заключении еще раз отметим, что, по нашему мнению, на современном этапе развития основную угрозу этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию Сахалинской области в этнополитической сфере представляет иностранная этническая миграция и связанные с ней комплекс проблем и этнополитических процессов - образование замкнутых диаспор и анклавизация этнополитического пространства области. Данные этнополитические процессы могут привести к серьезному «этническому сдвигу» в регионе, существенному изменению в этнической структуре населения, разрушению устоявшейся системы взаимоотношений и взаимодействия между различными этническими общностями, живущими в Сахалинской области, серьезному росту социально-политической напряженности.

В целом этот комплекс этнополитических проблем и процессов в настоящее время носит в основном латентный и формирующийся характер и еще не проявляет себя в полной мере. Но в то же время он является важным фактором, который обладает значительным конфликтным потенциалом, и который в перспективе в способен серьезно нарушить оформившийся в области устойчивый этнополитический консенсус, или даже полностью уничтожить сложившийся в Сахалинской области за долгие годы положительный баланс в межнациональных межнациональный, если не предпринимать серьезных мер в рамках региональной национальной политики. И усилия здесь должны прилагать не только власти Сахалинской области, но и региональные институты гражданского общества.

Список литературы:

1. Аверин Е. Съезд пройдет впустую? // Советский Сахалин, 19 июля 2022.
2. Аверин Е. Дельная инициатива реализуема: По такому принципу строятся взаимоотношения сообщества коренных малочисленных этносов Сахалина и органов власти // Губернские ведомости, 10 января 2014.
3. Аверин Е. Стежок для сувенира: благодаря государственной программе обновляется материально-техническая база народных промыслов // Губернские ведомости, 31 июля 2014.
4. Ахатов Ю.К. Этнический мигрант сахалинской области. Социологический портрет // Политика и общество. 2012. № 11. С. 99-115.

5. Баженова Ж.М., Ермак Г.Г. К вопросу об этничности населения фронтирных территорий (на материалах о-ва Сахалин) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 57-74.
6. Барышная Н.А. Миграция как региональный этнополитический фактор // Власть. 2013. Том 21. № 9. С. 35-39.
7. Боровской Г.В. Проблемы межэтнического взаимоотношения этнических мигрантов и местного населения в Сахалинской области (социологический анализ) // XLIII Научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и сотрудников Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск, 2014. С. 310-318.
8. Бугай Н.Ф. Влияние перестройки на корейскую общность в СССР/России // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015.
9. Воронов В.В. Моделирование межэтнических отношений в российских регионах // Власть. 2019. Том 26. № 9. С. 127-134.
10. Гармонизация межнациональных отношений в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере адаптации иностранных граждан, профилактики конфликтов и экстремизм. Методологические рекомендации // Якимов А.Н., Панич Б.Л. Санкт-Петербург. 2023.
11. Гончаров В.В., Чимитова И.З. Межэтническое согласие как перспективное направление стратегического планирования политики национальной безопасности в Российской Федерации на региональном (На примере Республики Бурятия) // Сравнительная политика. 2020. № 3.
12. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск, 2015.
13. Ким А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор: актуальность, состояние, научно-исследовательская перспектива // Вестник Санкт-Петербургского Университета 2009. Сер. 6. Вып. 3. С. 86-95.
14. Ким А.С. Консенсус как объект этнополитической конфликтологии // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т. 4. № 4. С. 1927-1932.
15. Ким А.С. Методологические конструкции концепции региональной этнической и миграционной политики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2012. № 3. С. 52-59.
16. Ким А.Н. Этническая миграция в Сахалинской области глазами жителей Южно-Сахалинска // Вторые краеведческие чтения (памяти А. К. Клитина). Южно-Сахалинск, 2021. С. 109-117.
17. Когда есть поддержка // Губернские ведомости, 31 июля 2014.
18. Коньков А.Т. Этническая миграция и потребности устойчивого демографического развития российского Дальнего Востока // Глобализация, региональное развитие и проблемы окружающей среды: сборник материалов международной научно-практической конференции (сентябрь 2013 г.) / отв. ред.: В.Н. Ефанов, Е.Н. Лисицына. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2013. С. 166-169.
19. Коньков А.Т. Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и её особенности в Сахалинской области // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 206-220.
20. Кочкаева Т.Н. Политико-административное управление этническими отношениями и этнополитическими процессами // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 12.
21. Кузин А.Д. Исторические судьбы сахалинских корейцев: монография: в 3-х книгах. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2010. Т. 3.
22. Лобода О.В., Ярулин И.Ф. Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 33-48.
23. Маклашова Е.Г. Межнациональные отношения как индикатор состояния полиэтнического общества (на материалах Якутии) // Этносоциум, 2020. № 11. С. 9-17.
24. Мигранты едут на Сахалин: проблема или благо? // URL: <https://citysakh.ru/news/66605>
25. Мотрич Е.Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3.
26. Омаров М.А. Институты гражданского общества и их роль в сохранении межэтнического мира // Вопросы этнополитики. 2018. № 1. С. 23-30.
27. Петров В.Н. Миграция населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар., 2004.
28. Потапова Н.В. Этническая самоидентификация населения Сахалинской области в конце XX - начале XXI в. // Россия и АТР. 2023. № 4. С. 80-95.
29. Сактаганов С. Политика без танцев: ведущий специалист страны по межнациональным отношениям предостерег островитян от «танцевально-пожарного подхода» к нацполитике // Губернские ведомости, 26 сентября 2019.
30. Состояния межнациональных отношений в Сахалинской области. Меры, принимаемые к выявлению формирующихся конфликтов в данной сфере, их предупреждению и действия, направленные на ликвидацию их последствий. 18 Декабря 2019 // URL: <https://65.мвд.рф/противодействие-экстремизму/новости/item/19144070>
31. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации / Отв. ред. М.Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН, 2015.
32. Смагина Л.А. Этнополитические процессы в условиях развития регионализации // Власть. 2015. № 9. С. 33-38.
33. Хорошавин А.В. О роли Сахалинской области в устойчивом развитии Дальнего Востока России // Устойчивое развитие территории: от теории к практике: сборник материалов международной научно-практической конференции / Сост. Л.Н. Гринько, отв. ред. Е.Н. Лисицына. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. С. 5-7.
34. Ярулин И.Ф., Лобода О.В. «Новое» освоение Дальнего Востока: к постановке проблемы этнического сдвига // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2013. № 4. С. 129-136.

Bibliography

1. Averin E. Will the Congress be in vain? // Soviet Sakhalin, July 19, 2022.
2. Averin E. A sensible initiative is being implemented: This principle is used to build relationships between the community of indigenous small ethnic groups of Sakhalin and the authorities // Provincial Gazette, January 10, 2014.
3. Averin E. A stitch for a souvenir: thanks to the state program, the material and technical base of folk crafts is being updated // Pro-

vincial Gazette, July 31, 2014.

4. Akhatov Yu.K. Ethnic migrant from the Sakhalin region. Sociological portrait // Politics and society. 2012. № 11. P. 99-115.
5. Bazhenova Zh.M., Ermak G.G. On the issue of the ethnicity of the population of frontier territories (based on materials from Sakhalin Island) // Russia and the Asia-Pacific region. 2018. № 4. P. 57-74.
6. Baryshnaya N.A. Migration as a regional ethnopolitical factor // Power, 2013. Volume 21. № 9. P. 35-39.
7. Borovskoy G.V. Problems of interethnic relationships between ethnic migrants and the local population in the Sakhalin region (sociological analysis) // XLIII Scientific and Practical Conference of teachers, graduate students and staff of Sakhalin State University. Yuzhno-Sakhalinsk, 2014. P. 310-318.
8. Bugai N.F. The influence of perestroika on the Korean community in the USSR/Russia // In the mirror of Perestroika: towards understanding the Russian transformation: collection. scientific articles. Vladivostok: INAE FEB RAS, 2015.
9. Voronov V.V. Modeling interethnic relations in Russian regions // Power. 2019. Volume 26. № 9. P. 127-134.
10. Harmonization of interethnic relations in the Sakhalin region. Organization of events in the field of adaptation of foreign citizens, prevention of conflicts and extremism. Methodological recommendations // Yakimov A.N., Panich B.L. Saint Petersburg, 2023.
11. Goncharov V.V., Chimitova I.Z. Interethnic harmony as a promising direction for strategic planning of national security policy in the Russian Federation at the regional level (On the example of the Republic of Buryatia) // Comparative Politics. 2020. № 3.
12. Dean Yu.I. Korean diaspora of Sakhalin: the problem of repatriation and integration into Soviet and Russian society. Yuzhno-Sakhalinsk, 2015.
13. Kim A.S. Ethnopolitical conflictology of modern diasporas: relevance, status, research perspective // Bulletin of St. Petersburg University 2009. Ser. 6. Vol. 3. P. 86-95.
14. Kim A.S. Consensus as an object of ethnopolitical conflictology // Scientific notes of Tomsk State University. 2013. Vol. 4. № 4. P. 1927-1932.
15. Kim A.S. Methodological constructions of the concept of regional ethnic and migration policy // Social and Humanitarian Sciences in the Far East, 2012. № 3. P. 52-59.
16. Kim A.N. Ethnic migration in the Sakhalin region through the eyes of residents of Yuzhno-Sakhalinsk // Second local history readings (in memory of A.K. Klitin). Yuzhno-Sakhalinsk, 2021. P. 109-117.
17. When there is support // Provincial Gazette, July 31, 2014.
18. Konkov A.T. Ethnic migration and the needs of sustainable demographic development of the Russian Far East // Globalization, regional development and environmental problems: collection of materials of the international scientific and practical conference (September 2013) / resp. ed.: V.N. Efanov, E.N. Lisitsyn. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhsu Publishing House, 2013. P. 166-169.
19. Konkov A.T. The problem of integration of ethnic migrants in the Russian Far East and its features in the Sakhalin region // Bulletin of Moscow University. Ser. 18: Sociology and political science. 2015. № 1. P. 206-220.
20. Kochkaeva T.N. Political and administrative management of ethnic relations and ethnopolitical processes // Social and humanitarian knowledge. 2015. № 12.
21. Kuzin A.T. Historical destinies of the Sakhalin Koreans: monograph: in 3 books. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Book Publishing House, 2010. Vol. 3.
22. Loboda O.V., Yarulin I.F. Ethnic shift in the Russian Far East // Regionalistics. 2014. Vol. 1. № 1. P. 33-48.
23. Maklashova E.G. Interethnic relations as an indicator of the state of a multiethnic society (based on materials from Yakutia) // Ethnoscium, 2020. № 11. P. 9-17.
24. Migrants go to Sakhalin: problem or benefit? // URL: <https://citysakh.ru/news/66605>
25. Motrich E.L. The role of migration in the dynamics of the size and composition of the population of the Far Eastern Federal District // Regional problems. 2015. Vol. 18. № 3.
26. Omarov M.A. Institutions of civil society and their role in preserving interethnic peace // Issues of ethnopolitics. 2018. № 1. P. 23-30.
27. Petrov V.N. Population migrations and ethnic migrants in modern Russia. Krasnodar, 2004.
28. Potapova N.V. Ethnic self-identification of the population of the Sakhalin region at the end of the 20th - beginning of the 21st century. // Russia and the Asia-Pacific region. 2023. № 4. P. 80-95.
29. Saktaganov S. Politics without dancing: the country's leading expert on interethnic relations warned the islanders against the "dance-fire approach" to national policy // Provincial Gazette, September 26, 2019.
30. The state of interethnic relations in the Sakhalin region. Measures taken to identify emerging conflicts in this area, their prevention and actions aimed at eliminating their consequences. December 18, 2019 // URL: <https://65.mvd.rf/countering-extremism/news/item/19144070>
31. Socio-economic factors of interethnic tension in the regions of the Russian Federation / Responsible. ed. M.F. Chernysh. M.: Institute of Sociology RAS, 2015.
32. Smagina L.A. Ethnopolitical processes in the context of the development of regionalization // Power. 2015. № 9. P. 33-38.
33. Khoroshavin A.V. On the role of the Sakhalin region in the sustainable development of the Russian Far East // Sustainable development of the territory: from theory to practice: collection of materials of the international scientific and practical conference / Comp. L.N. Grinko, resp. ed. E.N. Lisitsyna. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhsu, 2010. P. 5-7.
34. Yarulin I.F., Loboda O.V. "New" development of the Far East: towards posing the problem of ethnic shift // Social and Humanitarian Sciences in the Far East, 2013. № 4. P. 129-136.

Баженов Е.Н.

Старший преподаватель кафедры педагогики и психологии ФГОУ ВО «Глазовский инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко», аспирант Института общественных наук ФГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Социокультурные детерминанты солидаризации местных сообществ (на примере проекта “Культурная мозаика Удмуртии”)

Солидаризация российского общества достаточно актуальный вопрос последних лет. Связан он с событиями противостояния России западной цивилизации на границе с Украиной. Как показало исследование Института социологии ФНИСЦ РАН¹, за последние два года укрепились традиционные ценности российского общества, в противовес ценностям индивидуализма, как результат усиление консолидации общества.

Практикам развития малых территорий, основанным на солидаризации местных сообществ, актуализированных культурными практиками уделяет основное внимание один из крупнейших российских частных фондов - Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко². На протяжении 8 лет (2014-2022 годы) в рамках Всероссийского конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел» (далее - Культурная мозаика) было проведено 3 конкурсных цикла в которых приняло участие более 5 тысяч конкурсантов, поддержку получили 485 проектов из 67 регионов России³.

В основе проекта «Культурная мозаика» - идея о том, что «инициативы в сфере культуры могут стать драйверами развития местных сообществ. Вовлечение людей в совместную деятельность на базе социокультурных проектов формирует основу для их объединения, а также побуждает их

1 Седова Н.Н. Динамика смысложизненных установок россиян и консолидационного потенциала общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5 (177). С. 283-304. – DOI 10.14515/monitoring.2023.5.2498. – EDN PPNIKZ.

2 Баженов Е.Н. Местные сообщества как основа сохранения культурного многообразия современной России: подходы к исследованию. Коммуникология. 2023. № 11 (4). С. 148-160. // URL: <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-148-160>

3 Результаты работы Фонда Тимченко 2010-2022 // URL: <https://timchenkofoundation.org/about/history/>

к совместным действиям, направленным на достижение «общественного блага», в том числе, для комфортного проживания местных жителей, что вносит заметный вклад в развитие территорий в целом»⁴.

Модель «Культурной мозаики» включает три этапа: на первом – формируется команда проекта, к которой примыкает местное сообщество которое приобретает компетенции активного соучастия проектных изменений территории, на втором – формируются партнерства (местное сообщество, бизнес и власть), третий этап – работа ЦСР (центров социокультурного развития – хаба, который консолидирует потребности сообщества и ищет пути их реализации посредством участия в грантовых конкурсах, программах, сборе благотворительной помощи и пр.).

Конкурс проходит по принципу «воронки» - общий вход может быть только на первом этапе, следующие конкурсные этапы проходят среди победителей предыдущего этапа.

С 2020 года проект «Культурная мозаика малых городов и сел» в формате эксперимента был апробирован на уровне региона. Первой пилотной площадкой стала Удмуртская Республика.

На территории Удмуртии проект «Культурная мозаика» реализовывался в 2020-2022 годах. Третий этап – создание центров социокультурного развития – не был реализован в силу отсутствия возможности со стороны Удмуртской Республики обеспечить условия софинансирования проекта, из-за усложнившейся в 2022 году экономической ситуации как в стране, так и в регионе.

На первый этап конкурса заявилось 306 проектов со всей Удмуртии. После экспертной оценки было выделено 35 грантополучателей.

В рамках проекта «Культурная мозаика Удмуртии» в качестве эксперимента конкурс проходил не только среди проектов, реализуемых в отрасли культуры, но также и проектов системы образования, физической культуры и спорта, в отдельную категорию инклюзивные проекты.

Целью нашего исследования является определение социокультурных детерминант, определяющих успешность реализации проектов, направленных на формирование местных сообществ инструментами культуры. Мы не рассматривали в своей работе вопросы социальной динамики (вопросы лидерства и руководства, командной работы и пр.) – данной составляющей проблемы в литературе уделено доста-

4 О проекте // URL: <https://cultmosaic.ru/>

точно большое внимание. Наша задача – определить глубинные детерминанты солидаризации местных сообществ. За основу мы брали 4 социокультурных основы консолидации людей: традиция⁵, память⁶, место⁷, травма⁸. Нами был определен еще один тип объединения в сообщества – проекты, консолидирующие сообщества по принципу потребности⁹ (т.н. функциональные сообщества) – срок функционирования сообществ определяется потребностью и может быть достаточно кратким.

Анализ проектов, реализуемых в рамках «Культурной мозаики Удмуртии» проводился на основании качественного анализа текстов конкурсных заявок, отчетов, результатов мониторинговых визитов (составителем которых выступал автор исследования), метода включенного наблюдения. Автором проанализированы 44 комплекта документов (35 проектов первого этапа, 9 проектов – второго).

В результате были выявлены следующие закономерности:

1) наиболее устойчивыми проектами, с точки зрения солидаризации сообществ, являются проекты, которые объединяют в себе несколько основ консолидации, например консолидация травмой и сохранением традиции; памятью и общим пространством (т.н. «третьим местом») и т.д. Сочетания указанных типов может быть достаточно разнообразным, включать в себя чаще всего два, реже три основы консолидации.

2) проекты, реализуемые в системе образования, не смогли «перейти» на второй этап, даже при наличии оснований солидаризации. Причиной тому, с нашей точки зрения, является 1) относительная закрытость системы образования, как следствие 2) замкнутость образа проектного

5 Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. – М.: Новый Хронограф, 2015. 496 с.; Щипков А.В. Социал-традиция. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 320 с.

6 Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. – М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. 300 с.

7 Нора П. Между памятью и историей. проблематика мест памяти // Франция - память / П. Нора, М. Озуф, Ж.де. Пиюмеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 1999. 328 с.; Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / –М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

8 Аникин Д.А. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования / Д.А. Аникин, О.В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 78-84.

9 John McKnight & Cormac Russell. Four Essential Elements of an Asset-Based Community Development Process. 2018 // URL: https://www.nurtureddevelopment.org/wp-content/uploads/2018/09/4_Essential_Elements_of_ABCD_Process.pdf (12.02.2023); THE 7 FUNCTIONS OF FLOURISHING COMMUNITIES: A PATH TOWARDS FINDING AND MOBILIZING A COMMUNITY'S VISION // URL:<https://www.nurtureddevelopment.org/blog/the-7-functions-of-flourishing-communities-a-path-towards-finding-and-mobilizing-a-communitys-vision/> (11.03.2024)

мышления сотрудников системы образования (проекты в большинстве носят внутришкольный характер), что противоречит самому понятию «местное сообщество».

3) проекты, сложившиеся в системе физической культуры и спорта так же не смогли трансформировать сообщество спортсменов в местное сообщество. Причина тому – объединение для занятий физической культурой и спортом относится к потребностной мотивации: мотивация в коммуникации и здоровом образе жизни, при ее удовлетворении (посредством организации спортивно-развлекательных мероприятий), потребность в солидаризации снижается.

Таким образом, говоря об успешности реализации проектов, основанных на механизмах включения местных сообществ в процесс преобразования территории своего проживания, мы можем говорить о том, что по итогам анализа документов проекта «Культурная мозаика Удмуртии» мы пришли к следующим выводам: эффективными являются проекты, которые сочетают в себе несколько социокультурных оснований солидаризации в различных вариациях: традиция, память, общее пространство («третье место»), травма. Консолидация сообщества, основанная на потребностной мотивации (удовлетворение потребностей в безопасности, коммуникации, самореализации и пр.) носит временный характер и жизнеспособна на момент функциональной необходимости.

На сегодняшний день, спустя 2 года после окончания проекта «Культурная мозаика Удмуртии», на территории Удмуртской Республики продолжают развиваться пять проектов, зародившиеся в рамках пилотного для России – регионального проекта «Культурная мозаика». В основе всех этих проектов – сочетание различных видов социокультурной солидаризации.

Список литературы:

1. Аникин Д.А. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования / Д.А. Аникин, О.В. Головашина // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 78-84. – DOI 10.17223/15617793/425/10.
2. Баженов Е.Н. Местные сообщества как основа сохранения культурного многообразия современной России: подходы к исследованию. Коммуникология. 2023. № 11 (4). С. 148-160. // URL: <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-148-160>
3. Гофман А.Б. Традиция, солидарность и социологическая теория. – М.: Новый Хронограф, 2015. 496 с.
4. Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. – М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019. 300 с.
5. Костров Г.Л. Онтология и методология исследования культурной травмы в социально-философском дискурсе // ЭСГИ. 2021. № 2 (30).
6. Седова Н.Н. Динамика смысложивненных установок россиян и консолидационного потенциала общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5 (177). С. 283-304. – DOI 10.14515/monitoring.2023.5.2498.
7. Шипков А.В. Социал-традиция. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 320 с.
8. John McKnight & Cormac Russell. Four Essential Elements of an Asset-Based Community Development Process. 2018

// URL: https://www.nurturedevelopment.org/wp-content/uploads/2018/09/4_Essential_Elements_of_ABCD_Process.pdf (12.02.2023)

9. The 7 functions of flourishing communities: a path towards finding and mobilizing a community's vision // URL: <https://www.nurturedevelopment.org/blog/the-7-functions-of-flourishing-communities-a-path-towards-finding-and-mobilizing-a-communitys-vision/> (11.03.2024)

Bibliography

1. Anikin D.A. Trauma of cultural memory: conceptual analysis and methodological foundations of the study / D.A. Anikin, O.V. Golovashina // *Bulletin of Tomsk State University*. 2017. № 425. P. 78-84. – DOI 10.17223/15617793/425/10.
2. Bazhenov E.N. Local communities as the basis for preserving the cultural diversity of modern Russia: approaches to research. *Communicology*. 2023. № 11 (4). P. 148-160. // URL: <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-148-160>
3. Goffman A.B. Tradition, solidarity and sociological theory. – M.: New Chronograph, 2015. 496 p.
4. Emelyanova T.P. Collective memory of events in Russian history: a socio-psychological approach. – M.: Publishing house "Institute of Psychology RAS", 2019. 300 p.
5. Kostrov G.L. Ontology and methodology for studying cultural trauma in socio-philosophical discourse // *ESGI*. 2021. № 2 (30).
6. Sedova N.N. Dynamics of the meaning in life of Russians and the consolidation potential of society // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2023. № 5 (177). P. 283-304. – DOI 10.14515/monitoring.2023.5.2498.
7. Shchipkov A.V. Social tradition. – M.: AST-PRESS KNIGA, 2017. 320 p.
8. John McKnight & Cormac Russell. Four Essential Elements of an Asset-Based Community Development Process. 2018 // URL: https://www.nurturedevelopment.org/wp-content/uploads/2018/09/4_Essential_Elements_of_ABCD_Process.pdf (12.02.2023)
9. The 7 functions of flourishing communities: a path towards finding and mobilizing a community's vision // URL: <https://www.nurturedevelopment.org/blog/the-7-functions-of-flourishing-communities-a-path-towards-finding-and-mobilizing-a-communitys-vision/> (11.03.2024)

ЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Дальневосточный федеральный университет

Бакинский Государственный Университет

Михайленко А.Н.

Доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Духовно-нравственные ценности в странах БРИКС

Отдельные положения статьи были использованы при подготовке выступлений на XXII Международных Лихачевских научных чтениях (СПбГУП, 12-13.04.2024, г. Санкт-Петербург) и Международном круглом столе «Внешняя политика России в условиях трансформации мирового порядка» (РАНХиГС, 16.04.2024, г. Москва).

Введение

В настоящее время происходит распад однополярного мирового порядка. На его месте формируется многополярный мир. Меняются принципы, нормы и институты международного взаимодействия. В качестве примера международной организации, соответствующей идеалам многополярного мира, наиболее часто приводится БРИКС. В отличие от международных организаций предыдущей эпохи в БРИКС ценится не гомогенность, а самобытность государств-членов. Эта самобытность в значительной степени происходит из традиционных духовно-нравственных ценностей государств-членов БРИКС. Эффективность деятельности БРИКС будет зависеть от способности ее участников использовать самобытность для достижения общих целей организации. Разнообразие и самобытность государств-членов международной организации требуют серьезных усилий в ее деятельности по достижению общих целей.

Значимость духовно-нравственных ценностей

Духовно-нравственные ценности играют важную роль в формировании и развитии международных отношений. Они отражаются в международно-правовых документах, способствуют установлению и развитию взаимопонимания между народами. Страны, в которых соблюдаются высокие духовно-нравственные ценности, привлекают к себе другие на-

роды. Высокие духовно-нравственные ценности способствуют урегулированию острых, в том числе вооруженных, конфликтов. Внимательное отношение народов различных стран к духовно-нравственным ценностям друг друга является основой формирования нового мирового порядка.

Одной из главных причин кризиса однополярного мира является противоречие между коллективным Югом и коллективным Западом в отношении духовно-нравственных ценностей. Этот тезис можно подтвердить, сравнив политическую практику БРИКС и Европейского союза. Так же, как и в БРИКС, в ЕС актуальна тема расширения организации. Но принципы расширения в двух организациях диаметрально противоположны. В Европейском союзе вступающие в объединение страны должны привести свои духовные ценности и законодательство в соответствие с европейскими. Например, в Соглашении об ассоциации Украины с ЕС указывается, что «Украина как европейская страна имеет общую историю и общие ценности с государствами-членами Европейского Союза (ЕС) и стремится продвигать эти ценности»¹.

Эти требования гомогенности можно продемонстрировать на примере шагов Украины на пути вступления в Евросоюз². ЕС настырно диктует Украине «правила», который он должен выполнять, но которые ни в коей мере не соответствуют традициям украинского народа. В 2023 г. в Верховную Раду Украины было внесено несколько законопроектов, которые должны «приблизить» украинцев к европейцам в сфере «общих ценностей». Среди них законопроект о легализации однополых браков в форме зарегистрированного гражданского партнерства. ЕС требует также от Украины решить проблему прав ЛГБТ-сообщества. Верховная Рада Украины в первом чтении приняла законопроект о легализации медицинского каннабиса. В парламент Украины был также внесен законопроект о частичной декриминализации порнографии. И все это Украина делает на этапе ассоциации с ЕС, а ведь впереди еще этап кандидата в члены ЕС, если Киев доберется до него.

Такая политика характерна для ЕС не только в отношении Украины. Она не уникальна, а систематична. А.Ю. Дробинин пишет о том, что «неотъемлемым элементом неоколониализма являются распространяемые «коллективным Западом» поведенческие установки. Поощрение деви-

1 ASSOCIATION AGREEMENT between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part // Official Journal of the European Union/ L 161/3. 29.5.2014.

2 Ковалев В. Черный вход в Европу: почему Киев хочет разрешить наркотики и порнографию // Профиль. 17.09.2023 // URL: <https://profile.ru/abroad/chernyj-vhod-v-evropu-pochemu-kiiev-hochet-razreshit-narkotiki-i-pornografiju-1388073/>

антных ориентаций в половой жизни, отрицание человеческой природы и прочие «шалости» используются для разрушения традиционных духовно-нравственных ценностей. Насаждение деструктивных идей ведётся с упорством и изворотливостью, достойными лучшего применения»³. Указанный автор приводит пример отношений ЕС с членами Организации Африки, Карибского бассейна и Тихого океана. Запад потребовал от стран глобального Юга легализации аборт, ЛГБТ-повестки, всеобщего сексуального образования и др. В случае отказа развивающиеся страны не смогли бы получить доступ к так необходимому им финансированию со стороны Запада своих социально-экономических программ. Таким образом, при вступлении в ЕС или в НАТО новобранец должен коренным образом изменить свои духовно-нравственные ценности.

Отношение к духовно-нравственным ценностям в БРИКС

Подобное заламывание рук странам-кандидатам на сотрудничество с западными государствами и их объединениями не идет ни в какое сравнение с политикой БРИКС. Это объединение является крупнейшей международной структурой, по своей экономической мощи превосходящей «Большую семерку» и многие другие международные организации. Поэтому позиция БРИКС по вопросу о традиционных ценностях является весомым фактором в современных международных отношениях. На XV саммите БРИКС в этом отношении говорилось о том, что «мы вновь заявляем о своей приверженности духу БРИКС, в основе которого взаимопонимание и взаимопонимание, суверенное равенство, солидарность, демократия, открытость, инклюзивность, укрепление сотрудничества и консенсус... Мы договорились поддерживать защиту, сохранение, восстановление и продвижение нашего культурного наследия, как материального, так и нематериального»⁴. В БРИКС уважается также самобытность государств-членов. Наличие всех этих качеств усложняет совместную международную деятельность организации, и это вполне естественно. Ведь усложняются и сами субъекты международной деятельности, поскольку более разнообразными являются национальные интересы государств-членов БРИКС, а также средства и методы достижения поставленных ими целей на мировой арене.

3 Статья директора Департамента внешнеполитического планирования МИД России А.Ю. Дробинина «Суверенитет для всех. Неокolonизм и наша борьба с ним», МИЦ «Известия», 26 января 2024 года // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1927777/ (Дата обращения: 30.04.2024)

4 XV саммит БРИКС. Йоханнесбургская декларация-II. 23 августа 2023 года // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (Дата обращения: 17.04.2024)

Данное положение касается не только БРИКС, но и всего Коллективного большинства. Недаром в Декларации второго саммита Россия – Африка говорится о необходимости «сохранения национальной самобытности, национальных ресурсов, культурно-цивилизационного разнообразия и защиты традиционных ценностей»⁵. Обратим особое внимание: речь в этих документах идет не об общих ценностях, будь то западные или европейские, а о традиционных ценностях государств-членов. Разнообразию и самобытности с большим трудом поддаются приведению к единообразной форме. Поэтому многополярный мир обещает быть гораздо более сложным по сравнению с однополярным. В то же время разнообразие предполагает больше вариантов ответов на вызовы времени, в меняющихся условиях такие ответы на вызовы должны быть все более комплексными. Для решения задачи совмещения этих вариантов в одно целое необходимо использовать методы как науки, так и искусства.

Следует иметь в виду в связи с этим, что между странами БРИКС имеются существенные различия в ценностях. Противники БРИКС стремятся выставить их на первый план⁶. В отличие от такой позиции, государствам-членам БРИКС необходимо внимательно изучать эти противоречия и разрешать их. Так, в социальном плане БРИКС в составе 10 стран более разнообразен с точки зрения гражданских прав, предоставляемых гражданам. В Бразилии и Южной Африке законодательно допускаются однополые браки. Возможность заключения однополых браков изучается в настоящее время и в Индии. В Китае гомосексуальность рассматривается как психическое заболевание⁷. В России законодательно преследуется пропаганда ЛГБТ. После расширения БРИКС вдвое с 1 января 2024 г. количество таких различий может увеличиться.

Наличие подобных особенностей в традиционных ценностях стран БРИКС вызывает потребность в их детальном изучении. Для примера можно кратко остановиться на традиционных ценностях населения Южно-Африканской Республики. В стране имеет место значительное разнообразие языковых и культурных традиций, о чем свидетельствует наличие законодательно закрепленных 11 государственных языков. Базовыми ценностями жителей ЮАР являются семейные, религиозные и

⁵ Декларация второго саммита Россия – Африка 28 июля 2023 года // URL: <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration-2023/> (Дата обращения: 30.04.2024)

⁶ Toufic Saredidine. BRICS+6: The More the Un-Merrier? September 25, 2023 // BRICS+6: The More the Un-Merrier? | Geopolitical Monitor.

⁷ Homosexuality can be called a mental disorder, Chinese court rules; LGBT community disappointed // URL: <https://www.scmp.com/news/people-culture/gender-diversity/article/3123549/homosexuality-can-be-called-mental-disorder> (Дата обращения: 30.04.2024)

трудовые. По традиционным представлениям большинства африканских народов семья должна быть многодетной. В ЮАР резко осуждают абORTы 84% опрошенных. В стране распространено представление о крепкой семье как важной ценности, в 2023 г. здесь распалось только 17% заключенных браков. Для сравнения: в России этот показатель равен 73%, в Китае – 44%, в Бразилии – 21%, а в Индии он самый низкий – 1%⁸.

Другими важными ценностями южноафриканцев являются религия и отношение к труду. Религия составляет неотъемлемую часть жизни для большинства южноафриканцев. Подавляющая доля населения ЮАР считает важным воспитание в детях трудолюбия. Изучая эти вопросы, С.М. Тищенко приходит к выводу о том, что «основными ценностными ориентациями в ЮАР являются семья (97%), религия (92%) и трудовые взаимоотношения (78%). Это дает дополнительные возможности для грамотного и корректного построения коммуникаций с коллегами из ЮАР на дипломатическом, корпоративном и межличностном уровнях»⁹. Эти ценности должны учитываться представителями других государств-членов БРИКС.

Позиция России

Большое значение традиционным духовно-нравственным ценностям придается в России. Данная проблематика отражена в нескольких российских документах стратегического планирования. Так, в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей приводится их определение, в соответствии с ним «традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹⁰.

В этом же документе к традиционным духовно-нравственным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его

8 Браки и разводы // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (Дата обращения: 30.04.2024)

9 Тищенко С.М. Ценностные ориентации населения ЮАР в глобальном и региональном контекстах // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2013. № 2 (103). С. 99.

10 Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. 9 ноября 2022 года // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (Дата обращения: 30.04.2024)

судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Наша страна рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Усилия, предпринимаемые Россией для развития духовно-нравственного потенциала ее народа, способствуют повышению сплоченности российского общества, осознанию гражданами необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса. Неспособность разрешить этот кризис ведет к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов.

Ряд важных положений, касающихся духовно-нравственных ценностей, содержится в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В частности, в документе говорится о том, что «национальным интересом России является укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России. Российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны»¹¹. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обеспечивается путем решения ряда задач, среди которых укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности, защита исторической правды и сохранение исторической памяти, укрепление института семьи и другие. Очень важным аспектом этой деятельности является работа с молодежью нашей страны¹².

Традиционные духовно-нравственные ценности учитываются Россией в ее отношениях с другими государствами-членами БРИКС. Развивая эту мысль, С.В. Лавров на встрече с представителями профильных парламентских комитетов по международным делам стран БРИКС отметил,

11 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // URL: https://base.garant.ru/401425792/#block_1000 (Дата обращения: 30.04.2024)

12 Бугайчук Т.В. Становление гражданской идентичности российской молодежи как политический феномен // Локус: люди, общества, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 144-154.

что «в основе нашего сотрудничества лежит равноправный диалог, уважение выбора каждой страной собственного пути развития, учет интересов друг друга и нацеленность на коллективный поиск решений всех проблем современности... Эти страны (*страны БРИКС. – А.М.*) обладают значительным экономическим потенциалом, играют весомую роль не только в своем регионе, но и на международной арене и, самое главное, разделяют объединяющие нас базовые ценности БРИКС, включая дух солидарности, равенства, взаимоуважения, открытости и консенсуса»¹³.

Позицию России по данному вопросу отразил и помощник Президента РФ Ю.В. Ушаков, который возглавляет оргкомитет российского председательства в БРИКС. Он, в частности, заявил, что новый список стран – претендентов на вступление в эту организацию может быть утвержден на саммите в Казани в октябре 2024 года. По его словам, «при обсуждении конкретных кандидатур в расчет, конечно, будет приниматься политический и экономический вес той или иной страны - претендента, ее место не только в своем регионе, но и на международной арене в целом. Непременным условием является поддержка принципов многополярности и повышения роли развивающихся стран в глобальном управлении, а также основополагающих ценностей БРИКС, включая дух равенства, взаимоуважения, открытости, инклюзивности, конструктивного сотрудничества»¹⁴.

БРИКС как организация самобытных государств

Внимание к уникальности государств мира, особенностям их традиционных духовно-нравственных ценностей требует развития принципов деятельности международных организаций. Раньше акцент в международных организациях делался на общее, объединяющее естественным образом, что проявляется в деятельности Евросоюза и НАТО. Сегодня этого недостаточно, нужно учитывать не только общее, но и особенное и единичное. С этой точки зрения примером могла бы выступить БРИКС как международная организация, вышедшая на более высокий уровень развития. В ней участвуют самобытные государства-цивилизации, если исходить из того, что Концепция внешней политики Российской Федерации определяет особое положение России как самобытного государства-

13 Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе встречи с представителями профильных парламентских комитетов по международным делам стран БРИКС, Москва, 11 апреля 2024 года // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1943675/ (Дата обращения: 30.04.2024)

14 Ушаков заявил, что поддержка многополярности будет условием для кандидатов в БРИКС. 4 марта 2024. // URL: <https://tass.ru/politika/20151619> (Дата обращения: 30.04.2024)

цивилизации¹⁵. Такими же самобытными являются и другие государства-члены БРИКС.

Требование учета самобытности государств-членов необходимо реализовать в системе функционирования БРИКС. Некоторые из этих требований учтены в Концепции внешней политики РФ. Например, в ней говорится о таких принципах многополярного мира, как суверенное равенство государств, уважение их права выбирать модели развития, социального, политического и экономического устройства; неприятие гегемонии в международных делах; многообразие культур, цивилизаций и моделей организации общества¹⁶. Несомненно, наиболее приоритетные цели и задачи БРИКС должны быть общими для всех ее государств-членов. Сегодня таким приоритетом является, очевидно, формирование нового мирового порядка. Как же действовать в условиях такого разнообразия? С. Хантингтон признает многоцивилизационный характер современного мира и считает неизбежным в связи с этим столкновение различных цивилизаций¹⁷.

На наш взгляд, такое столкновение необязательно. Чтобы преобразовать самобытную энергию в конструктивное взаимодействие, особое внимание в рамках БРИКС следует уделять ряду вопросов, связанных с уникальностью ее государств-членов. Первоочередным является понимание ведущей роли БРИКС в формировании нового мирового порядка. Стремление к этой цели, понимание такой высокой исторической миссии в интересах всего человечества должно смягчать имеющиеся между государствами-членами БРИКС различия и противоречия. Необходимо также глубокое знание и уважение национальной идентичности, исторических, религиозных, этнических, географических, экономических, социально-политических и культурных особенностей каждого государства-участника. Это поможет лучше понять позиции партнеров при несовпадении точек зрения и сблизить общие подходы. А таких различий и несовпадений между странами БРИКС предостаточно. Приведенные выше данные о разводах в семьях стран БРИКС показывают, что Россия по этому показателю находится в четверке мировых лидеров, а Индия, наоборот, замыкает список.

Кроме того, БРИКС должна обладать высокой гибкостью для того,

15 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (Дата обращения: 30.04.2024)

16 Там же.

17 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

чтобы в рамках ее системы имелись различные возможности участвующим государствам реализовывать свои уникальные подходы к решению международных проблем. Именно таким образом могло бы реализоваться преимущество гетерогенности БРИКС по сравнению с гомогенностью Европейского союза. Изучение влияния институциональной и культурной гетерогенности на эффективность международных организаций нашло отражение в научной литературе¹⁸. При этом не следует избегать проблемы недостатков гетерогенности и гомогенности, необходимо их изучать и использовать полученные научные результаты в практической политике по повышению эффективности деятельности БРИКС. Наконец, очень важно предусмотреть эффективную систему урегулирования противоречий между уникальностью государств-членов БРИКС и необходимостью находить общие решения сложных проблем современности. В этом отношении политики стран БРИКС должны быть не менее искусными, чем философы, которым присуще стремление сочетать несочетаемое¹⁹.

Заключение

Традиционные духовно-нравственные ценности составляют ядро самобытности государств-членов БРИКС. Самобытность требует учета в деятельности организации. Основанное на самобытности разнообразие дает возможность находить больше вариантов решения сложных проблем современности. Для более эффективного взаимодействия государствам-членам БРИКС необходимо понимание ответственности организации за формирование нового мирового порядка, глубокое знание и уважение традиционных духовно-нравственных ценностей друг друга, создание гибкой системы принятия решений в рамках организации, учитывающей общие, особенные и единичные черты государств-членов, а также разработка системы разрешения возможных противоречий между государствами-членами на всех этапах их возникновения.

Список литературы:

1. XV саммит БРИКС. Йоханнесбургская декларация-II. 23 августа 2023 года // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (Дата обращения: 17.04.2024).
2. Браки и разводы // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (Дата обращения: 30.04.2024)
3. Бугайчук Т.В. Становление гражданской идентичности российской молодежи как политический феномен // Локус: люди, общества, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. №4. С. 144-154.
4. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе встречи с представителями профильных парламентских комитетов по международным делам стран БРИКС, Москва, 11 апреля 2024 года // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1943675/ (Дата обращения: 30.04.2024)

18 Tobias Lenz, Henning Schmidtke. Agents, Audiences and Peers: Why International Organizations Diversify their Legitimation Discourse // International Affairs, Volume 99. Issue 3. May 2023, Pages 921-940.

19 Шиповалова Л.В. Быть философом – сочетать несочетаемое // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 1. С. 53-60.

5. Декларация второго саммита Россия – Африка 28 июля 2023 года // URL: <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration-2023/> (Дата обращения: 30.04.2024)
6. Ковалев В. Черный вход в Европу: почему Киев хочет разрешить наркотики и порнографию // Профиль. 17.09.2023 // URL: <https://profile.ru/abroad/chernyj-vhod-v-evropu-pochemu-kiiev-hochet-razreshit-narkotiki-i-pornografiju-1388073/>
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (Дата обращения: 30.04.2024)
8. Статья директора Департамента внешнеполитического планирования МИД России А.Ю. Дробинина «Суверенитет для всех. Неоколониализм и наша борьба с ним», МИЦ «Известия», 26 января 2024 года // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1927777/ (Дата обращения: 30.04.2024)
9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // URL: https://base.garant.ru/401425792/#block_1000 (Дата обращения: 30.04.2024)
10. Тищенко С.М. Ценностные ориентации населения ЮАР в глобальном и региональном контекстах // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2013. № 2 (103). С. 87-100.
11. Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. 9 ноября 2022 года // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (Дата обращения: 30.04.2024)
12. Ушаков заявил, что поддержка многополярности будет условием для кандидатов в БРИКС. 4 марта 2024. // URL: <https://tass.ru/politika/20151619> (Дата обращения: 30.04.2024)
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.
14. Шиповалова Л.В. Быть философом – сочетать несочетаемое // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 1. С. 53-60.
15. Association agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part // Official Journal of the European Union/ L 161/3. 29.5.2014.
16. Homosexuality can be called a mental disorder, Chinese court rules; LGBT community disappointed // URL: <https://www.scmp.com/news/people-culture/gender-diversity/article/3123549/homosexuality-can-be-called-mental-disorder> (Дата обращения: 30.04.2024)
17. Tobias Lenz, Henning Schmidtknecht. Agents, Audiences and Peers: Why International Organizations Diversify their Legitimation Discourse // International Affairs, Volume 99. Issue 3. May 2023. Pages 921-940.
18. Toufic Sarrieddine. BRICS+6: The More the Un-Merrier? September 25, 2023 // BRICS+6: The More the Un-Merrier? / Geopolitical Monitor.

Bibliography

1. XV BRICS summit. Johannesburg Declaration-II. August 23, 2023 // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ls471x80-gLBhJRQx05ufVB2uzMFo1kWw.pdf> (04.17.2024).
2. Marriages and divorces // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (04.30.2024)
3. Bugaychuk T.V. The formation of civil identity of Russian youth as a political phenomenon // Locus: people, societies, cultures, meanings. 2021. Vol. 12. № 4. P. 144-154.
4. Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrova during a meeting with representatives of relevant parliamentary committees on international affairs of the BRICS countries, Moscow, April 11, 2024 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1943675/ (04.30.2024)
5. Declaration of the second Russia-Africa summit on July 28, 2023 // URL: <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration-2023/> (04.30.2024)
6. Kovalev V. Back door to Europe: why Kyiv wants to allow drugs and pornography // Profile. 09.17.2023 // URL: <https://profile.ru/abroad/chernyj-vhod-v-evropu-pochemu-kiiev-hochet-razreshit-narkotiki-i-pornografiju-1388073/>
7. The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (04.30.2024)
8. Article by the Director of the Department of Foreign Policy Planning of the Russian Ministry of Foreign Affairs A.Yu. Drobina "Sovereignty for everyone. Neocolonialism and our fight against it," Izvestia MIC, January 26, 2024 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1927777/ (04.30.2024)
9. National Security Strategy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 // URL: https://base.garant.ru/401425792/#block_1000 (04.30.2024)
10. Tishchenko S.M. Value orientations of the South African population in global and regional contexts // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art history. 2013. № 2 (103). pp. 87-100.
11. Decree on approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values. November 9, 2022 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (04.30.2024)
12. Ushakov said that support for multipolarity will be a condition for BRICS candidates. March 4, 2024. // URL: <https://tass.ru/politika/20151619> (04.30.2024)
13. Huntington S. Clash of Civilizations. – М.: АСТ, 2003.
14. Shipovalova L.V. To be a philosopher is to combine the incongruous // Epistemology and philosophy of science. 2024. Vol. 61. № 1. P. 53-60.
15. Association agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part // Official Journal of the European Union/ L 161/3. 29.5.2014.
16. Homosexuality can be called a mental disorder, Chinese court rules; LGBT community disappointed // URL: <https://www.scmp.com/news/people-culture/gender-diversity/article/3123549/homosexuality-can-be-called-mental-disorder> (30.04.2024)
17. Tobias Lenz, Henning Schmidtknecht. Agents, Audiences and Peers: Why International Organizations Diversify their Legitimation Discourse // International Affairs, Volume 99. Issue 3. May 2023. Pages 921-940.
18. Toufic Sarrieddine. BRICS+6: The More the Un-Merrier? September 25, 2023 // BRICS+6: The More the Un-Merrier? / Geopolitical Monitor.

Лю Жуй

Помощник преподавателя.

Институт русского языка

Хэйлуцзянского университета, г. Харбин (Китай).

Изучение невербального поведения между россиянами и китайцами

1. Определение невербального поведения.

Термин «невербальный» по своему значению противоположен термину «вербальный» и переводится как «несловесный». Понятием «невербальное» обозначается большой круг явлений, включающий не только телодвижения человека и звуковую модальность речи, но и различные элементы окружающей среды, одежду, элементы оформления внешности и даже разные сферы искусства.

Невербальное поведение включает в себя все стимулы человека и окружающей среды, кроме вербального поведения, которые необходимы для продолжения вербальной реакции и которые имеют потенциальную информационную ценность или значение как для отправителя, так и для получателя сообщения. Таким образом, вербальное поведение и невербальное общение происходят одновременно, но невербальное поведение может заменять, дополнять и регулировать вербальное общение, а также играет все более важную роль в процессе общения [1].

2. Функции невербального поведения.

Невербальное общение относится ко всем коммуникативным действиям, выходящим за рамки вербального поведения. Это процесс передачи информации через позы человеческого тела, жесты и другие действия. К функциям невербального общения в основном относятся функция замещения, функция повторения, функция отрицания и вспомогательная функция [2].

Невербальное поведение имеет две функции:

- а) Она помогает нам выразить эмоции, отношение и личные качества.
- б) Невербальные сигналы часто бывают более «честными», чем слова, передавая то, что люди действительно чувствуют, не говоря об этом.

3. Виды невербального поведения.

Невербальное поведение может быть внутренним (управляемым нервной системой), видовым (универсальным поведением для всех представителей вида), а также вариативное, которое зависит от культуры и отдельно взятого индивида.

Невербальная коммуникация повсеместно присутствует в нашей повседневной жизни и передает сообщения в основном с помощью языка тела, мимики, зрительного контакта, жестов и голоса. Во многих случаях невербальное общение может быть более влиятельным, чем слова, поскольку оно имеет тенденцию передавать эмоции и отношение более наглядно. Фактически, исследования показали, что невербальная коммуникация даже более влиятельна, чем вербальная, в межкультурном общении.

Невербальное общение можно разделить на четыре основных типа: язык тела, параязык, визуальное воздействие и тактильная коммуникация. Каждый тип имеет свое уникальное значение и воздействие.

Средства невербального поведения делятся на:

а) Язык тела: включает в себя позы, жесты, движения головы и телесный контакт, которые могут передавать эмоциональное состояние человека, его уверенность в себе и уровень принятия.

б) Паралингвистика: включает в себя тон голоса, скорость речи и громкость голоса, а также передает важные эмоциональные послания, такие как уверенность, гнев, счастье или страх.

в) Визуальное воздействие: зрительный контакт, улыбки, выражение лица, расширение зрачков - все это выражает эмоциональное состояние человека и фокус его внимания.

г) Тактильная коммуникация: физический контакт, такой как прикосновения, объятия и похлопывания по спине, может передать чувство близости, комфорта или поддержки.

4. Невербальное поведение в повседневной жизни.

Существует множество причин конфликта между китайской и западной культурами. люди и стили поведения. Основные причины заключаются в следующем [3].

4.1. Жесты.

Симптоматические жесты выражают эмоциональное состояние жестикулирующего. Основным для всех симптоматических жестов есть именно эмоция, а не ее физиологическое проявление (т.е., например, горе, а не слезы).

Покраснение щек – это неконтролируемая физиологическая реакция на какую-то причину, вызвавшую эмоцию, или на саму эмоцию. Между тем, та же эмоция стыда может быть выражена и передана жестом, например украинским симптоматическим жестом «закрыть лицо руками от стыда». Существенно, что, даже не испытывая стыда, тот, кто жестикулирует, может закрыть лицо руками, имитируя стыд. В этом случае мы очевидно имеем дело с вторичным, коммуникативным, употреблением симптоматического жеста.

Жестовая форма махнуть рукой в славянской жестовой системе присуща, вместе с другими жестами прощания и приветствия, также жесту бессилия, близкого к отчаянию, а именно жест «махнуть рукой» обозначает отказ со стороны жестикулирующего от ожиданий или надежд связанных с кем-то или чем-то, и демонстрирует, что жестикулирующий считает, что он не способен изменить к лучшему какую-то ситуацию или положение вещей, и поэтому не будет предпринимать для этого каких-либо действий, а возможно, перестанет даже думать о них, считая их безнадежными.

В языке жестов культурные различия между Китаем и Россией особенно очевидны. В общении русские любят пожимать плечами, чтобы выразить «Я ничего не могу поделать, я не знаю», в то время как китайцы привыкли использовать «машущие руки» или «кочевание головами», чтобы выразить это значение [4]. И китайская, и русская культуры используют жесты для выражения определенных значений, но значения, выраженные одним и тем же жестом, не обязательно одинаковы, и разные жесты могут означать одно и то же значение. Китайцы поднимают большой палец вверх, чтобы выразить признательность, и протягивают мизинцы, чтобы выразить презрение к другому человеку, тогда как русские поднимают большой палец вверх, чтобы выразить признательность, а также выразить бесплатную поездку. Китайцы делают круг большим и указательным пальцами, что означает «ноль», по-русски это означает «ок». Но этот жест является международным, и в последнее время все больше и больше китайцев используют его в значении «ОК». После еды китайцы похлопывают себя по животу руками, чтобы показать, что он сыт, а русские подносят ладони к горлу, чтобы выразить «сытость». Такой жест в глазах китайцев означает «обезглавливание». Китайцы указательным пальцем несколько раз обводят висок, чтобы выразить мысль. А вот в России несколько раз повернуть указательный палец у виска означает, что у человека, на которого указывают, пробле-

мы с мозгом и он психически болен.

4.1.1. Фразеологизмы жестов.

Фразеологизм, в основе которых лежит жест, можно классифицировать по следующим признакам: 1) фразеологические единицы, одним из компонентов которых выступает название органа тела человека, участвующего в ответном действии, происходящем в процессе жестикуляции. Такие жесты называем некомбинированными. Частотны жесты, при которых задействованы руки и их части: ладони, пальцы, кисти, а также ноги, плечи, голова и т.д. При этом основным компонентом действия выступает: а) голова: клонить голову, склонить голову, склонять голову, поднимать голову, опускать голову, кивать головой, драть голову, вешать голову, биться головой о стену, высоко нести голову, голова крутится, голова идет кругом, бросаться торчком головой, лететь торчком головой, воткнуть голову в петлю, класть голову на плаху, сунуть свою голову в иго; б) нос: драть нос вверх, кирпичу гнуть, поднимать нос, вонзить свой нос, отворачивать нос, повесить нос, копить нос, нос под себя, вернуть нос, пенить нос; в) руки и их части: биться о полы руками, подавать братскую руку, ударить по рукам, с протянутой рукой, ухватить в обе горсти, пальцем не шевельнуть, комбинация из трех пальцев, тыкать пальцем, взять в свои руки, махнуть рукой на все, схватиться двумя руками за что-нибудь, идти рука об руку (по жизни), протянуть руку помощи, зажать в кулак, держать в кулаке; г) ноги и их части: встать на левую ногу, выписывать кренделя ногами, встать с колен, выбросить колени, ходить по пальцам, хромать на все четыре ноги.

А в Китае совсем другой смысл. В Китае есть такой фразеологизм “нога плюс живот императора”. Китайцы понимают это так: во-первых, его первоначальным смыслом должно быть физическое поведение, то есть это физиологическая потребность человека, такая же, как чесание, моргание и облизывание губ. Переворот и скрещивание ног — обычные движения во время сна. Во-вторых, когда такое действие происходит между царем и народом, люди с большей готовностью понимают это как символическое поведение, указывающее на то, что отшельник открыт и неформален. В-третьих, с точки зрения коммуникативного эффекта, это невербальное поведение, которое еще больше подчеркивает и усиливает языковое или идеологическое выражение.

4.2. Поза

Под позами понимают осознанные или неосознанные общие положения тела более статические, чем собственно жесты, а также соотноси-

тельные положения различных частей тела. Язык тела является одним из важных средств общения человека и вспомогательным средством передвижения. Он в основном выражает эмоциональную информацию, а также выражает определенную рациональную информацию. Так называемый язык тела относится к набору графических символов, излучаемых человеческим телом с функцией выражения эмоций, включая изменения в мимике, позах тела, движениях тела и положениях тела.

С этой точки зрения невербальное поведение является наиболее показательным. Поскольку многие формы жестового поведения усваиваются из окружающей среды, они являются традиционными и уникальными для разных культур, что приводит к появлению феномена, когда жестовое поведение варьируется от культуры к культуре. Как сказал Дэвид Аберкромби: «Мы говорим нашими голосовыми органами, но мы говорим всем нашим телом» [5]. Из-за существования культурных различий одно и то же жестовое поведение в разных культурах может обозначать разные значения и выполнять разные социальные функции, что не только создает препятствия для межкультурной коммуникации, но и может стать причиной коммуникативных ошибок, серьезно влияющих на общение.

Таким образом, среди фразеологического состава фразеологических единиц, основой для создания которых является положение тела человека, выявлено незначительное количество. Например, встать на близкую ногу, ударить в ноги (пяти), ходить на головах, ходить вверх ногами, спрятаться за чужую спину, упасть в ноги, упасть на колени, бить лбом о землю, ударить лбом, на четвереньках лазить, припасть к ногам ног, бить поклоны, переворачиваться с ног на голову, поставить с ног на голову, гнуть спину, гнуть позвоночник, поклоняться рюмке, ложиться к ногам, лбом о землю, опираться на плечо, подпирать плечами потолок. вне «стоять руки в стороны» также характеризует отношение адресанта к адресату данного жеста как отрицательное, презрительное, агрессивное.

4.3. Мимико-мимический жест.

4.3.1. Мимика.

Жест «подмигивать» означает что-то вроде предложения адресата участвовать вместе с жестикулянтom в каком-то общем деле, скрытом от посторонних людей, например розыгрыши третьего лица, то есть, говоря коротко, значение этого мимического жеста – сопричастность с адресатом, или «я с тобой сейчас заодно». По-видимому, из данного значения выведена прагматично важная роль данного глазного жеста в европей-

ской культуре, где он является знаком приглашения к тайной любовной игре-флирту.

Для русских «Широко раскрытые» глаза передают разные степени удивления, вплоть до удивления и потрясения, а также «сильное желание», «заинтересованность чем-либо кем-нибудь».

Китайцы обычно думают, что у русских много телодвижений и богатая мимика, на их лицах проявляются эмоции, гнев, печаль и радость, а их выражения лица соответствуют их собственному языковому содержанию и реакции человека, с которым они разговаривают. Однако россияне считают, что китайцам трудно выражать свои эмоции и эмоции, даже если в семье случается несчастье, они должны встречать гостей с улыбкой, что часто сбивает россиян с толку. Иногда одно и то же выражение лица содержит разную информацию в разных культурных контекстах. В китайской культуре прищмокивание означает пикантность, но у русских такой привычки нет, для русских такое действие очень невежливо.

Глаза — важный символ невербального общения. Однако одно и то же поведение взгляда может иметь совершенно разные значения в китайской и русской культурах. Во время разговора китайцы не смотрят прямо друг на друга и намеренно избегают постоянного зрительного контакта, чтобы показать свое смирение или уважение к другому человеку. Когда русские разговаривают, они привыкли смотреть прямо друг на друга и устанавливать прямой зрительный контакт, чтобы выразить интерес. Не смотреть на другого человека часто воспринимается как застенчивость, отсутствие энтузиазма или даже трусость. Эта разница в культуре глаз заставляет россиян думать, что другая сторона смотрит на них свысока, потому что китайцы избегают зрительного контакта с ними; в то время как китайцы будут чувствовать, что другая сторона груба, потому что русские всегда смотрят на них. В России матери часто говорят «посмотри мне в глаза», когда просят детей сказать правду, а в Китае часто считается невежливым, когда дети смотрят прямо на старших, разговаривая с ними.

4.3.2. Мимические фразеологизмы.

В языке выявлено значительное количество фразеологизмов, отражающих мимические движения человека, посредством которых передаются разнообразные оттенки чувств, оценок, отношений к людям и событиям. Например, выбивать зубами чечетку (третьяка), оскалить зубы, показывать зубы, стиснуть зубы, цедить сквозь зубы, браться зубами, скрежетать

зубами, цокать зубами, щелкать зубами, схватить на зубы, кривить губы, дуть губы надувать губы, копить губу, отставлять губу, облизывать губы, отставляя губу.

В России есть разные мимические фразеологизмы, означающие разные значения: с каменным лицом (очень серьезно, строго), бегать глазами (быстро, поверхностно читать), мигать глазами (смотреть), отводить глаза (переставать смотреть на кого), смотреть косо (обнаруживать недовольство), смотреть сквозь пальцы (пренебрегать), брови полезли на лоб (кто-нибудь чем-то очень поражен, проявляет необычное удивление), дуть губы (сердиться, обижаться на кого-нибудь), копить губу (сердиться, капризничать), кусать губы (подсознательно), сквозь зубы (неохотно, невнятно, едва разжимая рот, с неудовольствием), хотя бы усом повести (не считаться, не реагировать на кого).

В Китае есть такой фразеологизм: радостное выражение лица, он часто используется для описания чрезвычайно счастливого и счастливого состояния людей. В начале XXI века улыбка стала главным выражением лица у китайца: от улыбки гостеприимства у простых людей до «обслуживания с улыбкой» у бизнесменов [6]. Не отводить глаза имеет смысл описать человека, пристально смотрящего на цель, не отводя взгляда. Этот фразеологизм часто используют для описания человека, который чрезвычайно сосредоточен на чем-то и не может от этого отвлечься. Он подчеркивает наблюдательность глаз и концентрацию внимания, имеет яркие описания.

Заключение

Следовательно, различные формы невербального поведения используются для выделения или акцентирования вербального сообщения, для усиления какой-либо части сообщения, для объяснения молчания, для добавления новой информации к выражению или для извращения вербального сообщения. Посредством теоретических моделей коммуниканта легче понять вклад невербального поведения в консультативные отношения. Чувствительность к невербальным сообщениям требует концентрации и развивается в процессе тренировки. Изучению важности невербальных намеков посвящено несколько исследований.

Таким образом, обладание невербальным поведением коммуникации и знание их особенностей в разных культурах способствует развитию межкультурной компетентности индивида в современном глобализованном мире. Овладение иноязычной вербальной системой общения,

то есть иностранным языком, должно дополняться овладением навыками невербального общения для того, чтобы способствовать более эффективной и бесконфликтной коммуникации между представителями разных стран.

Список литературы:

1. Юэ Цзясинь. Исследование культурных различий в невербальном общении в межкультурном контексте // Культура Синь-чжу. 2023. С. 69-72.
2. Ли Цзяньвэнь. Влияние невербального общения на межкультурное общение // Журнал Хубэйского экономического университета. 2014. С. 90-91+94.
3. Сун Иге. Сравнительный анализ различий между Китаем и Западом в межкультурной коммуникации // Международные связи с общественностью. 2021. С. 13-15.
4. Лю Сюцинь. Цзин Яцзюнь. Исследование прагматических ошибок и контрмер в межкультурной невербальной коммуникации // Журнал Шаньсийского университета радио и телевидения. 2021. С. 42-46.
5. Дэвид Аберкромби. Элементы общей фонетики. Эдинбург: Издательство Эдинбургского университета, 2008. С. 45.
6. Тан Хань. Лингвокультурная специфика русско-китайского делового общения. Москва. 2011. С. 18.

Bibliography

1. Yue Jiaxin. Study of cultural differences in nonverbal communication in an intercultural context // Hsinchu Culture. 2023. P. 69-72.
2. Li Jiangwen. The influence of nonverbal communication on intercultural communication // Journal of Hubei University of Economics. 2014. P. 90-91+94.
3. Sun Yige. Comparative analysis of differences between China and the West in intercultural communication // International public relations. 2021. p P. 13-15.
4. Liu Xiuqin. Jing Yajun. Research on pragmatic errors and countermeasures in intercultural nonverbal communication // Journal of Shanxi Radio and Television University. 2021. P. 42-46.
5. David Abercrombie. Elements of general phonetics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. P. 45.
6. Tang Han. Linguistic and cultural specificity of Russian-Chinese business communication. Moscow. 2011. P. 18.

Задаев Эмиль Камран оглу

*Докторант факультета Международных отношений и экономики.
Бакинский Государственный Университет.*

Президентские выборы в Турции в 2023 году как следствие цивилизационного разлома

Введение

Президентские выборы в Турции в 2023 году прошли в достаточно напряженной обстановке, что свидетельствует об их переносе во второй тур. Несмотря на победу Реджепа Тайипа Эрдогана и правящей Партии справедливости и развития, турецкое и мировое сообщество в целом отнеслось к результату довольно неоднозначно.

Несмотря на беспрецедентную консолидацию политических сил в оппозиционном альянсе во главе с Кемалем Кылычдароглу, благоприятные для ушей оппозиции результаты социальных опросов, экономические проблемы, вызванные администрацией президента, а также катастрофическое землетрясение, унесшее жизни тысяч мирных жителей, президент Эрдоган и его союзники выдержали мощный шквал и закрепили свою победу. На удивление, эксцессов не произошло, а лидеры оппозиции и их сторонники восприняли свое поражение весьма сдержанно. В то время как Эрдоган называет результаты выборов «триумфом демократии», совет оппозиционных партий, которым удалось объединить, казалось бы, непримиримых соперников, сталкивается с экзистенциальным кризисом и недоумевает, как они растратили, казалось бы, очевидное преимущество.

Если трезво взглянуть на цифры первого и второго тура, то в первом туре оппозиция отстала на 4,64% (49,52% против 44,88%), а во втором туре на 4,36% (52,18% против 47,82%). Разрыв, по сути, незначительный, хотя и ощутимый, если учесть, что беспартийный кандидат Синан Оган буквально «украл» жизненно важные 5,17% голосов выборщиков у оппозиции в первом туре, а затем полностью выразил поддержку действующей власти во втором. круглый.

Невольно возникает вопрос, почему большинство избирателей предпочли шаткий статус-кво с глубоким экономическим кризисом и неясной повесткой евроинтеграции, а не классическую кемалистскую номенклатуру, которая, судя по избирательной кампании, предложила панацею

от нынешнего кризиса в Турецкой Республике.

В данной работе будет небольшой отход от сравнительного анализа успехов или недостатков политических элит. Вместо этого основное внимание будет сосредоточено на обществе и его восприятии политической повестки дня, порождаемой субъектами турецкого политического пространства. Именно такой подход раскрывает сильные и слабые стороны политической идеологии и выводит нас из пространства рационального расчета предпочтений избирателя в более иррациональный спектр, где будет играть роль идентичности и поиска своего «Я» на локальном и глобальном уровне. Идеи Сэмюэля Хантингтона о «столкновении цивилизаций» если не упрощают, то существенно объясняют антагонизм идентичностей в Турции. И если многие рассматривают эту проблему «сверху», то есть оценивают влияние элит на нужды населения, то данная работа будет анализировать влияние заранее заданной идеологии на широкие массы, и, как следствие, на элите, которая подхватывает чаяния большинства ради выживания на политическом Олимпе.

Основная цель данного исследования – установить связь поведения избирателя с идеологическим и даже цивилизационным антагонизмом турецкого политического пространства. Обнаружение этой связи помогает объяснить успех правящей партии и определить ключевые тенденции в политическом пространстве Турции на обозримое будущее. Основная ценность данной работы заключается в понимании мотиваций как общества, так и правящих элит, поскольку благодаря этому строится прогноз поведения субъектов политического спектра.

Исходя из этого, ключевым объектом исследования станет общество, от которого зависит процесс голосования. Рассмотрев объект исследования в его единстве и целостности, с помощью системного анализа выявлены закономерности в отношениях с сопряженными субъектами (государством, международной системой) и их факторами, составляющими «потенциал» субъектов (политических партий, элит и политических идеологии) будут раскрыты. Полученные закономерности помогут построить определенную концепцию поведения и, самое главное, мотивацию избирателей. Для дальнейшего подтверждения цели исследования будет использован метод анализа событий с использованием данных, собранных исследователями в этой области, для установления тенденций электорального поведения в Турции. Все это поможет поддержать основной тезис данной статьи.

Актуальность и значимость данного исследования усиливается тем,

что Турция, в отличие от большинства стран, стоит на пересечении ярко выраженных цивилизаций, создающих две противоположные идентичности на многих уровнях анализа. Именно это затрудняет точные прогнозы в эпоху развития идей постмодерна, но в то же время открывает возможности для свежего взгляда на классические методы исследования в политической науке. Личность избирателя будет тогда служить ключевой переменной для понимания политических процессов.

1. Роль политической культуры в общественном сознании

Политическая культура турецкого народа имеет глубокие исторические корни, в рамках которых функционировали позиции и поведение отдельных лиц. Феномен политической культуры здесь важен в оценке поведения личности в политической плоскости. По мнению политолога Е. Вятры, политическая культура представляет собой совокупность позиций, ценностей и кодекса поведения, касающихся взаимоотношений власти и граждан. Политическая культура – это исторически сложившаяся совокупность явных и скрытых представлений о различных сторонах жизни, включающая: а) политические нормы; б) политические институты; в) политические модели; г) способы политического действия отдельных лиц и социальных групп¹. Важное место в структуре политической культуры занимает политическое сознание, составными элементами которого являются традиционные представления о политической системе, институтах, режиме, механизме власти и контроля, о политических решениях, о носителях власти, об их собственное место в политической жизни, компетентность и эффективность участия в политической деятельности. Политические идеи проявляются на уровне теоретически систематизированных знаний и обыденного сознания, например, в форме чувств и настроений. Систематизированные знания о политике в обществе появляются не повсеместно из-за их специализации и отсутствия активной и профессиональной гражданской активности. Такой подход будет более характерен для обществ с политической культурой «участия». Индивиды не только ориентированы на «вход» политики, на участие в ней, но и позитивно ориентированы на «входные» структуры и «входные» процессы². Для этого типа участия недостаточно чувственного восприятия политики, поэтому этот тип политической культуры характерен для зрелых индустриальных обществ, где в обществе сформирован историче-

1 Вятр, Ежи. Социология политических отношений. Москва: Прогресс, 1979.

2 Almond Gabriel and Verba Sidney. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. (Princeton N.J.: Princeton University Press. 1963), 58.

ский опыт активного участия в политике. В чистом виде такое общество найти крайне сложно, а когда речь идет о Турции, здесь следует несколько иной тип культуры. По мнению Алмонда, существует и подчиненный тип культуры, где существуют устойчивые ориентации на дифференцированную политическую систему и на то, что система дает «выход», но ориентации на конкретные объекты «на входе» системы и на себя как на активный участник очень слаб. Субъект такой системы (подчиненный) осознает существование государственной власти и чувственно ориентирован на нее, возможно, гордится ею, возможно, не любя ее и оценивая ее как легитимную или нет. Здесь речь идет о чистых подчиненных ориентациях, которые наиболее вероятны в обществах, где нет структур «на входе», сформировавшихся и дифференцированных от других элементов системы. Подчиненные ориентации в политической системе с развитыми демократическими институтами (например, в Турции) скорее носят аффективный и нормативный характер, чем когнитивный. Например, монархист знает о существовании демократических институтов, но не считает их легитимными.

Надо иметь в виду, что начиная с эпохи модернизма трудно отнести ту или иную страну к определенному подтипу политической культуры. Важно отметить, что политическая культура модерна, т.е. открытое и гражданское общество, основанное на индивидуализме. Индивидуализм постепенно закрепляется в Турции. Это один из многих признаков того, что политическая культура открытого общества постепенно распространяется в различных регионах мира, хотя это неравномерный и разрушительный макропроцесс. Однако этот разрыв становится наиболее ощутимым благодаря ревизионистской политике религиозных фундаменталистов, экстремистов и всякого рода проповедников, резко выступающих против «вестернизации» морали³.

Ключевой вопрос заключается в том, насколько интегрировалась западная политическая культура, когда-то чуждая турецкому народу, и насколько сильно идеологические противоречия проявляются в избирательных кампаниях? Прежде чем показывать степень зависимости, стоит сначала понять основные постулаты обеих сторон и их долгосрочные цели относительно будущего Турции

2. Кемализм против Неоосманизма

Исторически внешняя политика Турецкой Республики часто проходи-

³ Власова, Ольга. «Последний шаг в Европу». Эксперт 459.(12) (март 2005 г.). // URL: https://expert.ru/expert/2005/12/12ex-rus-cht_5033/

ла стадию реструктуризации. С момента основания Турецкой Республики ее политическая культура, отвергая идеологическое наследие Османской империи, приняла принципы секуляризма и национализма. Османизм был государственной идеологией Османской империи и включал в себя шариат, европеизацию, равенство наций и процветание империи⁴. На рубеже XIX и XX вв. империя находилась в лихорадочном поиске новых концепций, которые помогли бы реформировать и европеизироваться, сохраняя при этом исламскую идентичность. В качестве новой идеи Юсуф Акчуря предложил доктрину тюркизма в дополнение к османизму и исламизму⁵. Али бек Гусейнзаде предложил сохранить тюркизм и исламизм и поставить европеизм на место османизма. Зия Гёкальпа отказался от исламизма и тюркизма, но заменил европеизацию модернизацией⁶.

Мустафа Кемаль отверг тюркизм и исламизм и предложил принципы секуляризма и национализма. Кемалистский национализм, в отличие от тюркизма прежних идеологов, выражал не этническую, религиозную, культурно-языковую, а политико-правовую принадлежность, реализовывался в институте гражданства и ограничивался территорией Турции. Ататюрк отделил религию от государства, веру от политики. Секуляризм отрицал религию в турецкой идентичности. Иными словами, происходит отказ от коллективного самосознания (оно же единая исламская «умма» или идея «Великого Турана») в пользу более индивидуалистических ценностей. Это также послужит ядром современных кемалистов.

Приоритетами внешней политики Мустафа Кемаль считал укрепление прочных связей с ключевыми региональными игроками не под покровительством Турции, а на равноправной основе⁷. Результатом стало образование в 1934 году Балканского пакта, в который вошли Турция, Греция, Югославия и Румыния. На Ближнем Востоке стабильность и сотрудничество должен был обеспечить Саадабадский пакт, подписанный Турцией, Ираком, Ираном и Афганистаном в 1937 году, получивший название «Ближневосточная Антанта». Такого рода пассивная политика кемалистов, проводившаяся в годы «холодной войны», когда Турция, вступив в НАТО, действовала в унисон с Западом и подчеркивала свои амбиции в рамках своих законных территорий, рано или поздно должна была впасть в кризис, учитывая идеологический раскол, который стал

4 Киреев Николай. История Турции в XX веке. Москва: Крафт+, 2007.

5 Мухамметдинов, Рафаэль. Происхождение и эволюция тюркизма. Казань: Заман, 1966.

6 Uzer Umut, Ramazan Hakki Oztan. "An intellectual history of Turkish nationalism: between Turkish ethnicity and Islamic identity." *Uluslararası İlişkiler / International Relations* 13, № 51 (2016): 127.

7 Ататюрк, Кемаль. Избранные выступления и выступления. Перевод Анатолия Миллера. Москва: Прогресс, 1966.

более ощутимым к концу 20-го века. В 1960-1970-е гг. в связи с необходимостью защиты турок-киприотов географические границы национализма стали расширяться. Тогда это послужило толчком к пробуждению новой геостратегии в отношении соседей на западе. Далее, эволюция национализма и секуляризма, наряду с обострением курдской проблемы в 1980-е годы, вызвала официальный пересмотр кемалистского понимания национализма/идентичности, что привело к тюрко-исламскому синтезу, который стал считаться новой идентичностью Турции. Многие эксперты прозвали эту идеологию «неоосманизмом». Кто и когда впервые ввел термин «неоосманизм» — вопрос спорный. Однако очевидно, что широкое распространение эта концепция укоренилась во времена правления Тургута Озала. В Турции изобретение термина «неоосманизм» обычно приписывают Ч. Чандару, журналисту и советнику Т. Озала⁸. В основе этой идеи лежало интеллектуальное движение, пропагандировавшее активную и диверсифицированную внешнюю политику Турции, основанную на историческом наследии Османской империи. Итальянский автор Ф. Донелли отмечает, что традиционная турецкая идентичность сформировалась на основе языковой и территориальной общности, отвергавшей мультикультурализм, который был одним из основных столпов Османской империи. Однако Т. Озал рассматривал различные этнические, культурные, религиозные, языковые и политические особенности как органические части новой национальной идентичности, которая могла принять османский, а не турецкий характер. Неоосманизм зародился как идеология новой турецкой элиты, отвечавшей потребностям, прежде всего, представителей консервативных и религиозных низов, а затем благосклонно воспринятой предпринимательским средним классом⁹. Неоосманизм опирается на имперское наследие, но является продуктом совершенно иной экономической и социальной структуры и реакцией на кемалистскую изоляционистскую внешнюю политику.

Идеи Тургута Озала были существенно усовершенствованы и продолжены Ахметом Давутоглу, автором доктрины «стратегической глубины». Он отметил, что новое положение страны имеет как идеологическую, так и географическую основу. По сравнению с Т. Озалом он еще больше расширил географию внешнеполитических интересов страны. В отличие от Т.Озала, А.Давутоглу рассматривал интеграцию с ЕС, независимо

⁸ Yanik Lerna K. "Constructing Turkish "exceptionalism": Discourses of liminality and hybridity in post-Cold War Turkish foreign policy." *Political Geography* 30 (2011): 80-89.

⁹ Donelli Federico. "Neo-Ottoman Weltanschauung". In *Domestic and Regional Uncertainties in the New Turkey*, ed. Tabak Husrev, Tufekci Ozgur, Chiriatti Allesia. (Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017), 155-166.

от членства, как процесс внутренней модернизации. Этот подход администрация Эрдогана использует и по сей день. Центральное положение Турции диктовало необходимость дополнить свои отношения с Европой связями с расположенными вокруг Турции сухопутными, морскими и континентальными регионами, имеющими с ней культурно-исторические связи и составляющими ее стратегическую глубину¹⁰. Это послание уже было дилеммой для А.Давутоглу и для всей Турции: географическая центральность и цивилизационная уникальность Турции сочетались с отношениями с соседними регионами, близкими ей в культурно-историческом смысле, но не сочетавшимися с интеграцией. в Евросоюз, который представлял собой иную геополитическую единицу и цивилизацию, стратегические цели которой не совпадали с турецкими.

Несомненно, противоречие обострялось главным образом из-за исламистских тенденций, которые с каждым годом все отчетливее проявлялись во внешней и внутренней политике ПСР (Партии справедливости и развития). ПСР удалось преодолеть перелом, который пережил турецкий исламизм в 1990-е годы, трансформировать политический ислам в популистский, расширить свою социальную базу не только за счет сторонников правых партий, но и за счет центристов, заинтересовать деловые круги, особенно владельцев мелкого и среднего бизнеса из провинции. Очень важно понимать, что в Турции, которая не была колонией, исламизм выражается в сопротивлении «внутренней колонизации», проводимой прозападноориентированными элитами. Исламизм был главной идеологической составляющей борьбы за независимость после распада Османской империи в результате Первой мировой войны. С тех пор исламистские течения сохранили сильный националистический оттенок, всячески продвигая мусульманский универсализм, несмотря на все гонения на лаицистов.

В результате по своей сути ревизионистский «неоосманизм» Эрдогана и его сторонников сделал политический ислам основой идеологии турецких правых и занял значительную часть политического пространства, которые, тем не менее, умело примерили на своих избирателей несколько масок: консервативно-либеральное лицо средних городских слоев; либерально-демократическая – для западного мира; националистически-исламистским, когда он апеллирует к своим исламистским избирателям. Но если в первой половине своего пребывания у власти она демонстрировала либеральное лицо в экономике, консервативное в культурном плане и

10 Davutoglu Ahmet. "Turkish Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007". *Insight Turkey* 10, № 1 (2008): 77-96.

почти демократическое в плане политики, то во второй половине правления это лицо становилось все более исламистским.

3. Разделенное общество

Роль общества в этом противостоянии решающая, поскольку избирательный институт Турции при всех своих недостатках уже многие годы поддерживает республиканскую систему. Ярким примером этого является гибкая программа ПСР, когда политтехнологи из всех сил стараются угодить разношерстной публике своими уверениями, чтобы набрать как можно больше голосов. Без этих инструментов молодой партии гораздо сложнее конкурировать с более опытными партиями. Как говорилось выше, ПСР поначалу умело контролировала баланс между требованиями различных групп посредством европейской интеграции, поддержки малого и среднего бизнеса и заискивания перед исламистами. Подчиненный характер избирателей одобрил действия правительства во имя экономического роста и общей стабильности. В то же время недовольство росло прямо пропорционально раскрытию истинных амбиций ПСР. Преследование независимых СМИ, замораживание европейской интеграции, курдский вопрос были, так сказать, первыми симптомами. Всеобщему недовольству способствовала и активная политика интервенции на Ближнем Востоке, породившая очаги нестабильности и потоки мигрантов в страну. Чаша терпения, судя по всему, переполнилась после экономического кризиса и обвала лиры. Рабочий класс, мелкие и средние предприниматели стали постепенно терять веру в «удобную» и «стабильную» гарантию благополучия. Но вернемся к цифрам: 52,18% против 47,82%. Как, казалось бы, в условиях такого кризиса ПСР удастся в очередной раз привлечь на свою сторону кемалистский альянс?

Взаимосвязь между состоянием экономики и поведением избирателей хорошо известна в литературе. Однако в этой области существуют два разных подхода к механизмам влияния экономики на голосование. Согласно первому подходу, избиратели должны вознаградить действующего президента, если его личное экономическое положение улучшилось за счет правящей партии. Это известно, как эготропное или карманное голосование¹¹. Драйверов поведения карманного голосования может быть несколько, таких как безработица¹², инфляция¹³, экономи-

11 Kinder Donald R., D. Roderick Kiewiet. "Sociotropic Politics: The American Case." *British Journal of Political Science* 11, no. 2 (1981): 129-61.

12 Grafstein Robert. "The impact of employment status on voting behavior". *Journal of Politics* 67. (2005): 804-824.

13 D. Roderick Kiewiet. "Policy-oriented voting in response to economic issues". *American Political Science Review* 75, no 2. (1981): 448-459.

ческий рост¹⁴, процветание¹⁵ и т. д. То есть все, что, как правило, исходит из культуры потребления и основано на рациональном начале. Теория карманного голосования предполагает, что избиратели принимают рациональные решения и могут эффективно оценивать экономическую эффективность.

Хотя теории голосования с использованием бумажных кошельков имеют определенные достоинства, существуют и альтернативные теории. Социотропное голосование призвано объяснить ситуации, в которых избиратели по-прежнему будут поддерживать правительство, даже если их личное экономическое положение не улучшится. Социотропное объяснение голосования утверждает, что действующие политики все еще могут хорошо выступать на национальных выборах, даже если некоторые экономические обстоятельства избирателей не изменились, если не ухудшились. Как утверждают Киндер и Киевит, социотропные личности голосуют «согласно кошельку страны, а не своему собственному». Это свидетельствует о более альтруистическом поведении избирателей. Социотропные факторы голосования могут состоять из экономических, а также других структурных факторов, таких как религия, национализм, моральные ценности и т. д.

Получается, что рационально мыслящий избиратель, хорошо разбирающийся в экономической ситуации, теоретически не должен голосовать за партию и лиц, которые своими действиями обременяют его благосостояние. Однако, как отмечалось ранее в данной работе, людям в подчиненной политической культуре, которым не дано каждому иметь систематизированные знания, легче оценивать и одобрять управление посредством чувственных порывов. Отсюда и возникает дихотомия в неспокойном турецком обществе

Один из способов понять политическое разделение Турции – это сосредоточиться на напряженности между центральными и периферийными силами. Центральные силы исторически состоят из светской гражданско-военной бюрократии. Политический центр Турции описывался как военный и бюрократический, в то время как периферия была концептуализирована Мардином как главным образом крестьянство, мелкие фермеры и ремесленники, живущие в сельской местности и во внутренних районах Турции¹⁶. Таким образом, люди с религиозным и консерватив-

14 Palmer Harvey D., Guy D. Whitten. "The Electoral Impact of Unexpected Inflation and Economic Growth." *British Journal of Political Science* 29, no. 4 (1999): 623-39.

15 Romero David, Stambough Steven. "Personal economic well-being and the individual vote for Congress: a pooled analysis, 1980–1990". *Political Research Quarterly* 49, no. 3 (1996): 607-616.

16 Mardin Şerif. "Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics?" *Daedalus* 102, no. 1 (1973): 169-90.

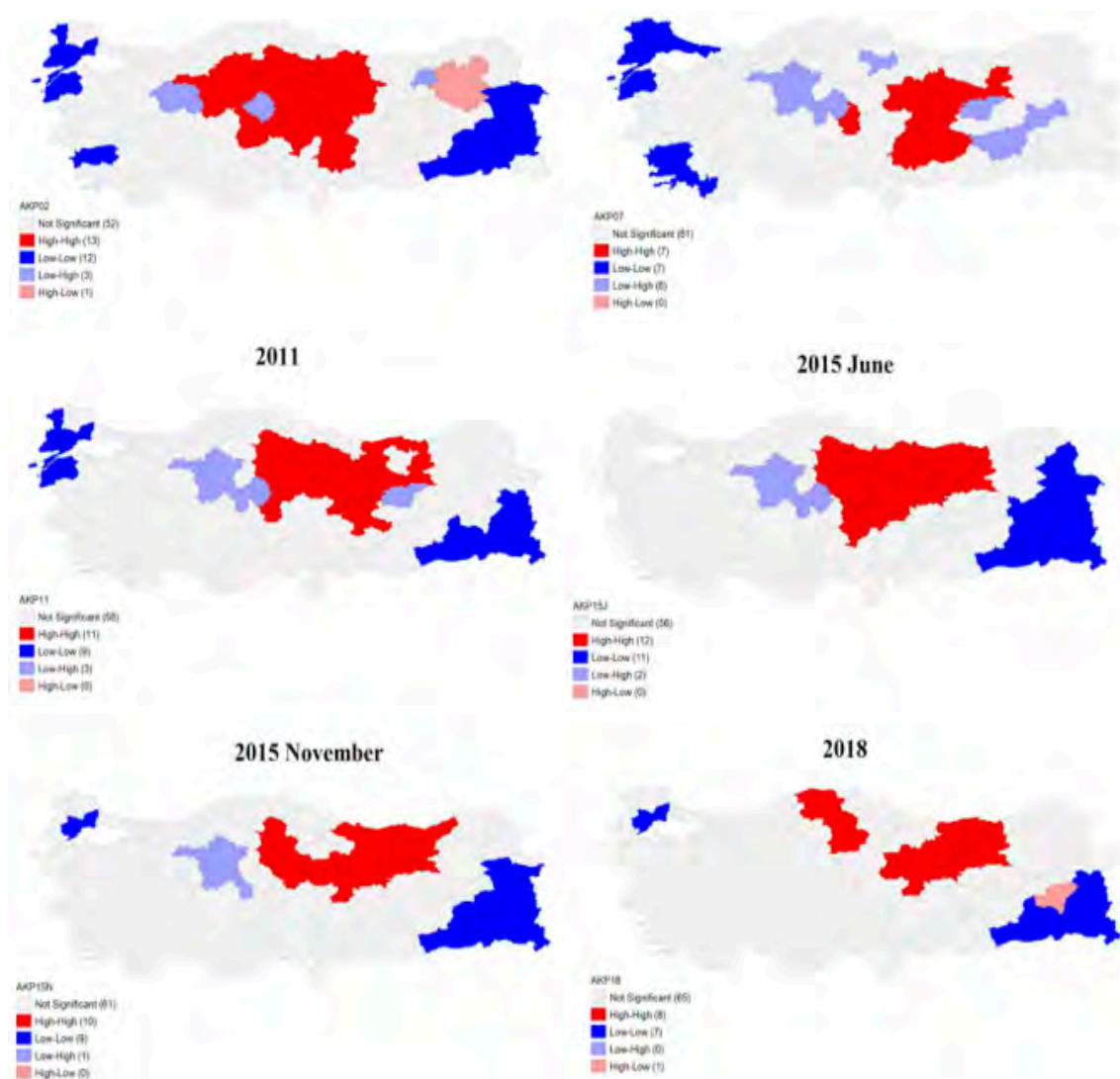
ным образом жизни, проживающие в сельских и внутренних районах Турции, составляют одну из основ периферийных групп Турции. Последним воплощением таких маргинальных политических партий стала ПСР.

Эта теория подтверждается рядом статистических исследований. Согласно результатам исследования Фирата Гюндема¹⁷, избиратели ПСР продемонстрировали более социотропное голосование, чем карманное голосование за действующего президента ПСР, поскольку они больше сосредоточились на общей картине, чем на своих собственных экономических обстоятельствах. Как уже говорилось выше, при социотропном голосовании можно наблюдать влияние и других факторов, таких как религия и этническая принадлежность, поскольку они являются разными составляющими разлома между Центром и Периферией (ЦП). Неудивительно ожидать положительной связи между религией и долей голосов ПСР. Таким образом, можно сделать вывод, что религиозный консерватизм является реальной мотивацией сторонников ПСР, помимо других политических мотивов. Религиозный консерватизм даже сильнее, чем эффективность национальной экономики правительства ($7,175 > 2,034$) в числе регрессии. Используя другой статистический метод индикатора локальной пространственной ассоциации (LISA), который позволяет исследователям выявлять детерминанты в отдельных кластерах, согласно рисунку 1, вырисовывается картина, где провинции, которые отражают «высокие» результаты по доле голосов ПСР, группируются вокруг центральных и центрально-восточных регионов. Анатолия и северо-восточное побережье Черного моря. Эти регионы в основном имеют сельскую экономику и религиозно консервативный образ жизни. Однако в восточных и западных регионах ПСР демонстрирует более низкие кластеры. Хорошо известно, что в восточной части Турции проживает преимущественно курдское население, а светский электорат сконцентрирован на западном побережье. В целом карты LISA-AKP не показали существенных изменений на всеобщих выборах с 2002 года. Распределение «высокий-высокий» и кластеры «низкий-низкий» часто остаются неизменными с течением времени.

Этот вывод важен для понимания дальнейшего успеха Эрдогана на выборах. Потому что, когда дело доходит до избирательного поведения, мотивированного характеристиками центр-периферия, такими как религия, этническая принадлежность и пространство, избиратели демон-

17 Gündem, Fırat. "Beliefs, economics, and spatial regimes in voting behavior: the Turkish case, 2007–2018". *Humanities and Social Sciences Communications* 10. (December 2023): 1–15.

Рисунок 1. Карты LISA для ПСР. Карты LISA были получены через смежность королевы.

Источник: Наборы данных, проанализированные в ходе текущего исследования, доступны в репозитории Dataverse: <https://doi.org/10.7910/DVN/13JX0U>. Этот набор данных был получен из следующих общедоступных ресурсов: <https://www.tuik.gov.tr/>; <https://www.ysk.gov.tr/>; <https://stratejigelistirme.diyagnet.gov.tr/sayfa/57/istatistikler>.

стрируют более устойчивое и последовательное избирательное поведение. Это касается как ПСР, так и кемалистских партий. Это может быть возможным объяснением постоянно растущей поляризации в консервативно-светском измерении в Турции.

Заключение

Хотя обобщение политологии с точки зрения «культурной» или «цивилизационной» идентичности может привести к значительному упрощению и даже предвзятости, Хантингтон был прав в отношении Турции. Хантингтон предсказал, что по мере того, как соперничество в XX веке закончится, прозападные настроения светской элиты Турции будут вытеснены националистическими и исламскими элементами¹⁸.

Модель вестернизации Ататюрка успешно работала во время холодной войны, поскольку Турция была очень важной страной для западного мира с точки зрения безопасности. Однако окончание «холодной войны» принесло некоторые проблемы в турецкую модель, а также в отношения Турции с западным миром. Турецкий народ, в отличие от турецкой государственной элиты, стал отвергать идею вестернизации, и этот процесс вызвал еще более сильные антизападные настроения. Это истинная причина процесса исламизации Турции. Однако наследие Ататюрка по-прежнему не позволяет Турции совершить такой радикальный сдвиг и полностью принять свою исламскую идентичность.

Рассматривая в системном анализе взаимоотношения общества с другими элементами, можно прийти к выводу, что поведение избирателей ориентировано как на эготропное, так и на социотропное голосование. Ведь изначально многие люди в начале 2000-х годов проголосовали за ПСР на фоне экономического кризиса, с которым не смогла справиться предыдущая администрация, что указывает на чистый рациональный расчет избирателя, а не на желание восстановить исламские ценности. По этой логике такой же сценарий должен был ждать нас и в 2023 году. Однако именно здесь социотропное поведение преобладало, хотя и не у подавляющего большинства. Этот феномен показывает, насколько важно следить за тенденциями в обществе и их предпочтениями. Модели рационального прогнозирования здесь начинают давать сбой, поскольку оказывается, что избиратели мотивированы более иррациональными факторами.

Особую ценность этого заявления следует применять к странам, где

18 *Huntington, Samuel.* "Democracy's Third Wave". *Journal of Democracy* 2, no. 2 (January 1970): 12-34.

культурная идентичность внутри общества находится в резком противоречии. Кроме того, не следует забывать и о демократических институтах, где общество в той или иной степени будет иметь право голоса и участия в системе принятия решений. В противном случае преференции будут навязываться авторитарным правительством, а избиратели станут чисто формальным элементом. В Турции еще можно рассматривать и анализировать эти процессы, несмотря на все недостатки демократической системы.

Прошедшие национальные выборы в Турции стали ярким подтверждением того, насколько глубоко «разорвано» общество. Экономические факторы, которые, несомненно, способствуют возникновению всеобщего недовольства, тем не менее, вытесняются идеологическими переменными. Статистические исследования, анализирующие поведение избирателей ПСР, лишь подтверждают этот тезис. Как долго общество сможет мирно балансировать между кемалистским наследием и ревизионистскими амбициями неоосманизма – вопрос времени. Но это предмет другого исследования. Прошедшие выборы показали, насколько хрупкой является грань общественного восприятия будущего Турции.

Список литературы / Bibliography

1. Ататюрк Кемаль. Избранные выступления и выступления. Перевод Анатолия Миллера. Москва: Прогресс, 1966.
2. Власова Ольга. «Последний шаг в Европу». Эксперт 459, нет. 12 (март 2005 г.). // URL: https://expert.ru/expert/2005/12/12expert-cht_5033/
3. Вятр Ежи. Социология политических отношений. Москва: Прогресс, 1979.
4. Киреев Николай. История Турции в XX веке. Москва: Крафт+, 2007.
5. Мухаммединов Рафаэль. Происхождение и эволюция туркизма. Казань: Заман, 1966.
6. Almond Gabriel and Verba Sidney. The Civic Culture : Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton N.J: Princeton University Press. 1963.
7. Davutoglu Ahmet. "Turkish Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007". Insight Turkey 10, 2008. № 1. P. 77-96. // URL: <https://www.insightturkey.com/articles/turkeys-foreign-policy-vision-an-assessment-of-2007>
8. Donelli Federico. "Neo-Ottoman Weltanschauung". In Domestic and Regional Uncertainties in the New Turkey, edited by Tabak Husrev, Tufekci Ozgur, Chiriatti Allesia. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 155-166.
9. Grafstein Robert. "The impact of employment status on voting behavior". Journal of Politics 67. 2005. P. 804–824. // URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2005.00340.x>
10. Gündem Firat. "Beliefs, economics, and spatial regimes in voting behavior: the Turkish case, 2007–2018". Humanities and Social Sciences Communications 10. 2023. P. 1-15. // URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01584-3>
11. Huntington Samuel. "Democracy's Third Wave". Journal of Democracy 2, January 1970. № 2. P. 12-34.
12. Kiewiet D. Roderick. "Policy-oriented voting in response to economic issues". American Political Science Review 75, 1981. № 2. P. 448-459. // URL: <https://doi.org/10.2307/1961377>
13. Kinder Donald R. and D. Roderick Kiewiet. "Sociotropic Politics: The American Case." British Journal of Political Science 11, 1981. № 2. P. 129-61. // URL: <http://www.jstor.org/stable/193580>
14. Mardin Şerif. "Center-Periphery Relations: A Key to Turkish Politics?" Daedalus 102, 1973. № 1. P. 169-90. // URL: <http://www.jstor.org/stable/20024114>
15. Palmer Harvey D. and Guy D. Whitten. "The Electoral Impact of Unexpected Inflation and Economic Growth." British Journal of Political Science 29, 1999. № 4. P. 623-39. – DOI:10.1017/S0007123499000307.
16. Romero David and Stambough Steven. "Personal economic well-being and the individual vote for Congress: a pooled analysis, 1980–1990". Political Research Quarterly 49. 1996. № 3. P. 607-616. // URL: <https://doi.org/10.1177/106591299604900308>
17. Uzer Umut and Ramazan Hakki Oztan. "An intellectual history of Turkish nationalism: between Turkish ethnicity and Islamic identity." Uluslararası İlişkiler / International Relations 13, 2016. № 51. P. 127.
18. Yanık Lerna K. "Constructing Turkish "exceptionalism": Discourses of liminality and hybridity in post-Cold War Turkish foreign policy." Political Geography 30. 2011. P. 80-89.

Меляева С.А.

Студентка 4 курса бакалавриата
по направлению международные отношения,
Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Владивосток.

Замотина П.Е.

Студентка 4 курса бакалавриата
по направлению международные отношения,
Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Владивосток.

Проблема миграции на Ближнем Востоке и её воздействие на отдельные страны региона

Ближний Восток является регионом с высокой интенсивностью миграционных процессов, как внутренних, так и международных. Причины этого сложны и многогранны, но можно выделить несколько ключевых факторов. Первым фактором выступают вооружённые конфликты и политическая нестабильность. Регион страдает от многочисленных конфликтов, таких как войны в Сирии, Йемене и Ираке, а также не менее значимый израильско-палестинский конфликт. Это приводит к массовому перемещению населения, которое ищет убежища от насилия и преследований. Экономические проблемы являются еще одним фактором, увеличивающим поток мигрантов из ближневосточных стран. Неравномерное распределение ресурсов, высокий уровень безработицы, бедность и отсутствие экономических возможностей вынуждают людей искать лучшей жизни в других странах.

Экологические проблемы: Дефицит воды, изменение климата и другие экологические проблемы также способствуют перемещениям людей.

Среди демографических факторов выделяется быстрый рост населения в некоторых странах, что создаёт давление на ресурсы и инфраструктуру. Некоторые из наиболее подверженных проблеме миграции стран Ближнего Востока включают в себя Сирию, Ирак, Ливан, Израиль, Иран, Палестинскую автономию и Турцию. Эти страны постоянно сталкиваются с потоком беженцев из-за конфликтов и политических проблем на их территориях. Сирийский конфликт, например, привел

к одному из самых крупных гуманитарных кризисов в мире, который вынудил миллионы людей бежать из своих домов и искать убежище за пределами своих стран.

Одним из самых весомых событий в контексте вопроса массовой миграции выступил фактор «арабской весны» в регионе Ближнего Востока. «Арабская весна» – это серия протестов и восстаний начала 2010-х годов, которая оказала значительное и многогранное влияние на проблему миграции ближневосточных стран¹. В ряде стран, таких как Сирия, Ливия и Йемен, «арабская весна» привела к гражданским войнам и продолжительным конфликтам, вынудившим миллионы людей покинуть свои дома в поисках безопасности. Экономические потрясения, вызванные политической нестабильностью и конфликтами, привели к росту безработицы, бедности и снижению уровня жизни, что стало дополнительным стимулом для перемещения людей в другие страны. В некоторых странах, где протесты были подавлены, усилились репрессии и нарушения прав человека, что вынудило людей, опасаящихся преследований, искать убежища за границей. Значительная часть миграционных потоков стала внутренней, люди перемещались по регионам в пределах своих стран, избегая зон конфликтов и насилия. Соседние страны, такие как Турция, Ливан и Иордания, приняли большое количество беженцев из Сирии, Ирака и Йемена. Часть мигрантов и беженцев, стремясь к безопасности и лучшей жизни, направилась в Европу, что привело к миграционному кризису 2015 года. Такие события оставили большой след в истории, затронули как страны, принявшие беженцев, так и те, которые перенесли отток населения и другие страны международного сообщества. Это вызвало долгосрочные последствия для демографии и экономики стран Ближнего Востока. Массовая миграция привела к изменениям в демографической структуре, страны столкнулись с оттоком квалифицированной рабочей силы, а принимающие страны – с необходимостью интеграции большого количества мигрантов и беженцев. Таким образом, «арабская весна» стала одним из ключевых факторов, усиливших миграционные потоки в Ближневосточном регионе и повлиявших на их направления. Последствия этих событий продолжают ощущаться и сегодня, формируя новые вызовы и дилеммы для стран региона и международного сообщества.

1 Десять лет «арабской весны»: пейзаж после битвы // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/desyat-let-vesny/> (Дата обращения: 21.04.2024).

Среди примеров стран, которые в полной мере ощутили все последствия усиленных миграционных потоков, можно выделить следующие. Из-за продолжающейся гражданской войны, Сирия является крупнейшим источником беженцев в мире. Конфликт в Сирии начался в 2011 году и привел к огромному числу жертв, разрушениям инфраструктуры, массовому бегству и ухудшению гуманитарной ситуации². Миллионы сирийцев были вынуждены покинуть свои дома и искать убежища в соседних странах, таких как Турция, Ливан и Иордания, а также в Европе. Это привело к огромному наплыву мигрантов и беженцев, что создало гуманитарный кризис и вызвало напряженность в регионе. Многие страны, принимая беженцев из Сирии, столкнулись с проблемой социальной интеграции, а также экономическими и политическими вызовами. Кроме того, массовое бегство из Сирии вызвало транснациональные последствия, такие как усиление террористической угрозы, распространение экстремизма и усиление международной преступности. Гражданская война в Сирии также повлияла на международное сообщество, вызвав дискуссии о необходимости решения конфликта и помощи беженцам. Многие страны мира были вынуждены принять меры для оказания гуманитарной помощи беженцам из Сирии, в том числе финансовую поддержку, обеспечение убежища и медицинской помощи. Однако существует и проблема нелегальной миграции, когда люди из различных стран, включая сирийцев, пытаются попасть в Европу через нелегальные каналы. Это создает дополнительные вызовы для стран, принимающих мигрантов, так как они могут столкнуться с опасностями на пути, включая контрабандистов и неблагоприятные условия жизни. Кроме того, беженцы из Сирии, как и другие мигранты, сталкиваются с проблемами социальной адаптации и им часто не хватает языковых навыков, профессиональной подготовки и доступа к социальным услугам. Это влечет за собой не только проблемы интеграции, но и рост социального недовольства и конфликтов.

Продолжающийся конфликт в Йемене также привел к гуманитарному кризису и массовому перемещению населения. Война в Йемене началась в 2014 году и привела к огромному количеству жертв среди гражданского населения, разрушениям инфраструктуры страны и падению уровня жизни людей³. Эта ситуация вынудила многих жителей

2 Матвеев И.А. Сирия в конфликте / И.А. Матвеев. - Отв. ред. В.А. Кузнецов. - М.: Институт востоковедения РАН, 2020. 496 с.

3 Исаков А.С. Вооруженный конфликт в Йемене: анализ интересов сторон и перспективы разрешения // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32328/1/klo_2015_182.pdf (Дата обращения: 19.03.2024).

Йемена искать безопасные и лучшие условия жизни за пределами своей страны, что привело к росту миграции. Ближневосточные страны, такие как Саудовская Аравия, ОАЭ, Оман и другие, столкнулись с увеличением потока беженцев и мигрантов из Йемена. Многие из них ищут защиту и поддержку в соседних странах региона из-за близости расположения и культурных связей. Однако их пребывание в этих странах может быть временным из-за ограничений на получение статуса беженца или из-за экономических трудностей и строгих иммиграционных политик. Кроме того, некоторые мигранты из Йемена стремятся покинуть Ближний Восток и отправиться в более дальние направления, в том числе в Европу. Однако, это зачастую влечет за собой многочисленные проблемы, такие как нелегальные путешествия, риски стать жертвой контрабандистов или попасть в сети нелегальной миграции. В результате миграционного кризиса, вызванного конфликтом в Йемене, возникают не только гуманитарные проблемы, но и социально-экономические вызовы. Прибытие большого числа беженцев и мигрантов может оказать давление на ресурсы принимающих стран, создавая необходимость в обеспечении жилья, продовольствия, медицинской помощи и образования как для прибывших, так и для местного населения. Более того, миграция из Йемена может усугубить уже сложившуюся экономическую ситуацию в принимающих странах, так как некоторые прибывшие могут конкурировать за рабочие места с местным населением, что может привести к увеличению безработицы и социальной напряженности. Другим аспектом, который следует учитывать, является риск дестабилизации региона на Ближнем Востоке из-за усиления миграционных потоков. Изменение демографической ситуации, особенно при учете тенденций конфликта в Йемене, может привести к политическим и социальным последствиям, таким как угроза роста экстремизма, расовых или этнических конфликтов.

Несмотря на окончание войны с ИГИЛ (запрещена в Российской Федерации), Ирак продолжает страдать от нестабильности и насилия, что приводит к внутреннему перемещению и миграции. Ливан и Иордания приняли большое количество беженцев из Сирии и Палестины, что создаёт значительную нагрузку на их экономику и инфраструктуру. Турция является одной из основных стран транзита для мигрантов и беженцев, направляющихся в Европу. С начала 2000-х годов Ирак столкнулся с серьезными политическими, социальными и военными трудностями,

в частности, с началом вторжения коалиции под руководством США в 2003 году⁴. Этот конфликт привел к долголетним вооруженным столкновениям, гражданским беспорядкам, террористическим актам и гуманитарным катастрофам. В результате внутреннего конфликта и угрозы терроризма многие иракцы были вынуждены бежать из своей родины в поисках лучшей жизни, что привело к значительному увеличению потоков беженцев и мигрантов как внутри страны, так и за ее пределами. Соседние страны, такие как Иордания, Турция, Ливан, Иран, а также страны Персидского залива, столкнулись с ростом числа иракских беженцев и мигрантов, что создало сложности для принимающих стран, так как потоки мигрантов могли оказать давление на социальную, экономическую и политическую стабильность в регионе. Большой приток беженцев требовал дополнительных ресурсов для обеспечения их базовых потребностей, таких как жилье, питание, медицинская помощь и образование. Кроме того, миграционный поток из Ирака также мог оказать влияние на демографическую, вызывая социальные и культурные столкновения, связанные с интеграцией беженцев в новую общность. Следует отметить, что миграционные последствия конфликта в Ираке также могут распространиться на другие регионы в связи с возможным перемещением мигрантов через различные маршруты на Ближнем Востоке и дальше в Европу и другие регионы.

Израильско-палестинский конфликт – один из самых сложных и долгосрочных конфликтов в истории Ближнего Востока, имеющий значительное влияние на проблему миграции в этом регионе. Корни этого конфликта уходят глубоко в историю и связаны с территориальными, этническими, религиозными и политическими противоречиями между израильтянами и палестинцами⁵. Сложности и напряженность в израильско-палестинском конфликте привели к серьезным гуманитарным последствиям, таким как нарушения прав человека, жестокие вооруженные столкновения и потери жизней среди мирного населения. В результате этих событий многие палестинцы были вынуждены бежать из своих домов и искать убежища в других странах или же внутри своей страны. Многие палестинцы были вынуждены покинуть свои дома и направиться в близлежащие страны, такие как Иордания, Ливан, Сирия, Египет и другие. Эта миграция создала дополнительные гумани-

4 Кузнецов Д.В. Иракский кризис: очерк событий. Документы и материалы / Д.В. Кузнецов. Учебное пособие. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2006. 101 с.

5 Морозов В.М., Мельникова С.В. Палестино-израильский конфликт, эволюция подходов к урегулированию / В.М. Морозов, С.В. Мельникова. – М.: МГИМО-Университет МИД России, 2023. 4 с.

тарные вызовы для стран, которые уже сталкиваются с собственными проблемами и ограниченными ресурсами для оказания помощи беженцам. Некоторые палестинцы, не имея возможности найти убежище в соседних странах, могут продолжать свой путь дальше, например, в Европу или другие регионы. Это приводит к сложностям для принимающих беженцев государств, которые должны разрешить вопросы статуса и интеграции мигрантов, а также обеспечить им социальную поддержку и защиту.

Таким образом, в условиях глобализации стремительное перемещение людей по планете становится все более распространенным и значимым явлением с социально-экономической, политической, культурно-гуманитарной точек зрения. Слабое социально-экономическое развитие ряда государств, наличие в них системных проблем на уровне государств, появление новых точек напряженности и эскалация существующих, военные и межэтнические конфликты, сложная демографическая ситуация, – все это порождает новые и новые миграционные потоки людей, ищущих лучшей жизни, как правило, устремляющихся в благополучные страны⁶. Гражданская война в Сирии, конфликт в Йемене, конфликт в Ираке, израильско-палестинский конфликт и другие факторы, создающие ситуации острой напряженности и политической нестабильности, приводят к нарушениям прав человека, разрушению инфраструктуры и угрозам жизни мирного населения, создавая дополнительные гуманитарные и миграционные проблемы на Ближнем Востоке. При этом такие конфликты подрывают уже сложную систему международной миграции данного региона, усиливают давление на его правительства и создают трудности для международных организаций, которые стараются оказывать помощь мигрантам. Это, в свою очередь, вносит свой вклад в глобальные миграционные тренды, затрагивая целостность международной системы защиты беженцев и вызывая дискуссии о реформах в этой области.

Список литературы:

1. Десять лет «арабской весны»: пейзаж после битвы // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/desyat-let-vesny/> (Дата обращения: 21.04.2024).
2. Исаков А.С. Вооруженный конфликт в Йемене: анализ интересов сторон и перспективы разрешения // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32328/1/klo_2015_182.pdf (Дата обращения 19.03.2024).
3. Как обеспечить стабильность и мир на Ближнем Востоке // Международный дискуссионный клуб Валдай // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kak-obespechit-stabilnost-i-mir-na-blizhnem-vostoke/> (Дата обращения: 21.04.2024).

6 Шкварун М.А., Искендеров С.А., Масланов К.Д. Миграционные проблемы в XXI веке, влияние потока беженцев из стран ближнего востока на Западную Европу // Социально-политические науки. 2019. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-problemy-v-xxi-veke-vliyanie-potoka-bezhentsev-iz-stran-blizhnego-vostoka-na-zapadnuyu-evropu> (Дата обращения: 21.04.2024).

4. Кузнецов Д.В. Иракский кризис: очерк событий. Документы и материалы / Д.В. Кузнецов. Учебное пособие. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2006. 101 с.
5. Матвеев И.А. Сирия в конфликте / И.А. Матвеев. - Отв. ред. В.А. Кузнецов. - М.: Институт востоковедения РАН, 2020. 496 с.
6. Морозов В.М., Мельникова С.В. Палестино-израильский конфликт, эволюция подходов к урегулированию / В.М. Морозов, С.В. Мельникова. - М.: МГИМО-Университет МИД России, 2023. 4 с.
7. Наумкин В.В., Барановский В.Г. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. - М.: Изд-во: ИВ РАН, 2018. 556 с.
8. Шкварун М.А., Искендеров С.А., Масланов К.Д. Миграционные проблемы в XXI веке, влияние потока беженцев из стран ближнего востока на Западную Европу // Социально-политические науки. 2019. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-problemy-v-xxi-veke-vliyanie-potoka-bezhentsev-iz-stran-blizhnego-vostoka-na-zapadnuyu-evropu> (Дата обращения: 21.04.2024).

Bibliography

1. Ten years of the "Arab Spring": landscape after the battle // Russia in global politics // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/desyat-let-vesny/> (04.21.2024).
2. Isakov A.S. Armed conflict in Yemen: analysis of the interests of the parties and prospects for resolution // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32328/1/klo_2015_182.pdf (03.19.2024).
3. How to ensure stability and peace in the Middle East // Valdai International Discussion Club // URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kak-obespechit-stabilnost-i-mir-na-blizhnem-vostoke/> (04.21.2024).
4. Kuznetsov D.V. The Iraqi crisis: an outline of events. Documents and materials / D.V. Kuznetsov. Tutorial. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2006. 101 p.
5. Matveev I.A. Syria in conflict / I.A. Matveev. - Answer. ed. V.A. Kuznetsov. - М.: Institute of Oriental Studies RAS, 2020. 496 p.
6. Morozov V.M., Melnikova S.V. The Palestinian-Israeli conflict, the evolution of approaches to resolution / V.M. Morozov, S.V. Melnikova. - М.: МГИМО-University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2023. 4 p.
7. Naumkin V.V., Baranovsky V.G. The Middle East in a changing global context / V.G. Baranovsky, V.V. Naumkin. - М.: Publishing house: IV RAS, 2018. 556 p.
8. Shkvarun M.A., Iskenderov S.A., Maslanov K.D. Migration problems in the 21st century, the impact of the flow of refugees from the Middle East on Western Europe // Socio-political sciences. 2019. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-problemy-v-xxi-veke-vliyanie-potoka-bezhentsev-iz-stran-blizhnego-vostoka-na-zapadnuyu-evropu> (04.21.2024).

Хирбейк Язан

*Студент третий курс, аспирант МПГУ
направления подготовки (Политические институты, процессы и технологии),
Политические науки и регионоведение институт, Московский
педагогический государственный университет имени Вернадского.*

Карадже Т.В.

*Заведующий кафедрой политологии, профессор,
доктор философских наук, Московский
педагогический государственный университет имени Вернадского.*

Геоэкономические стратегии как инструмент борьбы за мировое лидерство

Введение

С окончанием «холодной войны» Геоэкономика стала одним из важнейших факторов международных отношений. С помощью экономических инструментов страны все чаще ведут геополитическую борьбу.

В прошлом, стратегия внешнеэкономической политики была основана на активном сотрудничестве и стремлении к достижению максимальной экономической выгоды для страны. Стремление получить признание от международного сообщества высококвалифицированными экономистами стало неотъемлемой частью этой политики.

Однако сегодня геоэкономическая политика играет более заметную и диверсифицированную роль, чем раньше. Одна из причин распространения геоэкономики заключается в подъеме Китая, который проявляет свою силу через экономические инструменты. Кроме того, страны имеют доступ к обширным экономическим ресурсам, благодаря тесной интеграции мировых торговых связей, а финансовые рынки придают географическим экономическим инструментам большую мощность.

Таким образом, геоэкономические войны в многополярном мире становились все более важной чертой международной политики, поскольку геоэкономические противостояния заменяли обычные войны.

Основная часть

Современные стратегии в области геоэкономики предусматривают объединение геополитических целей и инновационного экономического

реализма. Они признают глобальную экономику как своего рода игру, в которой участники стремятся достичь своих целей за счет других.

Однако, этот подход представляет собой нулевую ситуацию, где выигрыш одного игрока достигается за счет поражения другого. Таким образом, в современных геоэкономических стратегиях акцент ставится на взаимодействии геополитики и экономики с учетом инновационных решений [20].

В книге «Война другими средствами: геоэкономика и управление государством» геоэкономика определяется как «использование экономических инструментов для продвижения и защиты национальных интересов, достижения геополитических выгод и влияния на геополитические цели других стран с помощью экономических мер» [3].

Первоначально термин был придуман американским стратегом Эдвардом Люттваком в 1990 году после падения Берлинской стены [7], который подчеркивал экономический потенциал, как элемент завоевания власти и средство защиты национальных интересов.

Свою теорию он предложил в статье под названием «От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, правила ведения бизнеса» после краха биполярной системы и холодной войны о превосходстве экономики над милитаризмом [16].

По словам Лутвака, после холодной войны международные отношения стали определяться соперничеством между сторонами государств, но предпочтительным методом достижения этих целей будет считаться экономический, а не военный.

Таким образом, в эпоху экономической географии, национальная сила вытекает из доступного капитала, а не преобладающей огневой мощи. Это означает, что роль гражданских инноваций важнее, чем военно-технический прогресс. Мир рынка и проникновение способствуют развитию силы страны, вместо частого использования гарнизонов и военных баз [17].

Геоэкономическое значение связано со следующим:

1. Экономика является основным двигателем международных отношений и конфликтов из-за экономических ресурсов и коммерческих рынков. Термин «геоэкономика» возник после окончания холодной войны, что привело к использованию экономических инструментов вместо военной силы.

2. Использование экономических инструментов может быть дорогостоящим с экономической и финансовой точки зрения, но стоимость по-

терь в войнах имеет более серьезные негативные политические последствия для политических лидеров. Поэтому геоэкономика дешевле военных средств [2].

3. Одной из причин возрастающего интереса к геоэкономике является замечательный экономический подъем Китая и решимость его лидеров превратить эту материальную мощь в политическую и даже воображаемую [8].

Западные страны опасаются, что китайская экономическая экспансия приведет к широкому геополитическому влиянию на окраинах земного шара, через торговлю, инвестиции, задолженность и экономическую помощь. Поэтому Китай использует фактор геоэкономики геополитической экспансии.

Китай может быть важной альтернативой Западу, поскольку он является удобным экономическим партнером для многих стран, опасющихся вмешательства со стороны западных стран, особенно в отношении прав человека с западной точки зрения.

Он все чаще представляет себя как альтернативу западной демократической модели, что привело западных аналитиков к классификации Китая как «ревизионистской» державы [14].

4. Использование природных ресурсов в качестве оружия в геополитических конфликтах в регионе. Возможно, самым известным из них был день, когда покойный король Саудовской Аравии Фейсал и ОАЭ объявили о введении нефтяного эмбарго в отношении стран, поддерживающих Израиль в октябрьской войне 1973 года [1].

В том же ключе США и страны Запада смогли усадить Иран за стол переговоров и пойти на уступку в ядерной проблеме посредством ряда экономических санкций, которые были наложены на Иран. Но как бы то ни было, геоэкономика — это обоюдоострый меч, который может порезать своих пользователей так же, как и своих противников.

Аналитическая геоэкономика утверждает, что экономическая мощь играет ключевую роль в обеспечении устойчивости геополитической власти [5]. Региональные государства прежде всего выступают в роли важных участников международной политики, ориентируясь на свои экономические интересы, которые они активно продвигают через внешнюю экономическую стратегию. Следовательно, концепция экономической географии становится все более важной, как в политических дискуссиях, так и в академических исследованиях внешней политики и международных отношений [19].

Геоэкономика, в качестве применяемой практики экономических ин-

струментов в международных отношениях, является неотъемлемой частью государственного управления во многих странах даже до появления самого термина. Ее основное предназначение состоит в достижении внешнеполитических целей и демонстрации силы государства [9].

Ниже приведены формы средств, используемых странами в рамках их геоэкономической политики:

1. Экономические методы. К этому типу методов относятся экономические санкции или угроза их применения с целью заставить страну-мишень изменить свои расчеты [11] (американское эмбарго 1807 г. против Франции и Великобритании) [10]. Экономические санкции и ограничения являются основным инструментом геоэкономики и могут варьироваться от более строгого санитарного контроля до полномасштабная экономическая блокада. Экономические санкции обычно являются обоюдоострым мечом. Страна, применяющая санкции, наносит ущерб собственному бизнесу, который торговать или инвестировать в целевой стране [6].

Санкции, введенные Западом в отношении российской энергетики, негативно сказываются на Европе (высокие цены на газ и нефть) [12].

Геоэкономические стратегии также связаны с подходом к инвестициям и торговле (мягкое лицо), побуждая другие страны принимать определенную политику, тем самым достигая геополитических целей. Например, Россия получает выгоду от своего природного газа в укреплении геополитических и экономических союзов и увеличении разрыва внутри противоборствующих союзов за счет умелого манипулирования энергетическими потоками, что вызвало разногласия между странами Европейского Союза [18].

2. Военные методы. Геоэкономические стратегии, как правило, основаны на экономической мощи страны. Но порой государства прибегают к использованию своей военной мощи для влияния на географическую среду. Это связано с тем, что существует неразрывная взаимосвязь между экономической безопасностью и национальной безопасностью, важной для интересов государства.

Президент Владимир Путин использовал военное вмешательство России в Грузии, затем в Крыму и, наконец, в Сирии, чтобы восстановить место России как мощного игрока в международной политике [13].

3. Интеллектуальные методы. Геоэкономический статус стран связан с созданием разведывательных сетей, влияющих на внешнюю среду (проникновение на рынок, агенты, инновации), чтобы позволить им предвидеть кризис и управлять им. программа Echelon, которую ведет Америка

со странами Запада, и программа Prism.), с помощью которой Агентство национальной безопасности США собирает данные о контактах в Интернете и по телефону, тем самым продвигая геоэкономические интересы США [15]. Геоэкономика стала наиболее эффективным и точным способом описания нынешних форм ведения войны.

Государства экономической войны используют торговые инструменты, такие как прямые иностранные инвестиции, цепочки спроса и предложения, эксплуатацию природных ресурсов и иностранную помощь, а не используют «жесткую» силу, которая следует геополитическим правилам [4].

Методология

В исследовании использовался описательный подход, определяющий важность геоэкономических стратегий как средства защиты интересов и будущего стран, поскольку (географическая экономика) является одним из основных направлений, которые будут формировать глобальную политэкономия в следующем десятилетии.

Результат

1. Геоэкономика направлена на использование экономических средств странами для достижения стратегических целей.

2. Геоэкономика включает в себя как геополитические, так и экономические факторы. Разведка, стратегический анализ и предвидение призваны предоставить инструмент для государств разработки и реализации успешных стратегий по завоеванию рынков, защиты стратегии сегменты местной экономики.

3. Геоэкономика представляет собой растущую основу для анализа политики, указывающую на то, что геоэкономические стратегии становятся все более важной частью арсенала внешней политики государств.

Обсуждение

1. Каждая страна-участница должна в новых реалиях глобализации разработать собственную геоэкономическую стратегию, как адаптацию к новым реалиям глобализации или, как ответ на другие геоэкономические стратегии стран.

2. Геоэкономика все еще находится в стадии разработки, поэтому вклад расширил дискуссии о ее масштабах, инструментах, критериях и о том, как государства используют ее для построения дипломатии и экономической политики.

3. Геоэкономика, обеспечивающая гибкость для государств в разработке независимой экономической политики, которая могла бы помочь государствам достичь новых соглашений для воссоздания международной системы, способной решать насущные проблемы, с которыми сталкивается наше общество.

4. Особое место, среди современных научных направлений занимает экономическая география в экономике и политологии. Чтобы объяснить экономическую политику и дипломатию, требуется другой подход, который может включать в себя ответственность, осторожность и ограничения.

Заключение

Таким образом, в данном исследовании мы выяснили, что в мире глобализации и экономической взаимозависимости власть зависит от господства стратегических рынков, транспортных и финансовых коридоров.

Также стало известно, как экономическая география использует экономическую мощь для проведения внешней политики для обеспечения глобального предложения.

Сети, открывая и защищая жизненно важные рынки и отдавая приоритет доступу к необходимому сырью, чтобы экономика процветала, инструмент для достижения этих целей в значительной степени зависит экономическое влияние, а не жесткая военная сила.

Таким образом, экономическая география обеспечивает основу для исследования, чтобы объяснить поведение государства на основе конкуренции и погони за экономическими и геополитическими выгодами, цели, поддерживаемые логикой реализма.

Список литературы:

1. Адам Зейдан: арабское нефтяное эмбарго, Британская энциклопедия, 31 января 2020 г. // URL: <https://bit.ly/3ifqXlp>
2. Аль-Бадр аль-Шатри: Геоэкономические войны преобладают над геополитическими войнами, пятница, 18 февраля 2022 г. // URL: <https://bit.ly/3jJU1SG>
3. Антея Робертс, Энрике Чоэр Мораес, Виктор Фергюсон, Геоэкономический мировой порядок, понедельник, 19 ноября 2018 г. // URL: <https://bit.ly/2TCG4nY>
4. Антуан Хадж: Новые войны носят геоэкономический характер... и проект «Северный поток-2» является их самой заметной европейской ареной, Бейрут, ближневосточная газета, 3 февраля 2021 г. // URL: <https://bit.ly/3GRO5QJ>
5. БРУНА КОЭЛЬО ЙЕГЕР, ПЕДРО ВИНИСИУС ПЕРЕЙРА БРИТЕС: Геоэкономика в свете международной политической экономики: теоретическая дискуссия, Бразильский журнал политической экономии, 2020. Часть 40. № 1. С. 25. // URL: <https://bit.ly/3jDJ7xw>
6. Каран Бхатия и Дмитрий Тренин: Геоэкономика, семь вызовов глобализации, январь 2015 г., Советы по глобальной повестке дня, 2015. С. 5. // URL: <https://bit.ly/3jWgBY3>
7. Марианна Шнайдер-Пецингер; объяснила геоэкономике, старший научный сотрудник программы «Глобальная экономика и финансы»; Директор проекта, Форум глобальной торговой политики, 2016. // URL: <https://bit.ly/3VQgAT6>
8. Марк Бисон: Геоэкономика с китайской спецификой: BRI и развивающаяся большая стратегия Китая, Экономические и политические исследования, 2018. С. 5. // URL: <https://bit.ly/3Gbs0e3>

9. Микаэль Вигель: Концептуализация геоэкономических стратегий региональных держав: неоимпериализм, неомеркантилизм, гегемония и либеральный институционализм, *Asia Europe Journal*, 14 ноября 2015. С. 16. // URL: <https://bit.ly/3X5rdIT>
10. Нэнси Финли, Коннектикут и Закон об эмбарго 1807 года, 9 января 2021. // URL: <https://bit.ly/3VN8rPd>
11. Наташа Станоевич: геоэкономика как практика в международных отношениях, *Обзор международных отношений*. Белград. 2021. Том. LXXII. № 1183. С. 36. // URL: <https://bit.ly/3ZmcqVG>
12. Ноха Разек, Брайан МакКуинн: Санкции в отношении России увеличивают, а не уменьшают ее доходы, 18 октября 2022 г. // URL: <https://bit.ly/3X9ksQ4>
13. Оксана Гайдучок: Гео экономические стратегии в современном глобальном экономическом пространстве, «ЭВРИКА: Социальные и Гуманитарные науки». 2019 № 6. С. 7. // URL: <https://bit.ly/3vGhLty>
14. Филипп Ле Корр: Подъем Китая как геоэкономического влиятельного фактора: четыре европейских тематических исследования, Фонд Карнеги за международный мир, октябрь 2018. С. 3. // URL: <https://bit.ly/2HYd1Yj>
15. Радва Аммар: Формы геоэкономической власти в международной политике, *Журнал Аль-Сеясса Аль-Даулия*, апрель 2021. Выпуск 224. Том 56. // URL: <https://bit.ly/3jLtu7n>
16. Шабнам Дадпарвар Саид Азизи: Геоэкономика Азербайджанской Республики и ее экономическая безопасность, политология и марксистские исследования, Нейцзянский педагогический университет, Нейцзян, Китай, январь 2022. Том 12. № 1. // URL: <https://bit.ly/3QbVRYn>
17. Сøren Шолвин и Микаэль Вигель: Силовая политика экономическими средствами: Геоэкономика как аналитический подход и внешнеполитическая практика, февраль 2018 г. // URL: <https://bit.ly/3Z3hAWD>
18. Сорен Шолвин, Микаэль Вигель, Геоэкономическая силовая политика: введение, в книге «Геоэкономика и силовая политика в 21 веке: возрождение экономического государственного управления», Микаэль Вигель и другие (редакторы), (New York: Routledge, 2019), 2019. С. 1.
19. Юка Кошино Роберт Уорд: Эффективность Японии как геоэкономического актора: навигация в конкуренции великих держав, 28 марта 2022 г. // URL: <https://bit.ly/3CpQUpk>
20. Зилл-е-Хума Мустафа Малик: «Китайский проект BRI: от геополитики к геоэкономике на примере Пакистана», *Журнал факультета политических наук (NEUSBF)*, 30.12.2021 // URL: <https://bit.ly/3VzYWTb>

Bibliography

1. Adam Zeidan: Arab oil embargo, *Encyclopedia Britannica*, January 31, 2020 // URL: <https://bit.ly/3ifqXlp>
2. Al-Badr al-Shatri: Geo-economic wars prevail over geopolitical wars, Friday, February 18, 2022 // URL: <https://bit.ly/3jJU1SG>
3. Anthea Roberts, Enrique Choer Moraes, Victor Ferguson, *Geoeconomic World Order*, Monday, November 19, 2018 // URL: <https://bit.ly/2TCG4nY>
4. Antoine Hadj: The new wars are of a geo-economic nature... and the Nord Stream 2 project is their most visible European arena, *Beirut, Middle East newspaper*, February 3, 2021 // URL: <https://bit.ly/3GRO5QJ>
5. BRUNA COELLO JÉGER, PEDRO VINÍCIUS PEREIRA BRITES: Geoeconomics in the light of international political economy: theoretical discussion, *Brazilian Journal of Political Economy*, 2020. Part 40. № 1. P. 25. // URL: <https://bit.ly/3dJ7xw>
6. Karan Bhatia and Dmitry Trenin: Geoeconomics, seven challenges of globalization, January 2015, *Councils on the Global Agenda*, 2015. P. 5. // URL: <https://bit.ly/3jWgBY3>
7. Marianne Schneider-Petsinger; explained geoeconomics, senior researcher in the Global Economics and Finance program; Project Director, *Global Trade Policy Forum*, 2016. // URL: <https://bit.ly/3VQgAT6>
8. Mark Beeson: Geoeconomics with Chinese characteristics: BRI and China's evolving grand strategy, *Economic and Political Studies*, 2018. P. 5. // URL: <https://bit.ly/3Gs0e3>
9. Mikael Wiegel: Conceptualizing the geo-economic strategies of regional powers: neo-imperialism, neo-mercantilism, hegemony and liberal institutionalism, *Asia Europe Journal*, November 14, 2015. P. 16. // URL: <https://bit.ly/3X5rdIT>
10. Nancy Finley, Connecticut and the Embargo Act of 1807, January 9, 2021. // URL: <https://bit.ly/3VN8rPd>
11. Natasha Stanoevich: geoeconomics as a practice in international relations, *Review of International Relations*. Belgrade. 2021. Vol. LXXII. № 1183. P. 36. // URL: <https://bit.ly/3ZmcqVG>
12. Noha Razek, Brian McQuinn: Sanctions on Russia increase, not decrease, its income, October 18, 2022 // URL: <https://bit.ly/3X9ksQ4>
13. Оксана Гайдучок: Geo-economic strategies in the modern global economic space, "EUREKA: Social and Humanities". 2019 № 6. P. 7. // URL: <https://bit.ly/3vGhLty>
14. Philippe Le Corre: The Rise of China as a Geo-Economic Powerhouse: Four European Case Studies, *Carnegie Endowment for International Peace*, October 2018. P. 3. // URL: <https://bit.ly/2HYd1Yj>
15. Radwa Ammar: Forms of geo-economic power in international politics, *Al-Seyassa Al-Dawliyya Journal*, April 2021. Issue 224. Volume 56. // URL: <https://bit.ly/3jLtu7n>
16. Shabnam Dadparvar Said Azizi: Geoeconomics of the Republic of Azerbaijan and its economic security, political science and Marxist studies, *Neijiang Normal University, Neijiang, China*, January 2022. Volume 12. № 1. // URL: <https://bit.ly/3QbVRYn>
17. Søren Scholvin and Mikael Wiegel: Power politics through economic means: Geoeconomics as an analytical approach and foreign policy practice, February 2018 // URL: <https://bit.ly/3Z3hAWD>
18. Søren Scholvin, Mikael Wiegel, *Geoeconomic Power Politics: An Introduction*, in *Geoeconomics and Power Politics in the 21st Century: Reviving Economic Public Administration*, Mikael Wiegel et al (eds.), (New York: Routledge, 2019), 2019. P. 1.
19. Yuka Koshino Robert Ward.: The effectiveness of Japan as a geo-economic actor: navigating great power competition, March 28, 2022 // URL: <https://bit.ly/3CpQUpk>
20. Zill-e-Huma Mustafa Malik: "China's BRI project: from geopolitics to geo-economics using the example of Pakistan," *Journal of the Faculty of Political Science (NEUSBF)*, 12/30/2021 // URL: <https://bit.ly/3VzYWTb>

Хэ Цзяшу

*Докторант, Центр изучения русского языка,
литературы и культуры, Хэйлунизянский университет.*

Дипломатия великой державы с китайской спецификой: содержание и значимость

Китайская дипломатия находится на новом историческом этапе, и отношения Китая с миром открывают новую главу в истории. Таким образом, в ноябре 2014 года Си Цзиньпин на Центральной рабочей конференции по иностранным делам четко указал, что Китаю необходима собственная дипломатия крупной державы. На основании подытоживания практического опыта мы должны обогащать и развивать наши дипломатические концепции, чтобы наша международная деятельность имела выразительные китайские особенности, китайский стиль, китайский образ действий¹. За десятилетие с 18-го по 20-й съезд КПК китайская дипломатия достигла всесторонних и новаторских исторических успехов и вышла на новый путь дипломатии великой державы с китайской спецификой. Китайская дипломатия стала более инициативной, уверенной и зрелой. Международное влияние Китая еще более возросло. Теоретическое и систематическое обобщение основных понятий дипломатии великой державы с китайской спецификой и всестороннее объяснение её практического значения помогут миру лучше понять Китай.

1. Содержание дипломатии великой державы с китайской спецификой

Дипломатия великой державы с китайской спецификой представляет собой целостную систему дипломатии. Концепция сообщества единой судьбы человечества является общей целью дипломатической работы Китая в новую эпоху. Построение нового типа международных отношений является предпосылкой, условием и путем для построения сообщества единой судьбы человечества, а инициатива «Один пояс, один путь»

¹ У Китая должна быть своя дипломатия с национальной спецификой // Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 2. Пекин: Издательство иностранных языков, 2017. С. 443.

является важным носителем и практической платформой для построения сообщества единой судьбы человечества.

1.1 Содействие построению сообщества единой судьбы человечества

Что такое «сообщество единой судьбы человечества»? Председатель КНР Си Цзиньпин очень четко объяснил его основной смысл: Сочетание слов «сообщество единой судьбы человечества» говорит само за себя. Здесь отражена тесная взаимосвязь судеб всех народов и всех стран мира. В штормовом море мы плывем вместе в одной лодке, мы должны разделять друг с другом и горе и радости, успехи и провалы, прилагать общие усилия для того, чтобы превартить нашу планету, на которой мы родились и выросли, в большой гармоничный семейный дом, а стремление народов всех стран к прекрасной жизни - претворить в реальность². Как отмечается в докладе XIX съезда КПК, основное содержание сообщества единой судьбы человечества заключается в построении «чистого и прекрасного мир, где царят долгосрочный мир, всеобщая безопасность, общее процветание, открытость и терпимость»³. Это четко отвечает на вопрос о том, «какой мир строить и как его строить».

Построение сообщества единой судьбы человечества должно продвигаться в пяти аспектах:

Во-первых, создать прочный мир на планете путем диалога и консультаций. Китай выступает за соблюдение пяти принципов мирного сосуществования и следование целям Устава ООН. Китай выступает за то, чтобы все страны мира и их народы пользовались должным уважением и авторитетом. Китай твердо убежден, что страны не делятся на большие и малые, сильные и слабые, богатые и бедные, к ним всем нужно относиться на равных, а также нужно уважать право народа на самостоятельный выбор пути развития, выступать против вмешательства во внутренние дела других стран, и отстаивать принципы справедливости и равноправия на международной арене. Председатель КНР Си Цзиньпин ясно дал понять, что построение сообщества единой судьбы человечества означает надеяться на то, что все страны установят партнерские отношения, в которых они будут равно относиться друг к

2 Претворение стремления народов разных стран мира к прекрасной жизни в реальность // Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 3. Пекин: Издательство иностранных языков, 2020. С. 433.

3 Выступление на юбилейной конференции, посвященной 50-й годовщине восстановления законных прав китайской народной республики в ООН // Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 4. Пекин: Издательство иностранных языков, 2022. С. 475.

другу и консультироваться друг с другом. Китай выступает против создания союзов, ориентированных на третьи стороны, и за установление взаимно инклюзивного партнерства⁴.

Во-вторых, создать мир всеобщей безопасности путем общих усилий и совместного пользования их плодами. Китай выступает за разрешение споров и разногласий мирным путем через диалог и переговоры. Безопасность одного государства не может строиться на беспорядках в другой стране, так как угрозы других стран могут стать вызовом для своей страны. Все страны, великие и малые, сильные и слабые, богатые и бедные, должны быть защитниками мира. Все страны имеют право на равное участие в делах региональной безопасности и несут ответственность за поддержание региональной безопасности. Мы должны выработать концепцию общей, комплексной, кооперативной и устойчивой безопасности. В последние годы время от времени происходят террористические атаки. Борьба с терроризмом - это общий долг всех стран. Нам следует усилить координацию, создать глобальный единый фронт борьбы с терроризмом, раскрыть зонт безопасности над народами всех стран.

В-третьих, создать мир всеобщего процветания путем взаимовыгодного сотрудничества. На фоне экономической глобализации экономическая взаимозависимость и переплетение интересов разных стран являются беспрецедентными, а искреннее отношение друг к другу и совместное использование соответствующих результатов являются основополагающими принципами взаимодействия. Китай выступает за твердую защиту мультилатерализма и против протекционизма и унилатерализма. Нам надо непоколебимо строить мировую экономику открытого типа, неуклонно поддерживать многостороннюю торговую систему, в основе которой лежит ООН, содействовать продвижению торговли и инвестирования на началах свободы и открытости, продвигать экономическую глобализацию к более открытому, инклюзивному, общедоступному, сбалансированному и взаимовыгодному развитию. Китай готов объединить усилия со всеми сторонами для совместного высококачественного строительства «Одного пояса - одного пути», делиться своим опытом и возможностями в области развития со всеми странами мира и придать еще более мощный импульс экономике АТР и мировой экономике.

⁴ Ван Цяожун. Китайская дипломатия в новую эпоху // Пекин: Институт современного Китая, 2022. С. 25.

В-четвертых, создать открытый и инклюзивный мир путем обменов и взаимозаимствований. Культурное многообразие - это основная отличительная особенность нашего мира и одновременно источник прогресса человечества. В мире насчитывается более 200 стран и регионов, 2500 этнических групп и множество различных религиозных конфессий. Разные исторические пути и национальные особенности разных стран, различные этнические характеристики и обычаи породили разные культуры и цивилизации, сделав мир богаче и многограннее. Культура не делится на высокую и низкую, хорошую и плохую, в ней можно только выделять самобытность и региональные особенности. Культурные различия не должны становиться источником конфликтов в мире, а наоборот, должны стать движущей силой прогресса человеческой цивилизации. Каждая культура обладает своей особой притягательностью и богатством внутреннего содержания, все они - духовное сокровище человечества. Разнообразные культуры должны заимствовать достоинства и восполнять недостатки друг друга, совместно развиваться, превращать культурные обмены и взаимозаимствования в движущую силу человеческого прогресса, в связующее звено для поддержания мира во всем мире.

В-пятых, создать чистый и красивый мир за счет «зеленого» и низкоуглеродного пути развития. Человек и природа тесно связаны между собой. С развитием промышленной революции такие проблемы, как загрязнение и разрушение экологической среды, становятся все более серьезными. Мы должны инициировать «зеленый», низкоуглеродный, регенеративный и устойчивый образ жизни и производства, рационально использовать природу и найти путь длительного устойчивого развития. Необходимо придерживаться принципа экологической чистоты, сотрудничать со всеми странами мира в решении проблемы изменения климата и создать экологическую систему для «зеленого» развития. Мы должны, следуя законам самой природы, содействовать гармоничному сосуществованию человека и природы, а также защищать родину Земли, от которой зависит выживание человечества.

Концепция «сообщества единой судьбы человечества» - важная инициатива, направленная на то, чтобы справиться с небывалыми за последние 100 лет огромными переменами и вопросами глобального управления. Она имеет эпохальный, глобальный и систематический характер. Это не только основное содержание дипломатии великой державы с ки-

тайской спецификой, но и цель и направление дипломатической работы Китая в новую эпоху.

1.2 Продвижение построения нового типа международных отношений

Продвижение построения нового типа международных отношений является важным достижением теоретических и практических инноваций в дипломатии великой державы с китайской спецификой со времен XVIII съезда КПК, а также китайским предложением на вопрос «Куда идут международные отношения». Суть построения нового типа международных отношений заключается в том, чтобы выйти на новый путь взаимодействия между странами и создать условия для построения сообщества единой судьбы человечества. В докладе XIX съезда КПК основное содержание нового типа международных отношений было расширено с «взаимовыгодного сотрудничества» на «взаимоуважение, справедливость и равноправие, взаимовыгодное сотрудничество».

Принцип взаимоуважения является предпосылкой для построения нового типа международных отношений. Политические системы и пути развития различны в разных странах. Никто, кроме народа самой страны, не имеет права голоса по вопросу о том, подходит ли стране выбранный ею путь развития. Китай выступает за то, чтобы все страны мира и их народы пользовались должным уважением и авторитетом, а также против вмешательства во внутренние дела других стран. Китай твердо убежден, что страны не делятся на большие и малые, сильные и слабые, богатые и бедные; к ним всем нужно относиться на равных. Мы должны уважать право народа на самостоятельный выбор пути развития, укреплять взаимные обмены, устранять взаимные барьеры и формировать общий консенсус, чтобы не только достичь собственного процветания и развития, но и способствовать общему прогрессу человечества.

Принцип справедливости и равноправия - это основа для построения нового типа международных отношений. Судьба планеты находится в руках народов всех стран мира. Вопросы национального суверенитета должны решаться правительством и народом соответствующего государства. Что касается проблем глобального характера, то они могут быть урегулированы путем совместных консультаций между правительствами и народами стран⁵. Это демократический принцип урегулирования меж-

5 Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. Китай и мир в

дународных дел, который должно строго соблюдать все международное сообщество. Китай является одним из государств-учредителей ООН, первым поставившим свою подпись под Уставом ООН. Китай будет решительно защищать международную систему, центральное место в которой отводится ООН, и основные нормы международных отношений, основанные на целях и принципах Устава ООН; будет твердо отстаивать авторитет и статус этой организации и ее центральную роль в международных делах.

Принцип взаимовыгодного сотрудничества - это цель для построения нового типа международных отношений. В современном мире темпы экономического роста недостаточны, структурные проблемы еще не полностью решены, дифференциация между богатыми и бедными становится все более серьезной, торговый протекционизм нарастает, а такие проблемы, как финансовые и долговые риски и вызовы новой экономики, становятся все более очевидными. Все страны мира должны совместно нести риски и реагировать на них, чтобы построить открытую, прозрачную, инклюзивную и недискриминационную мировую экономику. Только таким образом мы сможем достичь взаимной выгоды и общего развития. Мы должны твердо отстаивать сотрудничество и взаимный выигрыш, основываясь на этом принципе, продвигать создание нового типа международных отношений, проводить открытую стратегию взаимной выгоды и общего выигрыша, реализовывать эти принципы международного сотрудничества во всех сферах - в сфере политики, экономики, безопасности, культуры и т.д.

Суть нового типа международных отношений заключается в партнерской дипломатии, которая начинается с построения нового типа отношений между Китаем, США и Россией, распространяется на общие международные отношения и все больше подчеркивает значение справедливости и равноправия⁶. Идея нового типа международных отношений - это постоянно совершенствующаяся и обогащающаяся идеологическая система с отличительной китайской спецификой и универсальным мировым значением, которая, безусловно, откроет новые перспективы для международного сообщества в достижении прочного мира и всеобщего процветания.

новую эпоху // People's Daily, 28. 09. 2019.

⁶ Сюэ Ли, Мяо Бэйлэй. Новая форма человеческой цивилизации и дипломатия великой державы с китайской спецификой: идеологический источник и практический путь // Российские исследования Восточной Европы и Центральной Азии, 2023. № 6.

1.3 Продвижение совместного строительства «Одного пояса, одного пути»

Инициатива «Один пояс, один путь» - это платформа сотрудничества для дипломатии великой державы с китайской спецификой. Во время своих визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии в сентябре и октябре 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин последовательно выдвинул инициативы строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI века», известные под общим названием «Один пояс, один путь». В настоящее время инициатива совместного строительства «Одного пояса, одного пути» выступает китайским вариантом участия нашей страны в глобальном открытом сотрудничестве, улучшения системы глобального экономического управления, содействия общему развитию и процветанию, а также продвижения создания сообщества единой судьбы человечества.

Основные принципы инициативы «Один пояс, один путь» воплощены в трех принципах: совместные консультации, совместное строительство и совместное пользование. Принцип совместных консультаций означает, что нужно совместно обсуждать, принимать решения и действовать вместе, демонстрируя мудрость и инновацию всех сторон, чтобы в процессе строительства «Пояса и пути» учитывались интересы и озабоченности всех соответствующих сторон. Совместное строительство означает, что страны должны приложить все усилия и продемонстрировать все свои сильные стороны, чтобы их преимущества и потенциальные способности полностью выявились. Совместное пользование означает, что все народы должны справедливо и равноправно пользоваться плодами строительства, чтобы создать сообщество интересов и сообщество единой судьбы человечества⁷. Эти три принципа органически объединены, дополняют друг друга и являются целостными и едиными, получая все большее признание стран, участвующих в строительстве «Один пояс, один путь».

Основными содержаниями инициативы «Один пояс, один путь» являются укрепление политической координации, развитие транспортно-коммуникационной взаимосвязанности, содействие бесперебойной торговле и свободному движению капитала, а также сближение сердец народов. Ключом для совместного строительства «Пояса и пути» является взаимосвязанность инфраструктуры. Основная структура стро-

⁷ Развивать дух шелкового пути и углублять китайско-арабское сотрудничество // Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 1. Пекин: Издательство иностранных языков, 2014. С. 316.

ительства «Пояса и пути» - это «Шесть коридоров, шесть дорог, множество стран и портов». «Шесть коридоров» - это шесть экономических коридоров международного сотрудничества: новый евразийский континентальный мост, экономический коридор «Китай - Монголия - Россия», «Китай - Центральная Азия - Западная Азия», «Китай - полуостров Индокитай», «Китай - Пакистан» и «Бангладеш - Китай - Индия - Мьянма». Имеется в виду, что под «шестью дорогами» понимаются железные и автомобильные дороги, судоходство, авиация, трубопроводы и космическая информационная сеть. «Множество стран» означает, что Китай должен взять на себя инициативу в сотрудничестве с некоторыми странами и стремиться к достижению образцовых результатов сотрудничества, отражающих концепцию «Пояса и пути». «Множество портов» означает несколько кооперативных портов, которые обеспечивают безопасное и бесперебойное движение по основным морским транспортным каналам. Благодаря строительству ряда важных портов и узловых городов с соответствующими странами «Пояса и пути», морское сотрудничество будет еще более успешным.

Инициатива «Пояса и пути» направлена на то, чтобы сосредоточить внимание на укреплении взаимосвязанности, углублять прагматичное сотрудничество и работать вместе, сообща реагировать на различные риски и вызовы, с которыми сталкивается человечество, для достижения взаимной выгоды, общего выигрыша и общего развития. За последние десять лет, начиная с 2013 года, когда была выдвинута инициатива «Пояс и путь», уже успешно реализовано большое количество проектов сотрудничества. С Китаем подписали соглашения о совместном строительстве «Одного пояса, одного пути» 152 страны и 32 международные организации. От Азии и Европы до Африки, от Северной и Южной Америки до Океании - совместное строительство «Одного пояса, одного пути» открывает новое пространство для мирового экономического роста, создав новую платформу для международной торговли и инвестиций, расширило практику по улучшению глобального экономического управления, сделало новый огромный вклад в повышение благосостояния народов разных стран. «Один пояс - один путь» уже стал общим путем новых возможностей и путем процветания.

2. Практическая значимость дипломатии великой державы с китайской спецификой

С начала нового века конкуренция между крупными державами

становится все более ожесточенной, существующая международная система серьезно пострадала, и нетрадиционные проблемы безопасности, такие как изменение климата и беженцы, возникли одна за другой, делая международную ситуацию полной неопределенности. Практика дипломатии великой державы с китайской спецификой будет иметь позитивное и далеко идущее значение как для реализации стратегической цели Китая по открытости внешнему миру, так и для мира и развития всего мира.

2.1 Создать благоприятную внешнюю среду для реализации китайской мечты

С момента своего основания Коммунистическая партия Китая рассматривает осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации как величайшую мечту китайской нации с начала нового времени. Дипломатическая стратегия Китая, его внешняя политика, международные отношения и дипломатическое позиционирование - все это должно ставить на первое место реализацию великого возрождения китайской нации. Ни в коем случае нельзя ущемлять коренные интересы китайской нации. Это отправная точка и конечная цель внешней работы Китая.

Судя по более чем 70-летней дипломатической истории со дня основания Китайской Народной Республики, дипломатическая работа Китая всегда была направлена на устранение препятствий и создание благоприятных условий для великого возрождения китайской нации. В первые дни основания КНР Китай проводил дипломатическую стратегию, такую как «начать новую печь», «навести порядок в доме, а потом приглашать гостей» и «держаться одной стороны». Это позволило Китаю восстановить все законные полномочия в ООН при мощной поддержке стран третьего мира. В период реформ, открытости и социалистической модернизации Китай активно налаживал партнерские отношения со всеми странами мира, осуществлял позитивное взаимодействие с международным сообществом и содействовал построению более справедливого и разумного международного порядка. Трансформация дипломатической стратегии Китая внесла огромный вклад в то, чтобы китайская нация встала на ноги и стала богаче и сильнее.

Сейчас Китай уже вступил в ключевой период осуществления великого возрождения китайской нации. Сегодня и в дальнейшем наша страна в своей дипломатической деятельности будет расширять гло-

бальную партнерскую сеть и «круг друзей» страны на условии не присоединения к каким-либо блокам, укреплять «мягкую силу» нашего государства, больше рассказывать о нашей стране и корректно проводить внешнюю пропаганду. Нам необходимо всемирное понимание и поддержка китайской мечте. Задача дипломатии Китая в новую эпоху - создать еще более благоприятные внешние условия для мирного развития Китая и осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации.

2.2 Развеять опасения и сомнения внешнего мира относительно быстрого роста национальной мощи Китая

Всем известно, что за истекшие 30 с лишним лет в результате быстрого развития реформ и открытости объем китайской экономики уже занял второе место в мире. Перед лицом непрерывного роста Китая у некоторых людей возникло беспокойство, а есть и такие, кто всегда смотрел на Китай сквозь розовые очки и считал, что развитие Китая непременно обернется «угрозой». Эта логика, что, могучая страна обязательно претендует на гегемонию, противоречит не только историческим традициям Китая, но и воле китайского народа. Этот голос в значительной степени подрывает международный имидж Китая и оказывает большее внешнее давление на мирное развитие Китая.

Путь развития страны зависит не от ее национальной мощи, а от практики ее внешней политики. На протяжении последних десятилетий Китай неизменно проводил независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, всегда подчеркивал, что главная цель внешней политики Китая - отстаивание мира во всем мире и содействие совместному развитию. Китай давно уже заявил всему миру, что он будет неуклонно идти по пути мирного развития. Китай не раз открыто провозглашал, что он выступает против всех видов гегемонии и политики силы, не будет вмешиваться во внутренние дела других стран. Как бы ни развивалась международная обстановка, каким бы сильным ни становился Китай, он никогда не будет претендовать на гегемонию или экспансию. Это предусмотрено в китайской политике и режиме, Китай так же поступает и на практике.

С момента проведения XVIII съезда КПК, Китай, глубоко и точно владея общей тенденцией развития Китая и мира в новую эпоху, реализовал ряд важных теоретических и практических инноваций во внешней работе, сформировал социалистическую дипломатическую концепцию

с китайской спецификой в новую эпоху, которая включает в себя следующие основные аспекты: надо продвигать дипломатию великой державы с китайской спецификой, считая осуществление великого возрождения китайской нации своей миссией; необходимо идти по пути мирного развития на основе взаимного уважения, сотрудничества и общего выигрыша; нужно продвигать построение сообщества единой судьбы человечества с целью защиты мира во всем мире и содействия общему развитию; требуется стимулировать строительство «Одного пояса, одного пути», соблюдая принцип совместных консультаций, совместного строительства и совместного пользования; надо формировать глобальное партнерство, опираясь на углубление дипломатической расстановки; нужно играть ведущую роль в реформировании системы глобального управления в соответствии с концепцией равенства и справедливости; необходимо формировать своеобразные манеры китайской дипломатии, сочетая замечательные традиции во внешней работе с характерными чертами новой эпохи⁸.

Вышесказанное напрямую отражает основные требования китайской дипломатии в новую эпоху. Дипломатия является концентрированным проявлением государственной воли. Практика дипломатии великой державы с китайской спецификой поможет развеять опасения и сомнения внешнего мира относительно быстрого роста китайской национальной мощи, укрепить международный имидж Китая и улучшить понимание международным сообществом пути развития Китая.

2.3 Внести мудрость и силу Китая в продвижение реформирования системы глобального управления

По мере изменения соотношения сил на международной арене и неуклонного увеличения глобальных вызовов, усиление глобального управления и продвижение реформирования системы глобального управления становятся непреодолимой тенденцией развития. После XVIII съезда КПК Китай инициативно берет на себя международные обязанности, активно содействует развитию международного порядка по более справедливому и рациональному направлению, а также более надежно защищает общие интересы нашей страны и многочисленных развивающихся стран.

⁸ Придерживайтесь социалистической дипломатии с китайской спецификой в новую эпоху в качестве ориентира и стремитесь создать новую ситуацию в дипломатии великой державы с китайской спецификой // Си Цзиньпин. О настойчивом содействии построению сообщества единой судьбы человечества. Пекин: Центральное литературное издательство, 2018. С. 538.

В политическом плане Китай добросовестно выполняет свои обязанности и миссию постоянного члена Совета Безопасности ООН, настойчиво защищает интересы развивающихся стран и совместно с другими странами содействует установлению справедливого и рационального международного политического порядка, чтобы существующие международные механизмы и структуры в большей степени отражали требования и интересы развивающихся стран.

В экономическом плане Китай выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», предложил и учредил многосторонние финансовые структуры нового типа, такие как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС и Фонд Шелкового пути, чтобы удовлетворить потребности стран с формирующейся экономикой и развивающихся стран. В целях содействия глобальному торговому сотрудничеству Китай не только активно способствует реформированию Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда и других учреждений, но и принимает участие в создании таких платформ, как «Группа 20», БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества.

Что касается безопасности, то Китай выдвинул новую концепцию международной безопасности, согласно которой все страны мира должны укреплять стратегическое взаимное доверие, решать региональные споры путем убеждения и переговоров, активно участвовать в посредничестве по актуальным вопросам и совместно поддерживать региональный и мировой мир и стабильность посредством диалога и сотрудничества в области безопасности. Кроме того, Китай принимал активное участие в разработке правил управления в таких новых сферах, как океанология, полюс, Интернет, космическое пространство, ядерная безопасность, изменение климата и др., чтобы содействовать реформированию несправедливых и нерациональных режимов в системе глобального управления.

Факты доказали, что Китай, как ответственная держава, активно участвует в глобальном управлении, выдвигает и реализует ряд важных инициатив, способствующих миру и развитию во всем мире, а также вносит свой вклад в продвижение реформирования системы глобального управления.

Список литературы:

1. У Китая должна быть своя дипломатия с национальной спецификой // Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 2. Пекин: Издательство иностранных языков, 2017. С. 443.

2. Претворение стремления народов разных стран мира к прекрасной жизни в реальность // Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 3. Пекин: Издательство иностранных языков, 2020. С. 433.
3. Выступление на юбилейной конференции, посвященной 50-й годовщине восстановления законных прав китайской народной республики в ООН // Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 4. Пекин: Издательство иностранных языков, 2022. С. 475.
4. Ван Цзяожун. Китайская дипломатия в новую эпоху // Пекин: Институт современного Китая, 2022. С. 25.
5. Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики. Китай и мир в новую эпоху // People's Daily, 28. 09. 2019.
6. Сюэ Ли, Мяо Бэйлэй. Новая форма человеческой цивилизации и дипломатия великой державы с китайской спецификой: идеологический источник и практический путь // Российские исследования Восточной Европы и Центральной Азии, 2023. № 6.
7. Развивать дух шелкового пути и углублять китайско-арабское сотрудничество // Си Цзиньпин о государственном управлении. Том 1. Пекин: Издательство иностранных языков, 2014. С. 316.
8. Придерживайтесь социалистической дипломатии с китайской спецификой в новую эпоху в качестве ориентира и стремитесь создать новую ситуацию в дипломатии великой державы с китайской спецификой // Си Цзиньпин. О настойчивом содействии построению сообщества единой судьбы человечества. Пекин: Центральное литературное издательство, 2018. С. 538.

Bibliography

1. China should have its own diplomacy with national specifics // Xi Jinping on public administration. Volume 2. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2017. P. 443.
2. Translating the aspirations of the peoples of different countries of the world for a wonderful life into reality // Xi Jinping on public administration. Volume 3. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2020. P. 433.
3. Speech at the anniversary conference dedicated to the 50th anniversary of the restoration of the legitimate rights of the People's Republic of China at the UN // Xi Jinping on public administration. Volume 4. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2022. P. 475.
4. Wang Qiaorong. Chinese diplomacy in a new era // Beijing: Institute of Modern China, 2022. P. 25.
5. Information Bureau of the State Council of the People's Republic of China. China and the world in a new era // People's Daily, September 28, 2019.
6. Xue Li, Miao Beilei. A new form of human civilization and great power diplomacy with Chinese characteristics: ideological source and practical path // Russian Studies of Eastern Europe and Central Asia, 2023. No. 6.
7. Develop the spirit of the Silk Road and deepen Chinese-Arab cooperation // Xi Jinping on public administration. Volume 1. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2014. P. 316.
8. Adhere to socialist diplomacy with Chinese characteristics in the new era as a guide and strive to create a new situation in great power diplomacy with Chinese characteristics // Xi Jinping. On persistently promoting the construction of a community with a common destiny for humanity. Beijing: Central Literary Publishing House, 2018. P. 538.

Цзяо Цинли

*Аспирантка второго курса факультета
международных отношений, глобальных и региональных исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет.*

Преподавание китайского языка в высших учебных заведениях Казахстана

Историко-культурный контекст распространения китайского языка в Казахстане

Казахстан, расположенный в Центральной Азии и примыкающий к Синьцзян-Уйгурскому автономному району Китая, является для него важным соседом и имеет большое значение в таких областях, как безопасность границ, энергетическая безопасность, экономические связи, логистика и транспорт. Всё это находится в центре внимания центральноазиатской политики Китайской Народной Республики (КНР).

Китай ценит свои отношения с Казахстаном и другими странами Центральной Азии с древних времен, но только после распада Советского Союза и становления Казахстана как независимого государства Китай установил с ним дипломатические отношения. С тех пор Китай активно развивает отношения с Казахстаном в различных областях, в том числе, гуманитарное сотрудничество. Однако в первое время после установления дипломатических отношений между Китаем и Казахстаном развитие гуманитарных связей, в частности распространение китайского языка в Казахстане, имело свои проблемы. Объясняется это следующим образом.

Во-первых, Численность в Казахстане лиц, владеющих китайским языком, остается весьма незначительной. В первые годы независимости Казахстана на территории Республики практически не было вузов, в которых обучают китайскому языку, что является следствием напряжённых отношений СССР и КНР. Кроме пожилых людей, которые решили переехать в бывший Советский Союз в 1962 году после событий «Ита»¹, и синологов, окончивших факультеты восточных языков вузов в Москве и Ташкенте, китайский язык практически никто не знал¹.

¹ Под «инцидентом Ита» в Синьцзяне подразумевается исход жителей из Инина, Хочэна и Тачэна в Или-Казахском автономном округе Синьцзян-Уйгурского автономного района в 1962 году, а также штурм правительственных учреждений и разграбление правительственных документов правонарушителями.

Гуй Лян Распространение китайского языка и культуры в Казахстане «Китайские социальные науки сегодня», выпуск 1468, 8 июня 2018 г.

Во-вторых, в то время в Казахстане было очень мало граждан, готовые к изучению китайского языка изучать китайский язык. Это было связано с тем, что в период пребывания Казахстана в составе бывшего Советского Союза китайско-советские отношения находились в кризисе. В следствие политических разногласий Советский Союз проводил антикитайскую пропаганду, которая создавала отрицательный образ в сознании народа Казахстана.

В-третьих, в начале обретения Казахстаном независимости требовалось решить множество неотложных вопросов внутренней политики. Правительство Казахстана провело ряд политических и экономических реформ, включая реформы системы образования. Развитие внешних отношений с Китаем, тем более гуманитарных, были еще не столь значимы.

В-четвертых, в тот период времени Пекин также уделял мало внимания культурному сотрудничеству между странами ввиду наличия принципиальных и более актуальных внешнеполитических и экономических вопросов, в частности демаркации границы.

Однако, с углублением сотрудничества Китая и Казахстаном в различных областях, особенно в областях экономики и торговли нефтью, гуманитарные связи двух стран развивались и укреплялись, приобретая все большее значение. Владение китайским расширяет возможности трудоустройства и повышает конкурентоспособность на рынке труда, именно поэтому все больше и больше казахстанцев начинают его изучать². Например, в 1993 году в Национальном педагогическом университете им. Абая в одной группе было всего 8 студентов, изучающих китайский язык, а к 2013 году в 12 группах уже насчитывали 121 студента.³

На сегодняшний день, число китайских туристов и бизнесменов, посещающих Казахстан, увеличивается, поэтому в сфере туризма присутствует запрос на персонал, владеющий китайским языком, что должно обеспечить наиболее эффективное обслуживание и оставить положительные впечатления у китайцев. По словам вице-министра Казахстана «с 2024 года мы ставим задачу стать одной из ключевых дестинаций для граждан КНР, учитывая географическое расположение стран, безвизовый режим, а самое главное, глубокие исторические связи двух стран.

2 Валеев Р.М., Кадырова Л.И. Гуманитарное сотрудничество Китайской Народной Республики и Республики Казахстан в сфере образования (1990-2000-е гг.) // Вестник КазГУКИ. 2015. № 1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-kitayskoy-narodnoy-respubliki-i-respubliki-kazahstan-v-sfere-obrazovaniya-1990-2000-e-gg> (дата обращения: 10.03.2024).

3 Чжан Лина. Мысли о нынешней ситуации с преподаванием китайского языка в Казахстане // Журнал Юньнаньского педагогического университета (Преподавание и исследование китайского языка как иностранного). 2009. № 7. С. 89–92.

В данном контексте одним из важных событий следующего года в сфере туризма станет проведение года туризма Казахстана в Китае»⁴. Так, два государства активно проводят совместные культурные мероприятия (выставки, конференции, ярмарки), что увеличивает интерес к китайской культуре и языку среди населения Республики Казахстан.

Можно сказать, что популярность китайского языка в Казахстане обусловлена экономическим и торговым сотрудничеством между двумя странами. В последние годы Китай активно инвестировал в развитие инфраструктуры Казахстана в рамках Инициативы по созданию Шёлкового Пути, в связи с этим, многие китайцы приезжают в Казахстан для работы в этих проектах, что также способствует увеличению спроса на изучение китайского языка. На рынке труда в Казахстане растёт потребность в специалистах, владеющих китайским языком. Таким образом, привлекательность китайского языка для населения Казахстана растёт с каждым годом.

Значимость распространения китайского языка в Казахстане

Содействие реализации инициативы «Пояс и путь»

Именно в Казахстане Си Цзиньпин предложил политику «Пояс и путь», направленную на укрепление сотрудничества и обмена со странами-участницами этой политики в различных областях, например, в политике, экономике и культуре. Это в полной мере иллюстрирует положение Казахстана в китайской внешней политике. Казахстан является важнейшим транспортным хабом маршрута «Один пояс, один путь». Вместе с этим сотрудничество между Китаем и Казахстаном в политической, экономической и культурно-образовательной сферах становится всё более доверительным, поэтому при реализации данной инициативы на рынке труда Казахстана также растёт спрос на специалистов, которые знают китайский язык. В этом случае продвижение китайского языка в Казахстане приобретает особое значение. Можно сделать вывод о том, что распространение китайского языка создаст благоприятную основу для развития «Экономического пояса Шелкового пути».

Содействие развитию экономического сотрудничества между двумя странами.

Россия была крупнейшим торговым партнером Казахстана после распада Советского Союза. Однако из-за санкций, введенных против

⁴ <https://ru.sputnik.kz/20230906/kazakhstan-tschatelno-gotovitsya-k-godu-turizma-respubliki-v-kitae--minkultury-38229497.html>

России за последние два года, присутствие России в Центральной Азии уже не такое сильное как раньше. Это даёт Китаю возможность усилить своё влияние в Центральной Азии. Согласно данным бюро национального агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, в 2023 году Китай стал главным торговым партнёром Казахстана, обойдя Россию. Данные показывают, что с января по июнь 2023 года объем торговли между Китаем и Казахстаном достиг \$13,6 млрд, увеличился по сравнению с прошлым годом на 20,5%, доля Китая достигла 20,2% от общего объема торговли Казахстана. Экспорт Казахстана в Китай упал на 3% до 6,3 млрд долларов США, что составляет 16,7% от общего объема экспорта, а импорт увеличился на 53% до 7,3 млрд долларов США, составив 24,8% от общего объема импорта⁵. Дальнейшее углубление сотрудничества Китая и Казахстана привело к увеличению во многих областях спроса на таланты, владеющие китайским языком. Продвижение китайского языка в Казахстане может открыть больше возможностей для языкового образования и предоставить больше ресурсов для преподавания китайского языка. Это не только поможет народу Казахстана улучшить свои языковые навыки, но и воспитает больше профессиональных талантов для двустороннего сотрудничества и будет способствовать обмену технологиями и опытом. По мере того, как всё больше казахов будут владеть китайским языком, им будет легче общаться и вести торговые дела с китайскими компаниями, способствуя двусторонней торговле.

Укрепление связи между народами двух стран и двусторонние отношения.

Хотя отношения между Китаем и Казахстаном быстро развивались с момента установления дипломатических отношений, но на деле, если брать в сравнение отношения между Россией и Казахстаном, и отношения между США и Казахстаном, отношения между Китаем и Казахстаном не являются особенно крепкими. Это связано с тем, что в отличие от США, которые имеют сильное культурное влияние на Казахстан, и в отличие от России, которая имеет традиционные исторические связи с Казахстаном, влияние Китая на Казахстан ограничивается торговлей и инвестициями. Таким образом, китайско-казахстанским отношениям не хватает прочного фундамента. Поэтому ещё одной целью продвижения китайского языка в Казахстане является расширение дружественных обменов между двумя государствами. Культурный обмен является

5 <https://stat.gov.kz/ru/>

основой связей между людьми, между двумя странами, а язык является мостом для культурного обмена. Изучая китайский язык, казахстанцы могут лучше понять китайскую культуру, традиции и ценности, что играет важную роль в преодолении культурных различий между двумя сторонами, укрепляет культурное взаимопонимание и культурную самобытность, повышает эффективность сотрудничества, содействует региональному экономическому росту и построению более прочных двусторонних отношений.

Процесс развития и положение преподавания китайского языка в вузах Казахстана

Преподавание китайского языка в Казахстане зародилось в 1980-х годах, 15 мая 1989 года в Казахском государственном университете имени С.М. Кирова (ныне Казахский национальный университет имени аль-Фараби) Постановлением Правительства Казахской ССР был создан факультет востоковедения, где воспитывают высококвалифицированных специалистов со знанием восточных языков, включая арабский, китайский и персидский языки⁶. Важной кафедрой факультета востоковедения являлась кафедра восточной филологии, которая была разделена в 1991 году на две отдельные кафедры: 1) кафедра турецко-иранской филологии и 2) китайской филологии.

Позже в 2003 году была открыта кафедра китаеведения на основе бывшей кафедры китайской филологии. Казахский национальный университет имени аль-Фараби считается первым университетом в Казахстане, где специалисты преподавали китайский язык. Вторым университетом, где преподают китайский язык, является Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана. Преподавание китайского языка в этом университете также имеет долгую историю, которая началась в 1999 году. Но на самом деле до 2000 года мало кто в Казахстане изучал китайский язык из-за усилий правительства по продвижению казахского языка, плохого состояния экономики Казахстана в то время и того факта, что китайско-казахстанское экономическое и торговое сотрудничество ещё не началось.

С вступлением в XXI век, по мере углубления сотрудничества Китая и Казахстана, языковое общение между двумя странами также получило развитие. В апреле 2002 года при активной поддержке Государственной

⁶ Основные факторы «мягкой силы» Китая в центральной Азии / Е. Керимбаев, Н. Мухаметханулы, А. Тургенбай, З. Набижанкызы // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 22-35. – DOI 10.37178/сас.20.1.02.

канцелярии Китая («Ханьбань») Ланьчжоуский университет подписал соглашение с Казахским национальным университетом им. аль-Фараби о совместном строительстве Центра китайского языка в Алматы (предшественника Института Конфуция в Национальном университете имени Али Фараби)⁷.

В 2005 году Китай и Казахстан подписали совместное заявление об установлении стратегического партнёрства, что ознаменовало подъем двусторонних отношений на более высокий уровень. В декабре 2006 года в Астане был создан первый в Казахстане Институт Конфуция. Впоследствии Институты Конфуция последовательно открывались в крупных городах, таких как Алматы, бывшей столице Казахстана, и Актобе. В настоящее время в Казахстане создано пять Институтов Конфуция, что делает его страной с наибольшим количеством Институтов Конфуция среди пяти стран Центральной Азии⁸.

В сентябре 2013 года Си Цзиньпин в своем выступлении в «Назарбаев Университет» предложил совместно строить «Экономический пояс Шелкового пути». В процессе реализации инициативы «Пояс и путь» сотрудничество между Китаем и Казахстаном в различных областях также постоянно укрепляется, а спрос на специалистов, знающих китайский язык, также увеличивается с каждым днём. Китай и Казахстан также уделяют всё больше внимания распространению китайского языка в Казахстане.

1 декабря 2018 года Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев во время посещения Назарбаев Интеллектуальной школы призвал учащихся начальных и средних классов изучать китайский язык. «В условиях глобализации изучение иностранных языков является жизненно необходимым. Для нас китайский язык очень важен. Во внешней торговле Казахстана объем торговли с Китаем составляет 20%. Изучение китайского языка дает возможность говорить с 1,4 миллиардом человек на их языке», - сказал Президент⁹.

С дальнейшим развитием китайско-казахстанских отношений китайский язык становится все более привлекательным для молодежи Казах-

7 Гуй Лян. Распространение китайского языка и культуры в Казахстане // Китайские социальные науки сегодня. 2018. №1468.

8 Чу Ч. Гуманитарные обмены между КНР и странами Центральной Азии (на примере Институтов Конфуция) / Ч. Чу // Актуальные проблемы глобальных исследований: глобальное развитие и пределы роста в XXI веке : Сборник статей участников VII Международной научной конференции, Москва, 15–18 июня 2021 года. – Москва: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научно-го наследия Н. Д. Кондратьева, 2021. С. 540–550. – DOI 10.46865/978-5-901640-36-4-2021-540-550.

9 http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/sgxx/sgdt/201812/t20181228_1341693.htm

стана, все больше молодых людей республики связывают дальнейшую работу и перспективы на будущее со знанием китайского языка¹⁰. С увеличением числа людей, изучающих китайский язык, казахстанские университеты и институты Конфуция, которые являются основными местами преподавания китайского языка, играют все более важную роль.

Согласно данным бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан в 2023 году в Казахстане существует 116 высших учебных заведений¹¹. В большинстве из них есть курсы китайского языка, которые в основном проводятся на таких программах, как лингвистика, востоковедение, перевод, международные отношения, международное право, регионоведение и так далее. На этих факультетах китайский язык обычно изучается как первый или второй иностранный язык. Самый длительный период обучения составляет 4 года, а самый короткий - 2 года. Существуют комплексные занятия, занятия по аудированию, чтению, письму и т. д. Среди них Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана являются ведущими университетами для изучения китайского языка в Казахстане¹².

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана в Алматы занимается преподаванием китайского языка уже 24 года, начав в 1999 году. Специальности университета, связанные с китайским языком, включают китайский язык и литературу, историю Китая, перевод и др. На других факультетах некоторые студенты также изучают китайский как иностранный язык. Будучи университетом иностранных языков, они накопили богатый опыт в преподавании языков, а уровень преподавания китайского языка получил широкое признание. Сегодня Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана установил парт-

10 Тохметов А.Т. Китайский язык в вузах Казахстана / А. Т. Тохметов // Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI в. : Сборник статей и докладов участников I международной научно-практической конференции, Казань, 20–21 апреля 2017 года. – Казань: «ФЭН» АН РТ, 2017. С. 198–205. – EDN ZEEMEF.

11 Образование в Республике Казахстан 2018–2022. Статистический сборник www.stat.gov.kz.

12 Уи Шаохуэй Исследование влияния распространения китайского языка в Казахстане на восприятие национального имиджа Китая [D], Китайский нефтяной университет (Пекин), 2022. – DOI: 10.27643/d.cnki.gsybu.2020.001085.

нерские отношения с 18 университетами Китая, включая Пекинский университет языка и культуры, Шанхайский университет иностранных языков, Далянский университет иностранных языков, Уханьский университет, Столичный педагогический университет, Синьцзянский университет и т. д. Также на факультете востоковедения работают два доктора наук из Китая¹³.

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Казахский национальный университет им. аль-Фараби является первым университетом в Казахстане, где начали преподавать китайский язык, тут занимаются преподаванием китайского языка вот уже более 20 лет. Многие местные преподаватели китайского языка в Казахстане окончили факультет Востоковедения именно в этом университете. В апреле 2002 года при поддержке Китайского Ханьбаня он с Ланьчжоуским университетом совместно создали первый в Казахстане центр китайского языка. В марте 2007 года Центр китайского языка официально сменил свое название на *Институт Конфуция при Казну им. аль-Фараби* и был открыт 23 февраля 2009 года. В 2013 году была основана кафедра Китаеведения, где проводятся научно-исследовательские работы по истории, культуре, религии и философии Китая, китайской филологии и литературе, и другим направлениям. В настоящее время на кафедре обучаются более 230 студентов бакалавриата, 11 магистрантов и 8 докторантов PhD по специальностям «Востоковедение», «Иностранная филология», «Переводческое дело». Профессорско-преподавательский состав кафедры составляет 33 человека, в том числе: 2 доктора наук, профессора; 3 кандидата наук, 3 доцента, 3 и. о. доцента, 8 докторов философии (PhD), 16 старших преподавателей и 9 преподавателей. И кафедра китаеведения сотрудничает с рядом высших учебных заведений КНР, включая Пекинский университет, Пекинский университет иностранных языков, Центральный университет национальностей, Восточно-китайский педагогический университет, Фуданьский университет, Синьцзянский педагогический университет, Наньчанский университет и другие¹⁴.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва

В 1999 г. на базе Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева под руководством профессора Каскабасова С.А. был открыт факультет востоковедения. В 2000 г. факультет востоковедения был пре-

13 <https://www.ablaikhan.kz/ru/about-us/our-university.html>

14 <https://farabi.university/departament/48>

образован в кафедре востоковедения. На кафедре преподают китайский язык. Кафедра востоковедения поддерживает контакты с такими китайскими университетами, как Сианьский университет и Центральный университет национальностей. У студентов этой кафедры имеются возможности проведения учебно-языковой практики в Китае. Университет расположен в Астане, которая является новой столицей с 1998 года. По сравнению с Алматы развитие этого города имеет отставания по всем аспектам. Кроме того, Астана находится далеко от Китая, здесь проживает большое количество русскоговорящего населения. Вышеперечисленные моменты также являются причиной того, что Евразийский университет не уделяет такого большого внимания китайскому языку, как Казахский национальный университет им. аль-Фараби. Но надо признать, что он уже является в Астане лучшим университетом, где преподают китайский язык. В 2006 году был открыт институт Конфуция при Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилёва.

Благодаря значительному прогрессу в развитии методов обучения китайскому языку в Казахстане, влияние китайского языка в этой стране постепенно усиливается. Однако из-за относительно позднего начала преподавания китайского языка в высших учебных заведениях Казахстана еще существует ряд проблем.

Проблемы, препятствующие распространению китайского языка в вузах Казахстана

Проблемы преподавателей в высших учебных заведениях по преподаванию китайского языка.

Преподаватель играет важную роль в учебном процессе, компетенции китайского преподавателя напрямую влияют на качество обучения китайскому языку. В контексте развития обучения китайскому языку в вузах Казахстана проблемы преподавательского состава занимают центральное место. Преподавателей китайского языка в казахстанских университетах можно разделить на три группы: местные преподаватели в Казахстане, преподаватели-иммигранты из Синьцзяна Китая и преподаватели из Китая¹⁵.

1. Местный преподаватель китайского языка в Казахстане

Большинство местных преподавателей китайского языка в Казахстане – это казахстанские студенты различных специальностей, в послед-

¹⁵ Ян Сюмин Савуле, Ситуация и предложения по преподаванию китайского языка в Казахстане [J]. Журнал Университета Персидского залива Бейбу, 2020, 35(05):58-64+94.

ние годы вернувшиеся после обучения в Китае, и лишь немногие из них окончили специальность международного обучения китайскому языку. Эти преподаватели в основном молоды, и уровень китайского языка у них не очень высок. Обычно их китайское произношение недостаточно точное, что также является одним из недостатков почти всех местных преподавателей. Кроме того, из-за недостаточного знакомства с учебными материалами по китайскому языку и отсутствия опыта преподавания, эти преподаватели не всегда способны поддерживать интерес учащихся, что сказывается на качестве обучения.

2. Преподаватели -иммигранты из Синьцзяна.

В Казахстане первые преподаватели китайского языка в основном были иммигрантами из Синьцзяна. Эти преподаватели-иммигранты составляли основную кадровую базу для преподавания китайского языка в начальный период и внесли значительный вклад в развитие обучения китайскому языку в стране. Однако у этих преподавателей есть свои недостатки. Большинство из них в Синьцзяне учились в этнических школах, где повседневное общение велось на языках меньшинств, а китайский язык использовался в разговорах гораздо меньше, из-за чего их собственный уровень владения китайским языком оставался невысоким. Также они имеют ограниченное представление о китайской культуре и обществе, что затрудняет мотивацию студентов к изучению китайского языка. Кроме этого, большинство из них не имеют дипломов об окончании профессиональных учебных заведений до иммиграции в Казахстан из Китая и не имеют опыта преподавания языка, поэтому их преподавание китайского языка часто на недостаточно профессиональном уровне¹⁶. Все эти факторы существенно влияют на уровень преподавания.

3. Преподаватели китайского языка из Китая

Количество преподавателей китайского языка, которые приехали в Казахстан из Китая очень мало. Большая часть преподавателей – это волонтеры, присланные Китаем. Преподаватели-волонтеры в основном являются студентами бакалавриата и магистратуры по китайскому международному образованию, английскому, русскому и другим специальностям. Они систематически изучали китайский язык, имеют солидные базовые знания. Также они прошли подготовку по преподаванию китайского языка и имеют определенный опыт преподавания китайского языка иностранцам. По сравнению с местными китайскими

16 Жапарова А.Р. Положение преподавания китайского языка в Казахстане / А. Р. Жапарова // Alatau Academic Studies. 2022. № 1. С. 27-42. – DOI 10.17015/aas.2022.221.03. – EDN OQMSMV.

учителями и китайскими учителями-иммигрантами из Синьцзяна, их произношение также более стандартное, они лучше понимают китайскую культуру, и им легче вызвать энтузиазм учащихся для изучения китайского языка. Однако некоторые волонтеры не понимают казахский или русский язык. Большинство из них используют английский язык в процессе преподавания, поэтому общение и взаимодействие со студентами часто не проходят достаточно эффективно, как хотели бы того студенты и сами преподаватели. В процессе обучения как для преподавателей, так и для студентов возникают определенные трудности. Кроме того, преподаватели китайского языка в Китае, особенно волонтеры, часто имеют опыт работы только около двух лет, и они редко остаются в Казахстане для преподавания. Мобильность персонала высока, что приводит к прерывистости учебного процесса и снижению качества образования.

Проблемы с учебными материалами по китайскому языку в вузах

В настоящее время учебные материалы на китайском языке, используемые в университетах Казахстана, сильно устарели, а учебные материалы на китайском языке, используемые в разных университетах, различаются. Основные проблемы резюмируются следующим образом: 1) В Казахстане почти нет местных учебных материалов, соответствующих национальным требованиям к гуманитарным наукам Казахстана. При преподавании китайского языка в казахстанских вузах обычно используют учебные материалы, изданные в Китае, которые не соответствуют фактической ситуации с обучением в Казахстане.¹⁷ 2) Из-за отсутствия формальной системы управления и единых стандартов управления преподаванием китайского языка в Министерстве образования Казахстана, Казахстанские вузы могут выбирать учебные материалы на китайском языке по своему усмотрению, что также является важной причиной неравномерного уровня преподавания китайского языка в казахстанских вузах.

Проблемы с методами преподавания китайского языка в вузах

В настоящее время в Казахстане еще нет единой учебной программы и плана преподавания по китайскому языку в вузах, а метод обучения относительно прост. В большинстве случаев в преподавании китайского

¹⁷ Ли Янь Алманжан, Текущая ситуация и новые изменения в обучении китайскому языку в университетах Казахстана в рамках стратегии «Один пояс и один путь»//Национальное исследование образования. 2016. №27(06). С.117-122.

языка используется метод перевода, который основан на сравнительном переводе с казахского и китайского языков, и уделяется особое внимание получению языковых знаний, но игнорирует развитие практических способностей студентов, особенно их разговорных навыков. Многие преподаватели в основном используют методы объяснения в классе с отсутствием других методов. Большую часть времени преподаватели переводят тексты и объясняют слова, предложения и грамматику, практически без взаимодействия преподавателя и студентов. Этот скучный и однообразный метод обучения не может поддерживать интерес учащихся и не способен гарантировать желаемых результатов обучения.

В целом, Китай и Казахстан все больше придают значение гуманитарному сотрудничеству. С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Казахстаном было достигнуто много положительных результатов по распространению китайского языка в казахстанских вузах. Однако существуют проблемы, такие как нехватка квалифицированных преподавателей китайского языка как иностранного, отсутствие учебников по китайскому языку, адаптированных к национальным особенностям Казахстана, и отсутствие единой учебной программы по китайскому языку. Чтобы решить эти проблемы, казахстанским вузам следует активно обучать местных преподавателей китайского языка и оказывать поддержку преподавателям в их поездках в Китай для получения специальной соответствующей подготовки. Казахстанским университетам следует более тесно сотрудничать с китайскими университетами в создании учебников китайского языка. В то же время, Казахстану следует разработать единую учебную программу по китайскому языку.

Список литературы:

1. Гуй Лян. Распространение китайского языка и культуры в Казахстане // Китайские социальные науки сегодня. 2018. № 1468.
2. Валеев Р.М., Кадырова Л.И. Гуманитарное сотрудничество Китайской Народной Республики и Республики Казахстан в сфере образования (1990-2000-е гг.) // Вестник КазГУКИ. 2015. № 1.
3. Чжан Лина. Мысли о нынешней ситуации с преподаванием китайского языка в Казахстане // Журнал Юньнаньского педагогического университета (Преподавание и исследование китайского языка как иностранного). 2009. № 7. С. 89-92.
4. <https://ru.sputnik.kz/20230906/kazakhstan-tschatelno-gotovitsya-k-godu-turizma-respubliki-v-kitae---minkulturny-38229497.html>
5. <https://stat.gov.kz/ru/>
6. Основные факторы «мягкой силы» Китая в центральной Азии / Е. Керимбаев, Н. Мухаметханулы, А. Тургенбай, З. Набижанкызы // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 1. С. 22-35. – DOI 10.37178/са-с.20.1.02.
7. Гуй Лян. Распространение китайского языка и культуры в Казахстане // Китайские социальные науки сегодня. 2018. № 1468.
8. Чу Ч. Гуманитарные обмены между КНР и странами Центральной Азии (на примере Институтов Конфуция) // Актуальные проблемы глобальных исследований: глобальное развитие и пределы роста в XXI веке : Сборник статей участников VII Международной научной конференции, Москва, 15–18 июня 2021 года. – Москва: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2021. С. 540-550.
9. http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/sgxx/sgdt/201812/t20181228_1341693.htm
10. Тохметов А.Т. Китайский язык в вузах Казахстана // Актуальные вопросы преподавания китайского и других восточных языков в XXI в.: Сборник статей и докладов участников I международной научно-практической конференции, Казань, 2017. С. 198-205.

11. Образование в Республике Казахстан 2018–2022 // Статистический сборник // URL: www.stat.gov.kz.
12. Ци Шаохуэй, Исследование влияния распространения китайского языка в Казахстане на восприятие национального имиджа Китая [D], Китайский нефтяной университет (Пекин), 2022. – DOI: 10.27643/d.cnki.gsybu.2020.001085.
13. <https://www.ablaikhan.kz/ru/about-us/our-university.html>
14. <https://farabi.university/department/48>
15. Ян Сюмин, Савуле, Ситуация и предложения по преподаванию китайского языка в Казахстане // Журнал Университета залива Бейбу. 2020. № 35 (05). С. 58-64+94.
16. Жапарова А.Р. положение преподавания китайского языка в Казахстане // Alatoo Academic Studies. 2022. № 1. С. 27-42.
17. Ли Янь, Алманжан, Текущая ситуация и новые изменения в обучении китайскому языку в университетах Казахстана в рамках стратегии «Один пояс и один путь» // Национальное исследование образования. 2016. № 27 (06). С. 117-122.

Bibliography

1. Gui Liang. Spread of Chinese language and culture in Kazakhstan // Chinese social sciences today. 2018. № 1468.
2. Valeev R.M., Kadyrova L.I. Humanitarian cooperation between the People's Republic of China and the Republic of Kazakhstan in the field of education (1990-2000s) // Bulletin of KazGUkI. 2015. № 1.
3. Zhang Lina. Thoughts on the current situation with teaching Chinese in Kazakhstan // Journal of Yunnan Normal University (Teaching and Research of Chinese as a Foreign Language). 2009. № 7. P. 89-92.
4. <https://ru.sputnik.kz/20230906/kazakhstan-tschatelno-gotovitsya-k-godu-turizma-respubliki-v-kitae---minkultury-38229497.html>
5. <https://stat.gov.kz/ru/>
6. The main factors of China's "soft power" in Central Asia / E. Kerimbaev, N. Mukhametkhanuly, A. Turgenbai, Z. Nabizhankyzy // Central Asia and the Caucasus. 2020. Vol. 23. № 1. P. 22-35. – DOI 10.37178/ca-c.20.1.02.
7. Gui Liang. Spread of Chinese language and culture in Kazakhstan // Chinese social sciences today. 2018. № 1468.
8. Chu Ch. Humanitarian exchanges between the PRC and the countries of Central Asia (on the example of Confucius Institutes) // Current problems of global research: global development and the limits of growth in the 21st century: Collection of articles of participants of the VII International Scientific Conference, Moscow, June 15–18, 2021 of the year. – Moscow: Interregional public organization for promoting the study and promotion of the scientific heritage of N.D. Kondratieva, 2021. P. 540-550.
9. http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/sgxx/sgdt/201812/t20181228_1341693.htm
10. Tokhmetov A.T. Chinese language in universities of Kazakhstan // Current issues in teaching Chinese and other oriental languages in the 21st century: Collection of articles and reports of participants of the 1st international scientific and practical conference, Kazan, 2017. P. 198-205.
11. Education in the Republic of Kazakhstan 2018–2022 // Statistical collection // URL: www.stat.gov.kz.
12. Qi Shaohui, Research on the influence of the spread of Chinese language in Kazakhstan on the perception of China's national image [D], China Petroleum University (Beijing), 2022. - DOI: 10.27643/d.cnki.gsybu.2020.001085.
13. <https://www.ablaikhan.kz/ru/about-us/our-university.html>
14. <https://farabi.university/department/48>
15. Yang Xiumin, Savule, Situation and proposals for teaching Chinese in Kazakhstan // Journal of Beibu Bay University. 2020. № 35 (05). P. 58-64+94.
16. Japarova A.R. The situation of teaching Chinese in Kazakhstan // Alatoo Academic Studies. 2022. № 1. P. 27-42.
17. Li Yan, Almanzhan, Current situation and new changes in teaching Chinese at universities in Kazakhstan within the framework of the "One Belt and One Road" strategy // National Educational Research. 2016. № 27 (06). P. 117-122.

ИЛОЛОГИЯ

*Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы*

Цай Цзяфэн

Аспирантка Института иностранных языков
Юго-Восточного университета, г. Нанкин, КНР.
Стажировочный учёный Филологического факультета.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Лин Чэн

Аспирантка Филологического факультета.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Ли Цзе

Аспирантка Института иностранных языков,
Юго-Восточный университет, г. Нанкин, КНР.

Исследование зарубежного перевода китайских канонических произведений: на примере пассивной клаузулы в переводе Вяткина «Ши Цзи»

Введение

В условиях глобализации все более актуальными становятся научные и культурные обмены между странами. «Ши Цзи» («Исторические записки») являются первой в истории Китая общей историей хроники, автор Сыма Цянь посвятил этому всю свою жизнь и закончил этот беспрецедентный литературно-исторический труд, обладающий энциклопедическими свойствами. «Ши Цзи» не только изучалась китайскими историками всех времен, но и рассматривалась как самая важная классическая книга древнего Китая и привлекала внимание народов всего мира. Как образец традиционной китайской историографии она привлекла к себе интерес многих ученых. Общее число иностранных переводов «Ши Цзи» в России составляет четырнадцать, три из которых являются репрезентативными. Первый - перевод известного синолога Н.Я. Бичурина, чей перевод «Повествование о сюнну» и «Историческая биография страны Даюань» вошел во второй том его «История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», изданных в 1851 г., и положил начало изучению «Ши Цзи» в России [1]. Второй - перевод В.М. Алексеева, ставший представителем литературного перевода «Ши Цзи», семнадцать отрывков из

которого были собраны в «Избранной прозе китайских классиков» [2]. В-третьих, перевод Р.В. Вяткина - как первый полностью переведенный и аннотированный текст на европейский язык, «Ши Цзи» Вяткина также является важной вехой в процессе русского перевода китайского канона [3]. В данной статье мы выберем для исследования переводческий феномен в вяткинском переводе «Исторических записок».

Цель и задачи изучения исторических записей

Исследование зарубежного перевода канонических книг: зарубежный перевод китайских канонических книг раскрывает мировое значение китайской культуры, культурные канонические книги имеют глубокую этническую и эпохальную природу, поэтому результаты исследований зарубежного перевода канонических книг являются плодотворными. Имеющиеся достижения можно разделить на следующие три категории:

Макроисследование зарубежного перевода канонических книг. Ученые проводят макроисследования и анализируют историю и практику зарубежного перевода, определяют основную историческую линию зарубежного перевода китайских канонических книг, обобщают законы и методы зарубежного перевода с помощью горизонтальных и вертикальных сравнительных исследований, чтобы внести вклад в распространение китайской культурной классики за рубежом, например Чжан Сипин [4, с. 105-110], Цзи Хунцин, Лун Цзяи [5, с. 88-92], Го Лиян [6, с. 6-7]. Иностранный перевод играет ключевую роль в распространении традиционной китайской культуры, на данном этапе некоторые ученые считают, что перевод китайской классики имеет мало продаж, не имеет широкого распространения и не достигает ожидаемого эффекта распространения культуры, это лучше, чем не переводить, поэтому переводческое сообщество обсуждает вопрос о выборе основного корпуса перевода канонических книг, например Ян Цзюньцзюнь, Лю Цзыюэ [7, с. 90-91], Чжао Чанцзян, Лю Яньчунь [8, с.60-65], Чэнь Мэй, Вэнь Цзюнь [9, с. 35-38], Лю Лишэн и Ляо Чжицин [10, с. 96-100], Ли Минбин [11, с. 50-56] и др.

Проблема переводческой стратегии в зарубежном переводе канонических книг. Ученые проводят текстуальный анализ или сопоставление конкретного произведения, изучают субъективное сознание переводчика и теории, на которых оно основано, и предлагают сочетание терминологической переводческой практики и теоретических исследований, представляя большое количество культурных терминов, используемых в канонических переводах. Например, Е Хуэйцзюнь, Чэнь Шуансинь [12, с. 47-51], Ян Цзыцзянь [13, с. 60-62], Ван Цюхай [14, с. 110-113], Ли Ян-

цзян, Чжан Минюэ, Лю Цзехуэй [15, с. 51-53], Чжао Янцзян [16, с. 57-61], Ян Гоцян [17, с. 63-66] и др. С быстрым развитием и широким использованием компьютерных технологий появились также работы по анализу стилей переводчиков с помощью корпусов, например, Ню Цзян, Ли Ин Юй [18, с. 134-138].

Передача ценностей и культурных откровений при переводе канонических книг. Китайские канонические книги были переведены на многие иностранные языки, благодаря чему китайская мысль и культура общаются и взаимодействуют с читателями во всем мире. Поэтому значение зарубежных переводов канонических книг очень велико, например, Хэ Лэжун [19, с. 153-157], Чжоу Синькай, Сюй Цзюнь [20, с. 70-74], Цзэн Чуньянь, Фу Сяолин [21, с. 57-60] и др.

Проведенный анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе существует меньше исследований, посвященных переводческому стилю зарубежных переводов древних книг, и меньше комплексных введений к вяткинскому переводу «Исторических записок». **Поэтому в данной работе** будут всесторонне собраны и отсортированы имеющиеся материалы исследований канонического иностранного перевода, включающие литературу, связанную с переводом «Исторических записок» в России, содержание переводческих исследований по русскому переводу, а также новейшие сведения о канонических иностранных переводах, и предпринята попытка получить исчерпывающую информацию, чтобы предоставить материалы и корпус для исследования. **В целях** обогащения образцов переводческих стилей канонических иностранных переводов, обеспечения методологической базы для изучения канонических переводов для будущих поколений, а также теоретической и эмпирической поддержки перспективы канонических иностранных переводов.

Научная новизна подбора материалов: История русского перевода «Ши Цзи»

Впервые «Ши Цзи» была представлена в России в конце XVIII века во время правления Екатерины II, когда «Бум китаеведения», центром которой была Франция, привела к тому, что Россия присоединилась к этой волне, что способствовало развитию торговли между Китаем и Россией, а экономический обмен часто приводил к межкультурному обмену. Именно на этой волне европейской «Бум китаеведения» жизнь и труды Сыма Цяня были представлены русской интеллигенции, привлекли внимание известного русского интеллектуала и придворного переводчика

Вилевкина, который перевел и представил жизнь Сыма Цяня и книгу «Ши Цзи».

В 1807 г. Н.Я. Бичурин, известный как «основатель русского китаеведения», прибыл в Китай на учебу в качестве главы девятой русской православной миссии и за время своего почти четырнадцатилетнего пребывания в Китае перевел ряд китайских текстов, в том числе и «Ши Цзи». Во втором томе «История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», изданном в 1851 году, есть запись о его переводах «Повествование о сюнну» и «Историческая биография страны Даюань».

В советский период перевод «Ши Цзи» был поставлен как рабочий проект Института востоковедения Академии наук СССР: в 1934 г. В.М. Алексеев возглавил группу переводчиков «Ши Цзи» во главе со своими учениками Ю.К. Щуцким, Б.А. Васильевым, Л.И. Дыманом, А.А. Петовым, З.И. Горбачевой, Л.В. Симоновским, но из-за политических волн перевод «Ши Цзи» не был осуществлен. Группа переводчиков начала работу, но в связи с политическими подъемами и спадами, а также во время войны проект был прекращен, и от него остались лишь остатки рукописей, переведенных В.М. Алексеевым. В 1943 г. Алексеев вновь продолжил перевод «Ши Цзи» вместе с Лонговым. Сокращенный перевод «Ши Цзи» Алексеева насчитывал семнадцать статей, записи которых можно найти в его переводе «Классической китайской прозы». Хотя работа Алексеева не была завершена, его труд создал атмосферу для изучения истории Китая в советском китаеведении, что привело к повышению статуса китаеведения в области советского востоковедения в 1949 году. В 1956 г. переводчик Панасюк опубликовал сокращенный вариант «Ши Цзи», в основном «ляньчжуанскую» часть «Ши Цзи», а его перевод лянчжуанских произведений был занесен в «Избранные произведения китайской литературы».

В середине 1950-х гг. у заместителя директора Института китаеведения АН СССР Р.В. Вяткина возникла идея полного русского перевода и аннотирования «Ши Цзи». Вместе со своим коллегой В.С. Таскиным, хорошо знавшим древние языки, он работал над русским переводом «Ши Цзи», представив первый и второй тома нового русского аннотированного издания «Ши Цзи» («Ши Цзи», тома I-IV - «записи о пяти императорах», «записи о династии Ся», «записи о династии Инь», «записи о династии Чжоу»; «Ши Цзи», тома V-XII - «записи о династии Цинь», «записи о первом императоре династии Цинь», «записи о Сян Юе», «записи о императоре Гао-цзу», «записи о императрице Люй», «записи о импера-

торе Сяо-вэнь», «записи о императоре Сяо-цзине», «записи о императоре Сяо-у». После этого Р.В. Вяткин самостоятельно перевел и другие части «Ши Цзи». Перед смертью в 1995 г. Р.В. Вяткин издал с третьего по шестой тома аннотированного русского перевода «Ши Цзи» (всего в русском переводе «Ши Цзи» насчитывается шестьдесят томов). В 1996 и 2002 годах при содействии А.М. Карапетьянца были изданы седьмой и восьмой тома аннотированного русского перевода «Ши Цзи», что позволило опубликовать русский перевод первых 110 книг «Ши Цзи». В 2010 году, к столетию со дня рождения Р.В. Вяткина, был издан девятый том русского перевода «Ши Цзи», который завершил амбициозный проект, длившийся более 40 лет, и возвестил о появлении первого полностью переведенного и аннотированного варианта «Ши Цзи» на европейском языке [22, с. 102-113].

Поэтому среди множества русских переводов «Ши Цзи» наиболее ценным для академических исследований является перевод Р.В. Вяткина, и в данной статье в качестве примера взяты пассивные предложения в полном переводе «Ши Цзи» Р.В. Вяткина.

Иллюстративный анализ в сочетании теории и практики: Определение пассивных предложений

Как в китайском, так и в русском языках есть выражение пассивной структуры, в которой субъектом является не отправитель движения, а его перенос. В современном китайском языке перед глаголом у пассивных, как правило, есть предлог «бэй 被» (или «ю 由» или «жан 让» или «цзян 叫» и т.д.), в то время как пассивные предложения в древнем китайском языке делятся на две основные категории пассивных предложений с указаниями и без них. В древнем китайском языке в качестве признаков пассивных предложений обычно употреблялись пассивные ложные слова [23, с. 17-86]. Если взглянуть на пассивные предложения в «Ши Цзи», то, как правило, это знак пассивного предложения, обычно используемый «вэй 为», «цзянь 见», «юй 于», «бэй 被», поэтому пассивные предложения, имеющие знак, можно в целом разделить на четыре категории:

1. Для выражения пассивных отношений используется «вэй 为». «вэй 为» ставится перед глаголом, чтобы ввести субъект действия, и имеет структуру: «вэй 为+субъект действия+глагол» или «вэй 为+субъект действия+со 所+глагол»;

2. Для выражения пассивных отношений используется «цзянь 见». «цзянь 见» ставится перед глаголом или после глагола добавляется «юй

于», чтобы ввести субъект действия. Структура таких предложений: «цзянь 见+глагол» или «цзянь 见+глагол+юй 于+субъект действия»;

3. Для выражения пассивных отношений используется предлог «юй 于». «юй 于» ставится после глагола, чтобы ввести субъект действия, и имеет структуру: «глагол+юй 于+субъект действия»;

4. Для выражения пассивных отношений используется «бэй 被». Изначально в древнекитайском «бэй 被» был однозначным глаголом со значением «подвергаться». С развитием языка «бэй 被» постепенно утратил лексическое значение и стал использоваться как предлог перед глаголом. Такая конструкция с предлогом «бэй 被» перед глаголом в древнекитайском обычно рассматривается как эллиптическая, не вводящая прямо субъект действия, и имеет структуру «бэй 被+глагол».

А пассивное предложение без знака формально является активным предложением, но субъект является носителем действия и пассивен в мыслях. Пассивные предложения в древнекитайском языке изначально не имели знаков, а пассивные предложения с знаками также были регулярными предложениями, сформированными на основе отсутствия знаков. Но такие пассивные предложения без знаков встречаются в древнем китайском языке в огромном количестве, и они тесно связаны с контекстом.

Перевод пассивных фраз в «Ши Цзи»

В русском языке выражение пассивного предложения выражается либо динамическим глаголом с '—ся', либо пассивным глаголом (особенно в его короткой форме), либо неопределенным личным предложением. Итак, в процессе перевода с китайского на русский, о том, что происходит с пассивным переводом на древнекитайский язык в России, в этой статье будут рассмотрены и проанализированы пассивные предложения в различных статьях на примере подборки из «Ши Цзи». Анализируем перевод пассивных предложений в «Ши Цзи» в соответствии с классификацией пассивных предложений в древнекитайском языке:

1. Маркированные пассивные предложения

1.1 Пассивные предложения, обозначенные словом «вэй 为».

Основная формула - [вэй 为 + (объект) + глагол]. «вэй 为» - это предлог, и объект, который он вводит, фактически является исполнителем действия.

Большинство пассивных предложений в «Ши Цзи» имеют объект после «вэй 为».

吾子，白帝子也，化为蛇，当道；今为赤帝子斩之，故哭。（高祖本纪）

«Мой сын — это сын Белого императора — Бай-ди. Превратившись в

змею, он преградил дорогу. Сейчас его зарубил сын Красного императора — Чи-ди, вот почему я и рыдаю. [3]

兵搃地削，亡其六郡，身客死於秦，为天下笑。（屈原贾生列传）

В результате войска его были разгромлены, земли отторгнуты, он потерял 6 областей и сам, оказавшись пленником, умер в Цинь, став посмешищем для всей Поднебесной. [3]

今诚以吾众诈自称公子扶苏、项燕，为天下唱，宜多应者。（《陈涉世家》）

Если сейчас мы прямо объявим себя царевичем Фу Су и Сян Янем и призовем Поднебесную идти, за нами, то непременно множество людей откликнется на это. [3]

吴广素爱人，士卒多为用者。（《陈涉世家》）

У Гуан всегда относился к людям хорошо, и многие из мобилизованных солдат охотно служили ему. [3]

В роли тех, кто совершает поступки после слова «вэй 为» выступают местоимения, которым в «Ши Цзи» есть множество примеров:

唉！竖子不足与谋。夺项王天下者必沛公也，吾属今为之虏矣。（项羽本纪）

«Ах, этот глупец не достоин того, чтобы разрабатывать с ним планы! Человеком, который отнимет у Сян-вана Поднебесную, будет не кто иной, как Пэй-гун, а все мы в тот день сделаемся его пленниками!» [3]

项羽有一范增而不能用，此其所以为我擒也。（高祖本纪）

У Сян Юя был лишь один Фань Цзэн, да и того он не сумел использовать. Вот почему он оказался моим пленником. [3]

Некоторые из них после «вэй 为» не появляются исполнители, например:

将军何不还兵与诸侯为从，约共攻秦，分王其地，南面称孤；此孰与身伏铁质，妻子为戮乎？（项羽本纪）

Почему бы вам, командующий, не повернуть свои войска и не вступить с чжухоу в союз по вертикали, договориться с ними о совместном нападении на Цинь, разделить его земли и править ими? И тогда каждый из нас обратит свое лицо на юг и назовет себя правителем. Разве это не лучше, чем самому положить голову под топор и подвергнуть казни жену и детей?» [3]

今犯法已论，而使毋罪之父母妻子同产坐之，及为收籛，朕甚不取。（孝文本纪）

Ныне, определив вину нарушившего закон, вместе с ним наказывают его безвинных родителей, жену и других членов рода, вплоть до превра-

щения их в рабов. [3]

1.2 Пассивные предложения, обозначенные словом «цзянь 见».

Подключите глагол после «цзянь 见»:

姬子何为见杀? (高祖本纪)

«Почему же твой сын был убит?» [3]

举世混浊而我独清，众人皆醉而我独醒，是以见放。(《屈原列传》)

«Весь мир грязен и мутен, только я чист; все люди опьянели, только я трезв. Поэтому меня и изгнали.» [3]

何故怀瑾握瑜，而自令见放为? 《屈原列传》

Почему вы, обладая [талантами, подобными] яшме и самоцветам, изгнаны? [3]

楚有宋玉、唐勒、景差之徒者，皆好辞而以赋见称。(《屈原列传》)

В царстве Чу после смерти Цюй Юаня жили его последователи - поэты Сун Юй, Тан Лэ, Цзин Ча, которые хорошо владели словом и прославились своими одами фу. [3]

Между глаголом «цзянь 见» и глаголом не видно инициатора действия, и если необходимо ввести инициатора, то после глагола часто следует предлог «юй 於»

吾尝三仕三见逐於君，鲍叔不以我为不肖，知我不遭时也。(管晏列传)

Я трижды пытался поступить на службу, и трижды меня прогоняли, [но] Бао Шу не счел меня никчемным - [он] знал, что время мое еще не наступило. [3]

且夫有高人之行者固见非於世；有独知之虑者，必见敖於民。愚者闇於成事，知者见於未萌。(商君列传)

Кроме того, действия, находящиеся выше понимания [простых] людей, непременно встречают противодействие со стороны современников. Того, кто умеет размышлять и имеет собственное мнение, обязательно будут осуждать. [Говорят, что] глупец никогда толком не знает, как завершить дело; знающий же схватывает [суть] дела еще до того, как она начинается проявляться. [3]

且夫臣人与见臣於人，制人与见制於人，岂可同日道哉！(李斯列传)

Ведь повелевать людьми или быть подданным другого человека, распоряжаться людьми или находиться в распоряжении других — это не одно и то же!» [3]

孟轲，驹人也。受业子思之门人。道既通，游事齐宣王，宣王不能用。適梁，梁惠王不果所言，则见以为迂远而阔於事情。(孟子荀卿列传)

Мэн Кэ, родом из Цзоу, был последователем Цзы Сы. Овладев основами учения, он отправился служить к цискому Сюаньвану, но Сюань-

ван не смог найти ему применения. [Тогда Мэнцзы] отправился в Лян (Большое Вэй). Лянский Хуэй-ван не внял его словам, поскольку счел его поучения слишком отвлеченными и оторванными от реальных дел. [3]

1.3 Пассивные предложения, обозначенные словом «юй 于 (於)».

В «Ши Цзи» пассивное слово «юй 于» в редких случаях сохранилось почти только в официальных посланиях императоров или, возможно, было переведено Сыма Цянем из других источников, в которых записаны исторические события, например:

今乃幸以天年，得复供养于高庙，朕之不明与嘉之，其奚悲哀之有！
(孝文本纪)

Сейчас, к счастью, Мы подошли к концу дней, дарованных Нам Небом, и сможем удостоиться подношений и забот в храме Гао-цзу, для Нас, не обладающих мудростью, это счастье. Чего же печалиться и скорбеть! [3]

怀王以不知忠臣之分，故内惑於郑袖，外欺於张仪。（屈原贾生列传）

Хуай-ван не умел распознавать преданных ему слуг, а потому и был запутан Чжэн Сю, обманут Чжан И. [3]

今西面而事之，见臣於秦。夫破人之与破於人也，臣人之与臣於人也，岂可同日而论哉！！（苏秦列传）

Однако сейчас вы, князь, обращаетесь лицом к западу и служите Цинь, находясь у него в подчинении. Но разве можно одновременно толковать о том, что надо бить врага, и стремиться быть разбитым, подчинять себе людей и становиться их подданным? [3]

1.4 Пассивные предложения, обозначенные словом «бэй 被».

Предлог «бэй 被» + глагол:

信而见疑，忠而被谤，能无怨乎？（屈原列传）

Быть верным, но попасть под подозрение, быть преданным, но стать жертвой клеветы, - разве этим можно не возмутиться? [3]

2. Немаркированное пассивное предложение

Пассивные предложения без знаков просты и понятны, без фиксированного предложения и конкретного слова знака, но такие выражения соответствуют китайским экспрессивным привычкам, поэтому нельзя отрицать смысл их существования.

其行廉，故死而不容于世。（《屈原列传》）

Так как деяния его были бескорыстны, то он предпочитал умереть, но не отходить [от чуских дел]. [3]

屈平既绌。（《屈原列传》）

После того как Цюй Пин был снят со своих постов и изгнан, циньский правитель вознамерился напасть на Ци. [3]

是时屈平既疏，不复在位，使于齐。(《屈原列传》)

В то время Цюй Пин был отлучен от дел, лишен своих постов и отправлен в княжество Ци.[3]

尝与人佣耕，辍耕之垄上， 怅恨久之，曰：“苟富贵，无相忘。”
(《陈涉世家》)

В свои юные годы Чэнь Шэ нанимался обрабатывать землю. Однажды, бросив пахать, он сел передохнуть на меже и с затаенной надеждой сказал: «Если я стану богатым и знатным, то не забуду вас». [3]

若为佣耕，何富贵也？(《陈涉世家》)

Ты нанимаешься к людям обрабатывать землю — откуда же быть богатству и знатности? [3]

陈胜、吴广皆次当行，为屯长。(《陈涉世家》)

Чэнь Шэ и У Гуан должны были следовать с этой партией мобилизованных, так как были [назначены] начальниками небольших групп.[3]

会天大雨，道不通，度已失期。失期，法皆斩。(《陈涉世家》)

Но в это время прошли такие обильные дожди, что дорога стала непроходимой. Они рассудили, что срок [прибытия] уже нарушили, а за опоздание, согласно закону, все они подлежали казни. [3]

Из вышесказанного следует, что при переводе «Ши Цзи» переводчики придерживались различной сущности перевода, а именно точного и полного изложения того, что выражено на другом языке, с использованием множества выражений на одном языке. В ходе этого процесса происходили частичные изменения в зависимости от различий между двумя языками и культурами, которые отличаются особым знанием контекста и историко-культурными особенностями и поэтому не могут быть полностью воспроизведены другим языком в процессе перевода.

Заключение

В данной статье собраны и обобщены уже имеющиеся материалы зарубежного перевода, в том числе соответствующие документы о переводе «Ши Цзи» в России, а также содержание исследования о переводе «Ши Цзи» в России и новейшие материалы зарубежного перевода в целях всестороннего уточнения истории перевода «Ши Цзи» в России. Исследование показало, при переводе пассивных предложений с древнекитайского языка на русский переводчик не использовал классификацию пассивных предложений на древнекитайском языке в качестве ссылки для перевода, т.е. классификация пассивных предложений на древнекитайском языке не была учтена в процессе перевода. В древнекитайском языке много пас-

сивных выражений, и с учетом того, что переводчик хорошо понимает пассивные предложения древнекитайского языка, пассивные выражения русского языка также очень гибки в процессе перевода.

Таким образом, в настоящем исследовании рассмотрена основная ситуация с русским переводом «Ши Цзи» и его переводческие особенности. **На уровне теоретической значимости** оно дает методологическую основу для будущих исследований ученых в области перевода канонических книг, при этом в процессе перевода невозможно полностью воспроизвести оригинальный текст на языках разных культур, а некоторые специальные фразы интерпретированы в соответствии с культурой стран языка перевода, чтобы максимально передать смысл оригинального произведения. **На уровне практической значимости** в работе представлен эмпирический анализ перспектив перевода канонических книг. На примере пассивных предложений, на основе грамматической классификации пассивных предложений в древнекитайском языке, установлено, что китайская классификация не принимается в процессе русского перевода, что является убедительным доказательством и окажет большую помощь в наших исследованиях по русскому переводу древнекитайских канонических произведений.

Список литературы:

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Изд-во Акад. наук СССР, 1951.
2. Алексеев В.М. Китайская литература. Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. 1940.
3. Вяткин Р.В., Сыма Цянь. Исторические записки. Москва: Наука: Главная редакция Восточной литературы. 1986.
4. Чжан Сипин. Межкультурная перспектива изучения зарубежных переводов древних китайских классиков. Журнал Синьцзянского педагогического университета, 2015. С. 105-110.
5. Цзи Хунцинь, Лун Цзи. Зарубежный перевод историографических и литературных канонов Китая История и современное состояние. Журнал Чэндуского университета, 2017. С. 88-92.
6. Го Лиан. Анализ существующего положения и обсуждение ответных мер по зарубежному переводу классической литературы. Журнал Даляньского института иностранных языков, 2012. С. 6-7.
7. Ян Цзюньцзюнь, Лю Цзюэ. «Один пояс, один путь» - китайская классика, переведенная за рубеж. Журнал Цзилиньского радиотелевизионного университета, 2016. С. 90-91.
8. Чжао Янцзы, Лю Яньчунь. Состояние перевода и исследований китайских классиков, вопросы исследований и перспективы на будущее. Яньшаньский университет, 2014. С. 60-65.
9. Чэнь Мэй, Вэнь Цзюнь. Изучение рынка и открытия китайского классического перевода на английский язык для зарубежного чтения: Опрос английского перевода китайских классических книг в книжном Интернете Амазонки (Amazon). Обучение иностранным языкам, 2011. С. 96-100.
10. Лю Лишэн, Лю Чжидинь. Исследование по отбору переводчиков и развитию способностей переводчиков по классификации национальной науки. Исследование современных иностранных языков, 2011. С. 35-38.
11. Ли Минбинь. Переводы и исследования китайских культурных классиков зарубежными странами с начала новой эпохи. Журнал университета Хуацяо, 1998. С. 50-56.
12. Е Хуэйцзюнь, Чэнь Шуань Синь. Текущее состояние изучения и размышления о переводе терминологии классической литературы. Журнал Университета Северного Китая, 2015. С. 47-51.
13. Ян Цзыцзюнь. Сопоставление языка с китайским и английским переводами. Иностранные языки и преподавание иностранных языков, 2005. С. 60-62.
14. Ван Цюхай. Значение классического английского перевода с точки зрения деконструктивизма и о трех методах перевода Зонтага. Журнал Столичного педагогического университета, 2006. № 12. С. 110-113.
15. Ли Янцзян, Чжан Минъюэ, Лю Цзехуэй. Экологический перевод-новый взгляд на зарубежный перевод классических книг. Журнал Ляонинского технологического университета, 2014. С. 51-53.
16. Чжао Янцзян. Перевод Жуков на Жунов, распространение Евангелия: оценка первого перевода «Сышу» на английский

язык. Журнал Тяньцзиньского университета иностранных языков, 2012. С. 57-61.

17. Ян Гоцян. Зарубежный перевод классической книги «Мо Цзы»: Размышления в контексте культурной глобализации. Журнал Ланфанского педагогического института, 2011. С. 63-66.
18. Ню Цзянь, Ли Ин Юй. Исследование стиля перевода Гэ Хаовэня на основе корпуса. Журнал Чунцинского университета путей сообщения, 2018. С. 134-138.
19. Хэ Лэжун. Развитие зарубежного перевода китайских канонических произведений и его эмпирическое откровение для зарубежного перевода национальных канонических произведений. Гуйчжоуское этническое исследование, 2017. С. 153-157.
20. Чжоу Синькай, Сюй Цзюнь. Китайские культурные ценности и зарубежный перевод канонов китайской культуры. Иностранные языки и преподавание иностранных языков, 2015. С. 70-74.
21. Цзэн Чуньянь, Фу Сяолин. Зарубежный перевод культурных канонов и культурное сознание. Язык и перевод, 2010. С. 57-60.
22. Лю Жуюмэй. Собрание и перевод «Ши Ци» в России. Общественные науки, Гуандун, 2014. С. 102-113.
23. Ян Боцзюнь, Хэлэши. Грамматика древнекитайского языка и ее развитие. Beijing: Yingwei Press, 1992. С. 17-86.

Bibliography

1. Bichurin N.Ya. A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. Publishing house Acad. Sciences USSR, 1951.
2. Alekseev V.M. Chinese literature. China: History, economy, culture, heroic struggle for national independence. 1940.
3. Vyatkin R.V., Sima Qian. Historical notes. Moscow: Science: Main editorial office of Eastern literature. 1986.
4. Zhang Xiping. A cross-cultural perspective on the study of foreign translations of ancient Chinese classics. Journal of Xinjiang Normal University, 2015. P. 105-110.
5. Ji Hongqin, Long Jiayi. Foreign translation of the historiographical and literary canons of China History and current state. Journal of Chengdu University, 2017. P. 88-92.
6. Guo Liyan. Analysis of the current situation and discussion of responses to foreign translation of classical literature. Journal of the Dalian Institute of Foreign Languages, 2012. P. 6-7.
7. Yang Junjun, Liu Jiyue. "One Belt, One Road" is a Chinese classic translated abroad. Journal of Jilin Radio and Television University, 2016. P. 90-91.
8. Zhao Yangtze, Liu Yanchun. The state of translation and research of Chinese classics, research issues and future prospects. Yanshan University, 2014. P. 60-65.
9. Chen Mei, Wen Jun. Market Study and Revelations of Chinese Classics Translation into English for Overseas Reading: A Survey of English Translations of Chinese Classics on Amazon Books Online. Teaching foreign languages, 2011. P. 96-100.
10. Liu Lisheng, Liao Zhiqin. Research on the selection of translators and the development of translators' abilities according to the classification of national science. Research of modern foreign languages, 2011. P. 35-38.
11. Li Minbin. Translations and studies of Chinese cultural classics by foreign countries since the beginning of the modern era. Journal of Huaqiao University, 1998. P. 50-56.
12. Ye Huijun, Chen Shuan Xin. The current state of study and reflection on the translation of the terminology of classical literature. Journal of North China University, 2015. P. 47-51.
13. Yang Zijian. Language comparison with Chinese and English translations. Foreign languages and teaching foreign languages, 2005. P. 60-62.
14. Wang Qiuhai. The meaning of classical English translation from the point of view of deconstruction - and about Sontag's three methods of translation. Journal of the Capital Pedagogical University, 2006. № 12. P. 110-113.
15. Li Yangjiang, Zhang Mingyue, Liu Zehui. Ecological translation - a new look at foreign translation of classic books. Journal of Liaoning University of Technology, 2014. P. 51-53.
16. Zhao Yangjiang. Translation of Zhukov into Zhunov, spreading the Gospel: an assessment of the first translation of "Syshu" into English. Journal of Tianjin Foreign Studies University, 2012. P. 57-61.
17. Yang Guoqiang. Foreign translation of the classic book "Mo Tzu": Reflections in the context of cultural globalization. Journal of Lanfang Pedagogical Institute, 2011. P. 63-66.
18. Niu Jiang, Li Ying Yu. A corpus-based study of Ge Haowen's translation style. Journal of Chongqing University of Railways, 2018. P. 134-138.
19. He Lezong. The development of foreign translation of Chinese canonical works and its empirical revelation for foreign translation of national canonical works. Guizhou Ethnic Research, 2017. P. 153-157.
20. Zhou Xinkai, Xu Jun. Chinese cultural values and foreign translation of the canons of Chinese culture. Foreign languages and foreign language teaching, 2015. P. 70-74.
21. Zeng Chunlian, Fu Xiaoling. Foreign translation of cultural canons and cultural consciousness. Language and translation, 2010. P. 57-60.
22. Liu Ruomei. Collection and translation of "Shi Ji" in Russia. Social Sciences, Guangdong, 2014. P. 102-113.
23. Yang Bojun, Heleshi. Grammar of the ancient Chinese language and its development. Beijing: Yingwei Press, 1992. P. 17-86.

К

РУГЛЫЙ СТОЛ

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Михайленко А.Н.

*Доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой
международной безопасности и внешнеполитической деятельности России
Факультета национальной безопасности
Института права и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Международный круглый стол в Президентской академии

16 апреля 2024 г. кафедра международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Президентской академии и редакция журнала «Этносоциум и межнациональная культура» провели Международный круглый стол на тему «Внешняя политика России в условиях трансформации мирового порядка». Тема МКС является весьма актуальной и важной в связи с обострением обстановки в мире и потребности в нахождении новых средств и методов внешнеполитической деятельности России по становлению многополярного мира.

Открывая МКС, заведующий кафедрой МБиВПДР, доктор политических наук, профессор А.Н. Михайленко отметил важность влияния духовно-нравственных ценностей на формирование нового мирового порядка. Сопоставляя подходы к духовно-нравственным ценностям в Европейском союзе и объединении БРИКС, он показал разницу в уходящем старом и формирующемся новом мировых порядках. По его мнению, для более эффективного развития БРИКС на основе традиционных духовно-нравственных ценностей государствам-членам необходимо глубже познавать друг друга, развивать более гибкие механизмы взаимодействия и больше внимания уделять своевременному выявлению и разрешению имеющихся между ними противоречий.

Участники МКС затронули различные аспекты становления нового мирового порядка. Доктор политических наук, профессор кафедры МБиВПДР Д.Ю. Базаркина рассказала об идеологических основах ультраправого терроризма на фоне глобального политического кризиса. В ее докладе была дана классификация основных ультраправых идеологических направлений, таких, как неонацистские, антиисламские и анти-

иммигрантские движения, идентитарное движение и «суверенные граждане». Также был представлен анализ таких важных для ультраправых концепций, как «сопротивление без лидера» (“Siege Culture”) и акселерационизм – использование насилия, включая террористические акты, с целью вызвать «расовую войну» и падение существующих социальных и политических систем.

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры МБиВПДР В.С. Буянов выступил с сообщением на тему «Концепция нового миропорядка: разные подходы». Он изложил историю и эволюцию идеи многополярного мира, ее теоретические и политические трактовки в современной России. Были охарактеризованы и другие, альтернативные модели формирующегося мироустройства. Особое внимание было обращено на необходимость многостороннего понимания и интерпретации самой категории «мировой порядок».

Профессор кафедры экономической политики и государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор политических наук, профессор С.А. Кизима остановился на проблемах и перспективах развития Союзного государства. По его мнению, мощное санкционное давление со стороны стран Запада придало новый импульс интеграционным процессам в Союзном государстве, и в непосредственном выигрыше оказались самые инновационные отрасли экономики России и Беларуси.

Профессор кафедры МБиВПДР, доктор философских наук, профессор С.Г. Киселев отметил реконфигурацию блоковых структур в условиях трансформации миропорядка на примере Азиатско-Тихоокеанского/Индо-Тихоокеанского региона. Он обратил внимание на формирующийся в нынешней геополитической ситуации тренд переконфигурации союзов, альянсов и блоковых структур. АТР/ИТР становится мега-регионом – средоточием интересов основных акторов международных отношений со своими стратегиями по вопросам региональной политики и безопасности, новым центром мировой политики и экономики, еще одним «водоразделом» мировой политики, с меняющейся геополитической и геостратегической конфигурацией, построенной (можно сказать, по локальному и функциональному сетевому принципу), серьезным фактором обеспечения не только региональной, но глобальной безопасности.

Профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности, кандидат исторических наук, доцент Е.Г. Никитенко обра-

тил внимание на новые опасности и угрозы российской государственной и цивилизационной безопасности в XXI веке.

Доктор военных наук, профессор, профессор той же кафедры М.А. Родионов проанализировал особенности политических элит в современных условиях. Исходя из особенностей современной геополитической ситуации он проанализировал процесс возрастания роли и места политических элит в управлении современным обществом, государством, бизнесом и глобальными процессами. Основное внимание в докладе было уделено вызовам и угрозам при обострении международной обстановки, связанным с ними рисками. На основе выявленных трендов была рассмотрена динамика современного политического лидерства и элитизма в формирующемся новом мировом порядке.

Доцент кафедры МБиВПДР, кандидат политических наук, доцент Н.А. Тамарчина привела Вишеградскую группу как пример регионального сотрудничества в условиях изменения миропорядка. В её выступлении были рассмотрены внутренние и международные факторы, повлиявшие на начало субрегионального сотрудничества в рамках Вишеградской четверки, а также этапы этого сотрудничества и причины, которые привели к снижению динамики центральноевропейского взаимодействия. Вишеградская четверка сохранилась, но задачи на каждом следующем этапе сотрудничества ее членов уже различались. И, наконец, прогноз на будущее формата субрегионального сотрудничества не совсем ясен в условиях трансформации системы международных отношений. Часть Вишеградской четверки смотрит на Север Европы в поисках надежных партнеров на европейском континенте, другая часть надеется установить нормальные отношения с Россией.

В МКС приняли участие аспиранты кафедры МБиВПДР. Саид Ари Шорш из Ирака рассмотрел перспективы развития российско-иракского сотрудничества на современном этапе. Мохаммад Хадави из Ирана проанализировал подходы России и Ирана к урегулированию конфликтов. Ожет Шегирбаев из Казахстана оценил текущее сотрудничество Казахстана и России в свете 10-летия Договора о добрососедстве и союзничестве в XXI веке.

На Круглом столе прозвучал ряд идей, которые развивают положения принятой в 2023 г. Концепции внешней политики Российской Федерации. Они получают дальнейшее развитие в научных статьях, монографиях и диссертациях участников Международного круглого стола.

СОЦИОЛОГИЯ

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

*Белгородский государственный технологический
университет имени В.Г. Шухова*

Знахарчук Ф.Р.

Аспирант кафедры социальных технологий
и государственной службы, Белгородский
государственный национальный исследовательский университет.

Конев И.В.

Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии
и управления, Белгородский государственный
технологический университет имени В.Г. Шухова.

Комплексный подход к ресурсному обеспечению производственной организации

Одной из актуальных проблем оптимизации управления производственными организациями является его полномасштабное ресурсное обеспечение, что предполагает: во-первых, выявление и идентификацию возможных ресурсов, во-вторых, определение условий и путей их использования, в-третьих, определение возможных путей наращивания производственных ресурсов.

Выделим и представим краткую характеристику возможных ресурсов управления организацией. *Профессионально-трудовой ресурс* организации характеризуют способности ее персонала к осуществлению определенных трудовых функций¹. *Кадровые ресурсы* характеризуют персонал организации по параметрам: половозрастная структура, профессионально-квалификационная структура, уровень специальной подготовки.² *Образовательный ресурс* организации – это уровень общего и профессионального образования персонала организации, оцениваемый с точки зрения его соответствия характеру решаемых (производственных, экономических и др.) задач³. *Инновационный ресурс* выражает готовность персонала организации к нововведениям, адекватное восприятие предлагаемых и осуществляемых инноваций⁴. Уровень взаимопонимания сотрудников организации как участников

1 Моськин Р. Повышение качества трудовых ресурсов // Человек и труд. 2001. №9.

2 Захаров В.М. Беспаленко П.Н., Соловьев О.В. Кадровое обеспечение государственной молодежной политики (на материалах Белгородской области). Белгород: БелГУ, 2003. 213 с.

3 Горшков М.К., Ключарев Г.А., Козырева П.М., Константиновский Д.Л., Кифанова Е.Н., Халий И.А. Образование в социальных контекстах (предисловие) // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 7-11.

4 Конев И.В. Инновационная готовность персонала организации: диагностика и пути повышения. Белгород: изд-во БелГУ, 2000.

совместной деятельности характеризуют *коммуникативные ресурсы*⁵. Тесно связан с ними *информационный ресурс*, характеризующий качество служебной информации, исправность каналов ее передачи, наличие информационных «фильтров» и т.п. Информационное взаимодействие сотрудников организации создает основу для формирования и развития компаративных и состязательных отношений⁶. *Компаративно-состязательный ресурс* выражает функциональный потенциал отношений социального сравнения и состязательности⁷. Выполнение сотрудниками организаций своих обещаний и обязательств, единство слова и дела в их служебных и личных отношениях выражает суть *конвенционального ресурса*⁸. Особо важное значение имеет *мотивационный ресурс*, связанный с рациональным использованием не только традиционных, но и обновляемых стимулов⁹. Близок к нему по содержанию *оценочный ресурс*. Оценка – мощный инструмент управленческого воздействия¹⁰. Что касается *социально-психологического ресурса* управления организацией, то он связан, прежде всего, с механизмами группового воздействия, групповыми нормами и санкциями. С механизмами социально-психологического заражения и психологического поглаживания связан *психоэмоциональный ресурс*¹¹. *Социально-экологический ресурс* объединяет факторы, образующие среду жизнедеятельности персонала организации¹². *Социокультурный ресурс* связан с организационной культурой организации, ее ценностями и нормами, традициями и ритуалами¹³. Большие возможности для эффективного управления организацией заложены в *социально-технологическом ресурсе*, выражающем функционально-целевые, нормативные, операци-

5 Данакин Н.С., Конев И.В., Коротыцкая М.В. Коммуникативная технология. Белгород: Белгородское областное издательство, 2007. 170 с.

6 Старостова Е.А. Проблемы информационного обеспечения целевого управления организацией // Умный город: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17-18 февраля 2012 г.) / под ред. С.А. Боженова, А.А. Гармашева, В.А. Воронова и др. Белгород: КОНСТАНТА, 2012. С. 242-246.

7 Хашиева С.В. Состязательный механизм социальной регуляции. Белгород: Изд-во БГТУ, 2009. 148 с.

8 Данакин Н.С., Конев И.В. Конвенционально-договорная культура деловых отношений. Белгород: ИП Осташенко А.А., 2011. 164 с.

9 Дурыхин М.И. Традиции и инновации в управлении процессами трудовой мотивации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 212 с.

10 Данакин Н.С., Сухинов М.С. Управленческая оценка как объект социологического исследования. Белгород: ООО «Логия», 2003. 180 с.

11 Данакин Н.С., Евминов К.Н., Конев И.В. Групповое влияние на организационное поведение. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2014. 256 с.

12 Аркатова О.Г., Ярмош Т.С. Структурный анализ жизненной среды человека // Социальные структуры и процессы: Сб. научных статей. Вып. V. Белгород: ИП Осташенко, 2011. С.5-9.

13 Бахарев В.В., Данакин Н.С., Шатохина Н.В. Жизненное пространство студенческой молодежи в социокультурном измерении. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2012. 185 с.

онно-процедурные и инструментальные параметры управленческих действий¹⁴.

При этом важно не только знать и учитывать представленное множество ресурсов, но и уметь ими распоряжаться. Системное использование ресурсов предусматривает выделение множества необходимых и достаточных процедур обращения с ресурсами:

- *выявление и оценка ресурсов*. Данная процедура включает не только выделение и определение отдельных видов ресурсов, но и их оценку. Важно установить при этом качественный и количественный состав ресурсов, их соответствие решаемым задачам;

- *обеспечение ресурсами организационной системы*. Речь идет, во-первых, о ресурсном обеспечении функционирования и развития системы; во-вторых, о дифференцированном использовании различных видов ресурсов;

- *упорядочение ресурсов*. Данная процедура предусматривает: во-первых, дифференциацию и идентификацию имеющихся ресурсов; во-вторых, их оценку по критериям востребованности, актуальности и достаточности; в-третьих, определение соотношения имеющихся ресурсов, условий их возможного замещения и дополнения;

- *рациональное использование ресурсов*, что предполагает определение их дефицита и профицита в данной организации, определение условий их эффективного применения;

- *воспроизводство ресурсов*, которое осуществляется посредством трех различных механизмов – стихийного, управляемого (целенаправленного) и смешанного. Стихийное воспроизводство характеризуется реактивным, «запаздывающим» характером, слабой связью содержательных элементов процесса; целенаправленное воспроизводство – направленностью на достижение определенных целей, возможностью отслеживания процесса продвижения к этим целям, превентивной активностью, восприимчивостью к коррекционным воздействиям; смешанное воспроизводство – совмещением в том или ином соотношении элементов предыдущих механизмов¹⁵;

- *сбережение ресурсов*. В сбережении нуждаются, очевидно, все виды ресурсов и особенно такой, как здоровье, которое занимает в культуре жизненных ценностей россиян довольно высокое место – второе

14 Тоцкая И.В. Социально-технологическая модель управления коммуникациями в организации. Белгород: Изд-во БГТУ, 2009. 160 с.

15 Захаров В.М. Реновационная система воспроизводства профессионального потенциала как условие обеспечения эффективности регионального управления. Белгород: НИУ «БелГУ», 2016.

или третье – в зависимости от возраста. Вместе с тем, при более внимательном рассмотрении оказывается, что ценность здоровья носит больше не фундаментальный, а инструментальный характер: люди, имеющие низкие стартовые возможности, рассматривают здоровье в качестве дополнительного жизненного ресурса, в качестве средства для достижения иных, более важных целей. Так, около трети опрошенных россиян, преимущественно молодые мужчины, проявляли готовность даже при заболевании продолжать работать в неблагоприятных для здоровья условиях¹⁶;

– *повышение качества ресурсов*. Смысл данного вида «работы» с ресурсами можно показать на примере повышения качества профессионального образования, которое всегда являлось проблемой для образовательных учреждений, но в современных условиях оно приобрело особую актуальность в связи, во-первых, с большей доступностью высшего образования и роста числа студентов; во-вторых, ростом числа студентов, обучающихся на платной (явной или неявной) основе¹⁷;

– *обновление ресурсов*. В настоящее время особо актуальной оказывается проблема создания системы информационного пространства в организациях, способствующего обеспечению эффективной коммуникации и информированию всего персонала. Хорошо структурированное и организованное информационное пространство дает возможность в любых ситуациях руководству осуществлять эффективное управление сотрудниками, а последним – проявлять творчество, заинтересованность в лучшей работе. В постоянном обновлении нуждается кадровый ресурс;

– *формирование ресурсов*, что осуществляется, в частности, посредством образования кадрового резерва – специально сформированного в соответствии с установленными критериями группы перспективных служащих, которые обладают необходимыми профессиональными и личными качествами, положительно зарекомендовали себя на занимаемых должностях, прошли необходимую подготовку и предназначены для замещения очередных должностей¹⁸.

– *обмен ресурсами* – материальными, интеллектуальными, инновационными и др. – является важным фактором успешного развития органи-

16 Назарова И.Б. Здоровье российского населения: факторы и характеристика (90-е годы) // Социологич. исследования. 2003. № 11. С. 61.

17 Жилинкова А.П., Серпуховитина Т.Ю. Управление качеством высшего образования в условиях модернизации профессиональной школы. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2009. С. 20-30.

18 Соболева Т. Методика формирования кадрового резерва // Служба кадров и персонал. 2008. № 1. С. 81.

заций, включенных в данный процесс. Однако, данная функция управления ресурсами остается во многих случаях нереализованной. Так, многие организации Белгородской области накопили значительный инновационный опыт, который успешно можно использовать в других организациях. Почти половина опрошенных респондентов – государственных и муниципальных служащих Белгородской области – оказалась в затруднении с ответом на вопрос относительно осведомленности потенциальных потребителей об инновационном опыте производственных организаций. Судя по ответам остальных респондентов, потенциальные потребители недостаточно или совсем не информированы об инновационном опыте производственных организаций¹⁹.

Таким образом, комплексный подход к ресурсному обеспечению производственной организации предполагает следующее. Во-первых, выявление и использование множества ресурсов, включающего профессионально-трудовой, кадровый, образовательный, инновационный, коммуникативный, информационный, компаративно-состязательный, конвенциональный, мотивационный, оценочный, социально-психологический, психоэмоциональный, социально-экологический, социокультурный, социально-технологический. Во-вторых, применение комплекса процедур, таких как: выявление и оценка, ресурсное обеспечение организационной системы, упорядочение, рациональное использование, воспроизводство, сбережение, повышение качества, обновление, формирование, обмен.

Список литературы:

1. Аркатова О.Г., Ярмош Т.С. Структурный анализ жизненной среды человека // Социальные структуры и процессы: Сб. научных статей. Вып. V. Белгород: ИП Остащенко, 2011. С. 5-9.
2. Бахарев В.В., Данакин Н.С., Шатохина Н.В. Жизненное пространство студенческой молодежи в социокультурном измерении. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2012. 185 с.
3. Горшков М.К., Ключарёв Г.А., Козырева П.М., Константиновский Д.Л., Кофанова Е.Н., Халий И.А. Образование в социальных контекстах (предисловие) // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 7-11.
4. Данакин Н.С., Евминов К.Н., Конев И.В. Групповое влияние на организационное поведение. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2014. 256 с.
5. Данакин Н.С., Конев И.В. Конвенционально-договорная культура деловых отношений. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2011. 164 с.
6. Данакин Н.С., Конев И.В., Коротницкая М.В. Коммуникативная технология. Белгород: Белгородское областное издательство, 2007. 170 с.
7. Данакин Н.С., Сухинов М.С. Управленческая оценка как объект социологического исследования. Белгород: ООО «Логия», 2003. 180 с.
8. Дурыхин М.И. Традиции и инновации в управлении процессами трудовой мотивации: дис. ... канд. социол. наук. – М.: 2006. 212 с.
9. Жилинкова А.П., Серпуховитина Т.Ю. Управление качеством высшего образования в условиях модернизации профессиональной школы. Белгород: Изд-во БГТУ им. В.Г. Шухова, 2009. 224 с.
10. Захаров В.М. Беспаленко П.Н., Соловьев О.В. Кадровое обеспечение государственной молодежной политики (на материалах Белгородской области). Белгород: Изд-во БГТУ, 2008.

¹⁹ В социологическом опросе учитывали 200 служащих органов государственного и муниципального управления Белгородской области. См.: Конев И.В., Матвеев Д.Ю. Управление социальными решениями регионов. Белгород: Изд-во БГТУ, 2008.

лах Белгородской области). Белгород: БелГУ, 2003. 213 с.

11. Захаров В.М. Реновационная система воспроизводства профессионального потенциала как условие обеспечения эффективности регионального управления. Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. 323 с.
12. Конеv И.В. Инновационная готовность персонала организации: диагностика и пути повышения. Белгород: изд-во БелГУ, 2000. 187 с.
13. Конеv И.В., Матвеев Д.Ю. Управление социальными решениями регионов. Белгород: Изд-во БГТУ, 2008. 188 с.
14. Концепция кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел (на период до 2020 года). – М.: 2012.
15. Москин Р. Повышение качества трудовых ресурсов // Человек и труд. 2001. № 9. С. 54-64.
16. Назарова И.Б. Здоровье российского населения: факторы и характеристика (90-е годы) // Социологич. исследования. 2003. № 11. С. 61-65.
17. Соболева Т. Методика формирования кадрового резерва // Служба кадров и персонал. 2008. № 1. С. 81-84.
18. Старостова Е.А. Проблемы информационного обеспечения целевого управления организацией // Умный город: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (17-18 февраля 2012 г.) / под ред. С.А. Боженова, А.А. Гармашева, В.А. Воронова и др. Белгород: КОНСТАНТА, 2012. С. 242-246.
19. Тощая И.В. Социально-технологическая модель управления коммуникациями в организации. Белгород: Изд-во БГТУ, 2009. 160 с.
20. Хашаева С.В. Состязательный механизм социальной регуляции. Белгород: Изд-во БГТУ, 2009. 148 с.

Bibliography

1. Arkatova O.G., Yarmosh T.S. Structural analysis of the human living environment // Social structures and processes: Sat. scientific articles. Vol. V. Belgorod: IP Ostashchenko, 2011. P. 5-9.
2. Bakharev V.V., Danakin N.S., Shatokhina N.V. Living space of student youth in the sociocultural dimension. Belgorod: Publishing house BSTU im. V.G. Shukhova, 2012. 185 p.
3. Gorshkov M.K., Klyucharyov G.A., Kozyreva P.M., Konstantinovsky D.L., Kofanova E.N., Khaliy I.A. Education in social contexts (preface) // Reforming Russia. 2015. № 13. P. 7-11.
4. Danakin N.S., Evminov K.N., Konev I.V. Group influence on organizational behavior. Belgorod: Publishing house BSTU im. V.G. Shukhova, 2014. 256 p.
5. Danakin N.S., Konev I.V. Conventional-contractual culture of business relations. Belgorod: IP Ostashchenko A.A., 2011. 164 p.
6. Danakin N.S., Konev I.V., Korotitskaya M.V. Communication technology. Belgorod: Belgorod regional publishing house, 2007. 170 p.
7. Danakin N.S., Sukhinov M.S. Management assessment as an object of sociological research. Belgorod: Logia LLC, 2003. 180 p.
8. Durykhin M.I. Traditions and innovations in managing labor motivation processes: dis. ...cand. sociol. Sci. – M.: 2006. 212 p.
9. Zhilinkova A.P., Serpukhovitina T.Yu. Quality management of higher education in the context of modernization of vocational schools. Belgorod: Publishing house BSTU im. V.G. Shukhova, 2009. 224 p.
10. Zakharov V.M. Bepalenko P.N., Solovyov O.V. Personnel support for state youth policy (based on materials from the Belgorod region). Belgorod: BelGU, 2003. 213 p.
11. Zakharov V.M. Renovation system for the reproduction of professional potential as a condition for ensuring the effectiveness of regional management. Belgorod: National Research University "BelGU", 2016. 323 p.
12. Konev I.V. Innovative readiness of the organization's personnel: diagnostics and ways to improve. Belgorod: BelSU Publishing House, 2000. 187 p.
13. Konev I.V., Matveev D.Yu. Management of social decisions of regions. Belgorod: BSTU Publishing House, 2008. 188 p.
14. Concept of personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in internal affairs bodies (for the period until 2020). – M.: 2012.
15. Moskin R. Improving the quality of labor resources // Man and labor. 2001. № 9. P. 54-64.
16. Nazarova I.B. Health of the Russian population: factors and characteristics (90s) // Sociological. research. 2003. № 11. P. 61-65.
17. Soboлева T. Methodology for forming a personnel reserve // Personnel Service and Personnel. 2008. № 1. P. 81-84.
18. Starostova E.A. Problems of information support for target management of an organization // Smart City: collection of articles. materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (February 17-18, 2012) / ed. S.A. Bozhonova, A.A. Garmasheva, V.A. Voronova et al. Belgorod: KONSTANTA, 2012. P. 242-246.
19. Totskaya I.V. Socio-technological model of communication management in an organization. Belgorod: BSTU Publishing House, 2009. 160 p.
20. Khashaeva S.V. Adversarial mechanism of social regulation. Belgorod: BSTU Publishing House, 2009. 148 p.

Буковцова Т.Н.

*Аспирант кафедры социологии и управления, Белгородский
государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.*

Статусно-ролевая структура социальной компетентности сотрудников органов внутренних дел

Формирование социальной компетентности сотрудников ОВД как целенаправленный процесс основано на дифференцированном подходе, учитывающем статусно-ролевые особенности различных групп сотрудников, условия их деятельности, характер и масштаб социального взаимодействия, в котором они находятся. Очевидно, что у разных категорий сотрудников, выделяемых по вертикали (служебной иерархии) или по горизонтали (профилю профессиональной, служебной деятельности), различаются социальные компетенции. Они делятся, во-первых, по составу, во-вторых, по степени выраженности. Скажем, руководитель подразделения органов ОВД должен в полном объеме иметь компетенцию «профилактика и урегулирование конфликтов в коллективе», тогда как для рядовой сотрудник должен владеть этой компетенцией в значительно меньшем объеме, а, может, вообще ею не владеть и ограничиться способностью адекватного поведения в конфликтной ситуации.

Формирование социальной компетентности сотрудников ОВД в качестве не только целенаправленного, но и системного процесса должно, на наш взгляд, базироваться на следующих основаниях дифференциации сотрудников:

- профиль служебно-профессиональной деятельности;
- служебный статус, т.е. социальное положение, занимаемое в органе ОВД или его подразделении;
- служебная роль, описываемая через выполняемые служебные функции;
- условия деятельности (нормальные или экстремальные);
- характер ситуации социального взаимодействия, в которых действуют сотрудники ОВД (стандартный, напряженный, конфликтный).

Все эти основания дифференциации, на первый взгляд, не вписываются в рамки статусно-ролевой стратификации. В связи с этим, поясним

свою позицию. Во-первых, базовыми основаниями для дифференциации социальных компетенций являются социально-профессиональный статус и социально-профессиональная роль, поэтому название данной статьи заявлено как «статусно-ролевая стратификация...». Во-вторых, другие основания дифференциации, отнесенные к не базовым, так или иначе связаны со статусно-ролевым разделением. Характер ситуаций, в которых оказываются сотрудники ОВД, зависит во многом от их служебного статуса, а условия деятельности – от выполняемой ими роли. Это же можно сказать и в отношении профиля профессиональной деятельности сотрудников ОВД.

1. Статусное основание дифференциации социальных компетенций. Обращаясь к данному основанию компетентностной дифференциации, рассмотрим их особенности применительно к деятельности руководителя ОВД или его подразделения, поскольку контекст «руководитель-подчиненный» наиболее показателен для демонстрации статусного основания дифференциации социальных компетенций.

Рассмотрим, прежде всего, конфликтную компетентность, которая значит для руководителя больше, нежели для рядовых сотрудников. Современный руководитель органов внутренних дел должен быть подготовлен не только реализовывать профессиональные задачи в условиях конфликтной среды, но и преобразовывать ее с целью предупреждения негативных конфликтов. Используя в управленческой деятельности такой инструмент как конфликт, необходимо, в первую очередь, владение технологиями управления и разрешения конфликтов. Стратегически «выигрывает» тот руководитель, который к конфликтам относится спокойно и профессионально.

Конфликтная компетентность руководителя органов внутренних дел состоит в развитии навыков критического мышления путем сочетания теоретических знаний и практических умений. Руководитель должен быть готов не только находиться в эпицентре конфликта, но и управлять им. Развитие конфликтной компетентности руководителя может повысить управленческую эффективность и снизить затраты различных ресурсов.

Данный вид компетентности руководителя органов внутренних дел создает условия для эффективной коммуникативной деятельности, когда руководитель владеет навыками логически правильного рассуждения, умеет принимать социально и морально правильные решения в конфликтных ситуациях.

Конфликтная компетентность руководителя органов внутренних дел не должна сводиться только к системе знаний о конфликтных характеристиках, она тесно связана и с другими компетентностями:

- психолого-педагогической – руководитель должен уметь осуществлять различные психологические и педагогические воздействия на оппонентов и коллектив, вести индивидуальную работу с каждым сотрудником;

- социально-перспективной – руководитель, влияющий на конфликт и разрешающий его, должен отличаться проницательностью, умением разбираться в людях, истинных мотивах их поведения, возможных стратегиях конфликтного противоборства;

- социально-психологической – конфликты в служебных коллективах являются одной из форм взаимодействия, следовательно, такие факторы, как социально-психологический климат, ценностно-ориентационное единство, стиль руководства, групповые нормы, ролевое поведение и общение оказывают влияние на характер конфликта, причины его возникновения и динамику;

- ауто-психологической – качества руководителя, такие как стрессоустойчивость, самоконтроль, саморегуляция, адекватная самооценка необходимы в условиях острых эмоциональных переживаний, сопровождающих многие конфликты;

- профессионально-управленческой – наличие административных и правовых ограничений в выборе средств воздействия на оппонентов.

Наличие таких системных связей является благоприятным фактором с точки зрения достижения высокого уровня конфликтной компетентности.

На основе проведенного теоретико-методологического анализа нами сделан вывод о том, что конфликтная компетентность предполагает определенный объем знаний и уровень сформированности умений и навыков, которые позволяют руководителю органов внутренних дел адекватно ориентироваться в различных ситуациях общения, объективно оценивать себя и сотрудников, осуществлять самоанализ и самоконтроль, прогнозировать поведение других, формировать необходимые отношения и успешно влиять на них, исходя из возникающих условий. Конфликтная компетентность предусматривает потенциальную активность и готовность руководителя органов внутренних дел к различным видам деятельности в ситуациях социального взаимодействия, успешно реализованную в ситуациях возникновения конфликта.

Принимая к сведению теоретический наработок Н.И. Леонова и Н.И. Казарина¹, выделим следующие уровни конфликтной компетентности руководителя органов внутренних дел:

- нейродинамический уровень, отражающий свойства нервной системы (подвижность, силу, работоспособность);
- психодинамический уровень, представленный свойствами темперамента;
- когнитивный уровень, связанный со способностью к анализу материала;
- личностный уровень, представленный характерологическими особенностями, самооценкой;
- поведенческий уровень представлен как совокупность актов, реакций и операций руководителя в конфликте;
- социальный уровень, связанный с социометрическим статусом руководителя в коллективе.

2. *Профессиональное основание дифференциации социальных компетенций.* В Федеральном законе Российской Федерации «О полиции» (статья 2)² выделены основные направления деятельности полиции (всего их 12):

- 1) защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;
- 2) предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;
- 3) выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам;
- 4) розыск лиц;
- 5) производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний;
- 6) обеспечение правопорядка в общественных местах;
- 7) обеспечение безопасности дорожного движения;
- 8) контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия;
- 9) контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации в области частной детективной (сыскной) и охранный деятельности;
- 10) охрана имущества и объектов, в том числе на договорной основе;

1 Леонова Н.И., Казарина Н.И. Понятие и структура конфликтной компетентности: специфика возрастного этапа // Вестник ИжГТУ. 2014. № 1 (61). С. 155-157

2 Федеральный закон Российской Федерации «О полиции» от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ / Статья 2. Основные направления деятельности полиции.

11) государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц;

12) осуществление экспертно-криминалистической деятельности.

С учетом этих направлений деятельности, в системе МВД РФ выделяется семь ее видов: оперативно-розыскная (оперуполномоченные уголовного розыска, отделы по борьбе с экономическими преступлениями), следственная (следователи и дознаватели), профилактическая (участковые уполномоченные милиции), диспетчерская (оперативные дежурные дежурных частей ОВД), административно-надзорная (милиционеры патрульно-постовой службы милиции, инспекторы дорожно-патрульной службы государственной инспекции по безопасности дорожного движения), охранная (сотрудники отделов вневедомственной охраны), экстремальная (сотрудники отрядов милиции особого назначения и спецотрядов быстрого реагирования).

Выделение этих видов деятельности может быть основанием для профессионально-профильной дифференциации социальных компетенций.

Таблица 1. Дифференциация социальных компетенций сотрудников ОВД с учетом видов их профессиональной деятельности.

Виды профессиональной деятельности сотрудников ОВД	Приоритетные социальные компетенции сотрудников ОВД
Оперативно-розыскная	2, 7, 13
Следственная	2, 4, 7, 8, 9
Профилактическая	1, 5, 7, 9, 11
Диспетчерская	3, 4, 14
Административно-надзорная	3, 4, 10, 12
Экстремальная	3, 4, 6, 10, 12, 14
Охранная	4, 5, 14

Примечание: *Перечень социальных компетенций:*

1. Социально-интеллектуальная,	8. Социолингвистическая,
2. Социально-аналитическая,	9. Социально-психологическая,
3. Социально-ролевая,	10. Конфликтная,
4. Социально-правовая,	11. Социально-педагогическая,
5. Морально-этическая,	12. Социально-управленческая,
6. Коммуникативная,	13. Самоуправленческая,
7. Социокультурная,	14. Социально-технологическая.

Предлагаемая дифференциация социальных компетенций в зависимости от их приоритетности для того или иного вида профессиональной деятельности сотрудников ОВД не означает их исключительности и монополии. Важны и другие социальные компетенции, но указанные в соответствующей строке имеют сравнительно более важное, приоритетное значение.

3. Ролевое основание дифференциации социальных компетенций. Особенности такого рода дифференциации попытаемся раскрыть на примере различий в социально-психологической компетентности (СПК) у сотрудников ОВД, работающих, с одной стороны, с несовершеннолетними правонарушителями (в подразделении по делам несовершеннолетних – ПДН), с другой стороны, с осужденными за преступления (в уголовно-исполнительной системе – УИС).

Особенности проявления социально-психологической компетентности видны, в частности, на примере деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних ПДН.

Таким образом, успешное формирование социальной компетентности сотрудников ОВД возможно в условиях дифференцированного подхода, учитывающего профиль служебно-профессиональной деятельности сотрудников ОВД; их служебный статус; служебные роли; условия деятельности; конкретный характер ситуаций социального взаимодействия. При этом, выделены виды деятельности: оперативно-розыскная, следственная, профилактическая, диспетчерская, административно-надзорная, охранная, экстремальная. Статусное основание дифференциации социальных компетенций имеет особенно важное значение в контексте «руководитель – подчиненный». Характер и степень выраженности социальных компетенций сотрудников ОВД обусловлены также выполняемыми ими ролями, что особенно видно на примере различий в социально-психологической компетентности у сотрудников, занятых в

ПДН и УИС. Значимость высокого уровня социальной компетентности у сотрудников ОВД повышается в стрессовых, экстремальных ситуациях. Состав и степень выраженности социальных компетенций определяются характером ситуаций социального взаимодействия, в которых находятся сотрудники ОВД. Эти ситуации классифицируются с учетом уровня их устойчивости на стабильную, неопределенную, кризисную, конфликтную, рискогенную.

Список литературы:

1. Задачи формулирует жизнь // Полиция России. 2016. № 4. С. 3-5.
2. Леонова Н.И., Казарина Н.И. Понятие и структура конфликтной компетентности: специфика возрастного этапа // Вестник ИжГТУ. 2014. № 1 (61). С. 155-157.
3. О полиции: Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ / Статья 2. Основные направления деятельности полиции.
4. Толопило А. Компетенции руководителя: критерии эффективности. // URL: <http://www.nlpbiz.ru/articles/statii/stat10/>
5. Шашкин Н.Г. Формирование коммуникативной компетентности у будущих сотрудников органов внутренних дел в системе высшего образования: автореф. дис. канд. пед. наук. Чебоксары, 2005. 18 с.
6. Шумилова Е.А. Формирование социально-коммуникативной компетентности будущих педагогов профессионального обучения в системе высшего образования: автореф. дис. д-ра пед. наук. Челябинск, 2011. 42 с.

Bibliography

1. Life formulates tasks // Police of Russia. 2016. № 4. P. 3-5.
2. Leonova N.I., Kazarina N.I. Concept and structure of conflict competence: specificity of age stage // Bulletin of Izhevsk State Technical University. 2014. № 1 (61). P. 155-157.
3. On the police: Federal Law of the Russian Federation of February 7, 2011 No. 3-FZ / Article 2. Main areas of police activity.
4. Tolopilo A. Competences of the manager: criteria of effectiveness. // URL: <http://www.nlpbiz.ru/articles/statii/stat10/>
5. Shashkin N.G. Formation of communicative competence of future employees of internal affairs bodies in the system of higher education: author's abstract. dis. candidate of ped. sciences. Cheboksary, 2005. 18 p.
6. Shumilova E.A. Formation of social and communicative competence of future teachers of vocational training in the system of higher education: author's abstract. dis. doctor of ped. sciences. Chelyabinsk, 2011. 42 p.

Аннотации

Иларионова Т.С.

Национальное государство vs мировая республика И. Канта

Книга “К вечному миру” в творческом наследии Иммануила Канта стоит особняком: философ попытался представить собственный проект гармонично устроенного сообщества народов, сформулировал в этом проекте шесть пунктов, на которых следовало бы построить новые международные отношения. Эти положения в последующем вдохновляли и философов от политики, и практических политиков на самостоятельный поиски рецептов сохранения мира, устройства сожительства народов без войн. В настоящей статье автор показывает, что главным препятствием на пути к воплощению кантовских идей в жизнь стало развитие национального государства как такой организации деятельности людей, которая вместо прежних дистанций и проблем породила новые, содержащие в себе большие риски для мирового развития. Национальное государство стало самой распространенной формой государственной организации, хотя стремление наций быть вместе и сообща противостоять вызовам после Первой мировой и после Второй мировой войн было сильным и приводило к формированию глобальных систем для сохранения мира. Автор уверена: эта цель достижима только в том случае, если само национальное государство уйдет с исторической арены.

Ключевые слова: Иммануил Кант, национальное государство, мировая республика, война.

Мефодьева С.А.

Серикбаева А.Д.

Политические фейки как инструмент информационной войны в контексте Специальной военной операции на Украине

Статья посвящена изучению феномена политических фейков как основного оружия в информационной войне против России.

В статье рассматривается процесс распространения политических фейков в российском информационном пространстве, выделяются основные темы, подвергаемые искажению, отмечены угрозы, которые влечет за собой распространенная дезинформация. Также дана оценка современного состояния российского общества с точки зрения его готовности и способности противостоять информационным атакам.

Ключевые слова: информационная война, когнитивная война, про-

паганда, манипуляция, информационное оружие, политические фейки, дезинформация.

Гиваргизян А.Ф.

Святой Власий Себастьянский в русской культуре

Святые отцы, играют ключевую роль в христианском вероучении, отражают через свою жизнь глубинные аспекты веры и символизируют мост между небесным и земным началами. Власий Себастьянский занимает особое место в христианском пантеоне святых. Согласно легендам, он известен своим чудотворным исцелением людей и животных, а также мученической смертью за веру во Христа. Культ Святого Власия Себастьянского является важным компонентом русской православной культурной и его изучение актуально по нескольким причинам. Во-первых, оно дает возможность исследовать влияние византийской духовности на формирование русской религиозной идентичности и практики поклонения святым. Во-вторых, позволяет лучше понять формирование уникального стиля русского церковного зодчества и значимость архитектурных культурных памятников, как носителей духовно-культурных символов русского народа. В-третьих, вносит вклад в общее понимание роли святых как своеобразных медиаторов между божественным и земным. Объектом данного исследования является культ Святого Власия Себастьянского. Целью исследования является определение места и роли культа Святого Власия в контексте русской культуры, а также анализ изменений в восприятии и почитании святого в различные исторические периоды. Методы исследования: логико-исторический анализ, сравнительный анализ, анализ содержания религиозных текстов, литературных и искусственных произведений, этнографический метод. Научная новизна исследования заключается в попытке систематизировать исторические, культурологические и религиозные аспекты культа Власия Себастьянского, выявить его влияние на формирование русской идентичности и духовности. Исследование раскрывает историческое развитие культа, его современное состояние и перспективы сохранения традиций поклонения в России.

Ключевые слова: русская культура, Власий Себастьянский, Святой Власий, покровитель Дубровника, православная иконография, иконопись, храмовая живопись, культурное наследие, мозаики и росписи.

Кордас О.М.

Архаическая маска в структурной антропологии К. Леви-Стросса

В статье раскрывается значение архаической маски в работах К. Леви-Стросса. Антрополог, используя структурный метод, прослеживает трансформации пластических характеристик маски, а также ее мифологическое и функциональное наполнение. В результате, в работах К. Леви-Стросса маска предстает как полифункциональный культурный артефакт, один из инструментов, входящих наряду с мифом и ритуалом в комплекс социально-психологических механизмов антропосоциогенеза, организации и регулирования зарождающегося человеческого общества. Анализ исследований К. Леви-Стросса позволяет обосновать существование как архаической ритуальной маски, которая связывает человека с тотемом и сверхъестественным миром, так и телесной маски-татуировки, создающей социальное и культурное тело человека. Маска существует как в сакральной, так и в социальной реальности, является проекцией двунаправленных отношений индивида и рода, повседневного и сверхъестественного.

Ключевые слова: маска, татуировка, архаическое сознание, миф, структурная антропология, К. Леви-Стросс.

Ширяева-Бакшевникова В.Н.

Проблема взаимодействия коммерческого пиара и журналистики

В настоящее время медиа пространство демонстрирует тенденции, которые кажутся противоречащими основам классических концепций, но при этом, фактически отражают изменения в сфере массовых коммуникаций, в том числе, средств массовой информации. Одним из ключевых изменений в области профессиональной медиакоммуникации является отношение к журналистике, ранее занимавшей центральное место в структуре медиаконтента, а теперь лишившееся своей исключительности. Современная медиасфера включает в себя различные новые формы организаций и методических подходов, особенно в области пиара, который сегодня формируют до 85% содержания медиа в развитых странах. В России данная деятельность пока менее активна, однако значительная динамика развития отрасли характеризует повышение возможностей для синергии СМИ и пиара. Актуальность исследования обусловлена повышением сложности структуры российского медиа ландшафта и важностью формирования фундамента для исследования взаимодействий между журналистикой и пиар-деятельностью. Объектом исследования выступает взаимодействие пиара и журналистики. Целью исследования является раскрытие специфики понятийного аппарата и специфики

основных форм взаимодействия коммерческого пиара и журналистики. Методы исследования: анализ научной литературы, статей и других источников, посвященных взаимодействию пиара и журналистики; метод синтеза и обобщения; дедуктивный метод. Научная новизна исследования: результаты исследования могут способствовать разработке рекомендаций по улучшению практик в области медиа и пиара, а также повышению качества и независимости журналистской работы.

Ключевые слова: медиапространство, массовые коммуникации, коммерческий пиар, журналистика, средства массовой информации, пиар-деятельность, улучшение практик в области медиа и пиара.

Трофимов В.А.

**Проблемы устойчивого
социально-политического развития Сахалинской области
в контексте региональных этнополитических процессов**

Как отметил в свое время бывший губернатор Сахалинской области А. Хорошавин, устойчивое развитие Сахалина – это один из основополагающих факторов дальнейшего становления Дальнего Востока как форпоста России в АТР с развитой экономикой и привлекательными условиями для жизни людей. И с этим тезисом сложно не согласиться, учитывая, что Сахалин и Курильские имеют не только важное военно-стратегическое, геополитическое, экономическое, но и огромное социально-политическое значение для Дальнего Востока и нашей страны в целом. В то же время необходимо отметить, что и проблема устойчивого развития самой Сахалинской области, особенно в социально-политическом ключе является не менее важной, актуальной и насущной задачей. Сахалинская область является по своей сути полиэтничной, и на ее территории в настоящее время активно протекают различные этнополитические процессы, некоторые из которых несут в себе определенную угрозу ее этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию.

Ключевые слова: социальное развитие, политическое развитие, проблемы, этнополитика, регионы.

Баженов Е.Н.

Социокультурные детерминанты солидаризации местных сообществ (на примере проекта “Культурная мозаика Удмуртии”)

Статья посвящена социокультурным детерминантам, лежащих в ос-

нове солидаризации местных сообществ. К ним автор относит традицию, память, общее место, травму. В работе выделяется еще одно основание солидаризации – потребность (объединение людей для реализации какой-то потребности/функции). Указанные дефиниции рассмотрены на примере проекта «Культурная мозаика Удмуртии», реализованного в Удмуртии в 2020-2022 годах. Проект является частью федерального проекта «Культурная мозаика малых городов и сел», реализуемого Благотворительным фондом Е. и Г. Тимченко. В результате исследования автор приходит к выводу: устойчивость формирования местных сообществ происходит при сочетании различных детерминант: традиция и травма; память, место и травма и т.д.

Ключевые слова: местное сообщество, Культурная мозаика, солидаризация.

Михайленко А.Н.

Духовно-нравственные ценности в странах БРИКС

Традиционные духовно-нравственные ценности составляют ядро самобытности государств-членов БРИКС. Самобытность требует учета в деятельности организации. Основанное на самобытности разнообразие дает возможность находить больше вариантов решения сложных проблем современности. Для более эффективного взаимодействия государствам-членам БРИКС необходимы понимание ответственности организации за формирование нового мирового порядка, глубокое знание и уважение традиционных духовно-нравственных ценностей друг друга, создание гибкой системы принятия решений в рамках организации, учитывающей общие, особенные и единичные черты государств-членов, а также разработка системы разрешения возможных противоречий между государствами-членами на всех этапах их возникновения.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, однополярный мир, многополярный мир, разнообразие, самобытность, гомогенность, гетерогенность, Европейский союз, БРИКС.

Лю Жуй

Изучение невербального поведения между россиянами и китайцами

В последние годы культурные обмены между Китаем и Россией были тесными, и использование невербального поведения играет важную роль в хорошем общении между народами Китая и России. Все более

важным становится изучение значения невербального коммуникативного поведения. Использование невербального коммуникативного поведения будет отражать культурные различия и влиять на общение между людьми.

Ключевые слова: невербальное поведение, характер, невербальная коммуникация.

Задаев Эмиль Камран оглу

Президентские выборы в Турции в 2023 году как следствие цивилизационного разлома

Целью данной работы является анализ избирательных предпочтений турецких избирателей на фоне острой политической борьбы между Партией справедливости и развития и кемалистским оппозиционным альянсом. Основное внимание уделяется избирателям, где впервые анализируется политическая культура турецкого общества. Далее делается акцент на идеологической несовместимости неоосманского течения с кемалистскими принципами и растущем антагонизме между ними. И, наконец, с помощью статистических данных и банка информации, составленного исследователями, показан очевидный цивилизационный разрыв между бюрократическим центром и аграрной периферией в регионах Турецкой Республики. Несмотря на то, что турецкая экономика переживает тяжелые кризисные периоды, религиозные и другие идеологические факторы продолжают влиять на поведение избирателей и отражать атаки «прозападной» оппозиции с более рациональной повесткой дня.

Ключевые слова: политическая культура, неоосманизм, кемализм, раболепная культура, карманное голосование, социотропное голосование, цивилизация.

Меляева С.А.

Замотина П.Е.

Проблема миграции на Ближнем Востоке и её воздействие на отдельные страны региона

В данном исследовании рассматривается ситуация, связанная с миграцией, в рамках одного региона – Ближний Восток, который включает такие страны, как Ирак, Йемен, Палестинская автономия, Израиль, Сирия, Кувейт, Ливан ОАЭ и другие. Представленный регион достаточно сильно подвержен проблеме миграционных процессов по ряду причин. Одним из ключевых оснований является конфликтная обстановка, в том числе войны, террористические угрозы, и политическая

нестабильность в регионе. Принятие беженцев и мигрантов – сложная задача, которую не всегда могут осуществлять страны Ближнего Востока. Поэтому в настоящее время регион сталкивается с массовой миграцией населения из стран Ближнего Востока в страны Западной Европы. Вынужденная миграция имеет непосредственное влияние на социально-экономические процессы на обоих континентах и является демографической проблемой на Арабском Ближнем Востоке. Данный вопрос остается острым, требующим изучения и поиска возможных путей решения, для которого, в первую очередь, необходимы сотрудничество и поддержка от международного сообщества.

Ключевые слова: миграционные процессы, массовая миграция, Ближний Восток, политическая нестабильность, демографическая проблема, «арабская весна», международная безопасность, миграционная политика.

Хирбейк Язан
Карадже Т.В.

Геоэкономические стратегии как инструмент борьбы за мировое лидерство

За последние два десятилетия геоэкономика привлекла большое внимание политического и научного сообщества, поскольку она стала тесно связана с практикой внешней и национальной политики.

В статье представлена характеристика геоэкономических стратегий и их значение, как инструмент в борьбе за мировое лидерство.

Тем более, что геоэкономика составляет важную часть стратегического поведения региональных и глобальных держав.

Ключевые слова: геоэкономические стратегии, международная экономика, мировое лидерство, экономическая мощь.

Хэ Цзяшу

Дипломатия великой державы с китайской спецификой: содержание и значимость

В данной статье всесторонне объясняются основные содержания дипломатии великой державы с китайской спецификой в новую эпоху. Дипломатия великой державы с китайской спецификой имеет три четких содержания: содействие построению сообщества единой судьбы человечества, продвижение построения нового типа международных отношений и продвижение совместного строительства «Одного пояса, одного

пути». Практика дипломатии великой державы с китайской спецификой имеет огромное значение не только для создания благоприятной внешней среды для осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации, но и для устранения сомнений и предрассудков внешнего мира относительно быстрого роста национальной мощи Китая, а также Китай будет вносить свой вклад в продвижение реформирования системы глобального управления.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, дипломатия великой державы с китайской спецификой, сообщество единой судьбы человечества, «Один пояс, один путь».

Цяо Цинли

Преподавание китайского языка в высших учебных заведениях Казахстана

В данной научной статье рассматриваются историко-культурный контекст распространения китайского языка в Республике Казахстан, аспекты, оказывающие влияние на популяризацию изучения китайского языка, изложена современная ситуация организации обучения китайскому языку в вузах, и проводится анализ проблем, осложняющих преподавание китайского языка в вузах Казахстана.

Ключевые слова: китайский язык, Казахстан, вуз, образование, преподавание.

Цай Цзяфэн

Лин Чэн

Ли Цзе

Исследование зарубежного перевода китайских канонических произведений: на примере пассивной клаузулы в переводе Вяткина «Ши Цзи»

«Ши Цзи» («Исторические записки»), первая в истории Китая хроникально - биографическая история, являясь образцом традиционной китайской историографии, вызывает интерес у большого числа зарубежных ученых. В статье всесторонне раскрывается базовый перевод «Ши Цзи» в России, анализируется проблема особенностей перевода пассивных предложений в «Ши Цзи», и это исследование может эффективно раскрыть важность изучения и перевода «Ши Цзи» в России. В статье комплексно собраны и систематизированы существующие исследовательские материалы по русскому переводу «Ши Цзи» и рассмотрены

особенности перевода в русском переводе на основе грамматики древнекитайского языка на примере пассивного предложения. Исследование показывает, что перевод «Ши Цзи» сопряжен со значительными трудностями, например, в случае с пассивными предложениями выясняется, что переводчики не обращались к классификации форм пассивных предложений в древнекитайском языке при переводе, а в основном переводили гибко, исходя из понимания оригинального текста. Настоящее исследование надеется, что понимание основной ситуации и переводческих особенностей русского перевода «Ши Цзи» послужит методологической основой для будущих исследований канонического перевода и обеспечит сочетание теоретической и эмпирической поддержки перспектив канонического иностранного перевода.

Ключевые слова: иностранный перевод канонических текстов, «Ши Цзи» («Исторические записки»), история русского перевода «Ши Цзи», характеристика перевода, пассивные предложения.

Михайленко А.Н.

Международный круглый стол в Президентской академии

16 апреля 2024 г. кафедра международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Президентской академии и редакция журнала «Этносоциум и межнациональная культура» провели Международный круглый стол на тему «Внешняя политика России в условиях трансформации мирового порядка». Тема МКС является весьма актуальной и важной в связи с обострением обстановки в мире и потребности в нахождении новых средств и методов внешнеполитической деятельности России по становлению многополярного мира.

Ключевые слова: международные отношения, круглый стол, академия, совет.

Знахарчук Ф.Р.

Конев И.В.

Комплексный подход

к ресурсному обеспечению производственной организации

Комплексный подход к ресурсному обеспечению производственной организации предполагает, во-первых, выявление и использование возможного множества ресурсов (профессионально-трудовой, кадровый, образовательный и другие – всего выделено 12 их видов); во-вторых,

комплексное применение процедур: выявление и оценка ресурсов, ресурсное обеспечение организационной системы, упорядочение ресурсов, их рациональное использование, воспроизводство, сбережение, повышение качества ресурсов, их обновление и формирование, обмен ресурсами.

Ключевые слова: производственная организация, ресурсное обеспечение, комплексный подход, воспроизводство, сбережение ресурсов, обмен ресурсами, оценка ресурсов, организационная система.

Буковцова Т.Н.

Статусно-ролевая структура социальной компетентности сотрудников органов внутренних дел

В статье выделены и рассмотрены основания дифференциации социальной компетентности сотрудников органов внутренних дел (ОВД): статусное, профессиональное и ролевое основание их дифференциации. Представлены дифференциации социальной компетентности сотрудников органов внутренних дел с учетом видов их профессиональной деятельности. Особое внимание уделено характеристике конфликтной компетентности руководителей и сотрудников ОВД, обоснованию необходимости соответствующих профессиональных и личностных качеств.

Ключевые слова: сотрудники ОВД, социальная компетентность, статусная дифференциация, профессиональная дифференциация, ролевая дифференциация, конфликтная компетентность.

Abstracts

Ilarionova T.S.

National state vs world republic of I. Kant

The book "Towards Eternal Peace" stands apart in the creative heritage of Immanuel Kant: the philosopher tried to present his own project of a harmoniously arranged community of peoples, formulated in this project six points on which new international relations should be built. These provisions subsequently inspired both political philosophers and practical politicians to independently search for recipes for preserving peace and creating coexistence among peoples without war. In this article, the author shows that the main obstacle to the implementation of Kant's ideas was the development of the national state as an organization of people's activities, which, instead of the previous distances and problems, gave rise to new ones, containing great risks for world development. The nation-state became the most common form of government organization, although the desire of nations to be together and face challenges together after World War I and after World War II was strong and led to the formation of global systems to maintain peace. The author is sure: this goal is achievable only if the national state itself leaves the historical arena.

Keywords: Immanuel Kant, nation state, world republic, war.

Methodieva S.A.

Serikbayeva A.D.

Political fakes as an instrument of information warfare in the context of a Special Military Operation in Ukraine

The article is devoted to the study of the phenomenon of political fakes as the main weapon in the information war against Russia. The article examines the process of spreading political fakes in the Russian information space, highlights the main topics that are subject to distortion, and highlights the threats that widespread disinformation entails. An assessment of the current state of the Russian.

Keywords: information warfare, cognitive warfare, propaganda, manipulation, information weapons, political fakes, disinformation.

Givargizyan A.F.

Saint Blazy of Sebastian in Russian culture

The Holy Fathers play a key role in Christian doctrine, reflect through their lives the deep aspects of faith and symbolize the bridge between the heavenly and earthly principles. Blaise of Sebastia occupies a special place in the Christian pantheon of saints. According to legends, he is known for his miraculous healing

of people and animals, as well as his martyrdom for faith in Christ. The cult of Saint Blaise of Sebastia is an important component of Russian Orthodox culture and its study is relevant for several reasons. First, it provides an opportunity to explore the influence of Byzantine spirituality on the formation of Russian religious identity and the practice of worship of saints. Secondly, it allows us to better understand the formation of a unique style of Russian church architecture and the significance of architectural cultural monuments as carriers of spiritual and cultural symbols of the Russian people. Thirdly, it contributes to the general understanding of the role of saints as unique mediators between the divine and the earthly. The object of this study is the cult of St. Blaise of Sebastia. The purpose of the study is to determine the place and role of the cult of St. Blaise in the context of Russian culture, as well as to analyze changes in the perception and veneration of the saint in various historical periods. Research methods: logical-historical analysis, comparative analysis, analysis of the content of religious texts, literary and artificial works, ethnographic method. The scientific novelty of the study lies in the attempt to systematize the historical, cultural and religious aspects of the cult of Blaise Sebastian, to identify its influence on the formation of Russian identity and spirituality. The study reveals the historical development of the cult, its current state and prospects for preserving the traditions of worship in Russia.

Keywords: Russian culture, Blaise of Sebastia, Saint Blaise, patron saint of Dubrovnik, Orthodox iconography, iconography, temple painting, cultural heritage, mosaics and paintings.

Kordas O.M.

Archaic mask in the structural anthropology of C. Lévi-Strauss

The article reveals the significance of the archaic mask in the works of C. Lévi-Strauss. The anthropologist, using the structural method, traces the transformation of the plastic characteristics of the mask, its mythological and functional content. As a result, in the works of C. Lévi-Strauss, the mask appears as a multifunctional cultural artifact. As one of the tools included, along with myth and ritual, in the complex of socio-psychological mechanisms of anthropogenesis, organization and regulation of the emerging human society. An analysis of the research of C. Lévi-Strauss makes it possible to substantiate the existence of both an archaic ritual mask, which connects a person with the totem and the supernatural world, and a bodily mask-tattoo, which creates the social and cultural body of a person. The mask exists in both sacred and social reality, and is a projection of the bidirectional relationship between the individual and society, the everyday and the supernatural.

Keywords: mask, tattoo, archaic consciousness, myth, structural anthropology, C. Levi-Strauss.

Shiryaeva-Bakshevnikova V.N.

The problem of interaction between commercial pr and journalism

Currently, the media space is demonstrating trends that seem to contradict the foundations of classical concepts, but at the same time, actually reflect changes in the field of mass communications, including the media. One of the key changes in the field of professional media communications is the attitude towards journalism, which previously occupied a central place in the structure of media content, but has now lost its exclusivity. The modern media sphere includes various new forms of organizations and methodological approaches, especially in the field of PR, which today forms up to 85% of media content in developed countries. In Russia, this activity is still less active, however, significant dynamics in the development of the industry are characterized by increased opportunities for synergy between media and PR. The relevance of the study is due to the increasing complexity of the structure of the Russian media landscape and the importance of forming a foundation for the study of interactions between journalism and PR activities. The object of the study is the interaction between PR and journalism. The purpose of the study is to reveal the specifics of the conceptual apparatus and the specifics of the main forms of interaction between commercial PR and journalism. Research methods: analysis of scientific literature, articles and other sources on the interaction between PR and journalism; method of synthesis and generalization; deductive method. Scientific novelty of the study: the results of the study can contribute to the development of recommendations for improving practices in the field of media and PR, as well as improving the quality and independence of journalistic work.

Keywords: media space, mass communications, commercial PR, journalism, mass media, PR activities, improving practices in the field of media and PR.

Trofimov V.A.

Problems of sustainable socio-political development of the Sakhalin region in the context of regional ethnopolitical processes

As the former governor of the Sakhalin region A. Khoroshavin once noted, the sustainable development of Sakhalin is one of the fundamental factors in the further development of the Far East as an outpost of Russia in the Asia-Pacific region with a developed economy and attractive living conditions for people. And it's hard to disagree with this thesis, given that Sakhalin and the Kuril

Islands have not only important military-strategic, geopolitical, economic, but also enormous socio-political significance for the Far East and our country as a whole. At the same time, it should be noted that the problem of sustainable development of the Sakhalin region itself, especially in a socio-political sense, is no less important, relevant and pressing task. The Sakhalin region is inherently multi-ethnic, and various ethnopolitical processes are currently actively taking place on its territory, some of which pose a certain threat to its ethnopolitical stability and sustainable socio-political development.

Keywords: social development, political development, problems, ethnopolitics, regions.

Bazhenov E.N.

Socio-Cultural Determinants of Solidarity of Local Communities (by the Example of the Project “Cultural Mosaic of Udmurtia”)

The article is devoted to the sociocultural determinants that determine the solidarity of local communities. These include: tradition, memory, place, trauma. The author identifies another basis for solidarity – need (unification of people to realize some need/function). These definitions are considered using the example of the project “Cultural Mosaic of Udmurtia”, implemented in Udmurtia in 2020-2022. The project is part of the federal project “Cultural Mosaic of Small Towns and Villages”, implemented by the Timchenko Foundation. As a result of the study, the author comes to the conclusion: the sustainability of the formation of local communities occurs through a combination of various determinants: tradition and trauma; memory, place and trauma, etc.

Keywords: local community, Cultural mosaic, solidarity.

Mikhailenko A.N.

Spiritual and moral values in the BRICS countries

Traditional spiritual and moral values form identity basis of BRICS member states. They need to take into consideration identities of each other. Diversity based on identity provides the opportunity to find more solutions to complex problems of our time. To find more effective responses to modern challenges, BRICS member states need to understand their responsibility for formation of a new world order, have a deep knowledge and respect for traditional spiritual and moral values with each other, create a flexible decision-making system within the organization, which takes into account general, special and singular features of member states, as well as to develop a system for resolving possible contradictions between member states at all stages of their occurrence.

Keywords: spiritual and moral values, unipolar world, multipolar world, diversity, originality, homogeneity, heterogeneity, European Union, BRICS.

Liu Rui

Study of nonverbal behavior between Russians and Chinese

In recent years, cultural exchanges between China and Russia have been close, and the use of nonverbal behavior plays an important role in good communication between the people of China and Russia. It has become increasingly important to study the meaning of nonverbal communicative behavior. The use of nonverbal communicative behavior will reflect cultural differences and influence the communication between people.

Keywords: nonverbal behavior, character, nonverbal communication.

Zadaev Emil Kamran oglu

Presidential elections in Turkey in 2023 as a consequence of a civilizational rift

This work aims to analyze the selective preferences of Turkish voters against the backdrop of intense political struggle between the Justice and Development Party and the Kemalist opposition alliance. The main focus is on the voters, where the political culture in Turkish society is first analyzed. Then, emphasis is placed on the ideological incompatibility of the Neo-Ottoman current with the Kemalist principles and the growing antagonism between them. And finally, using statistical data and the information bank compiled by the researchers, an obvious civilizational gap is shown between the bureaucratic center and the agrarian periphery in the regions of the Republic of Turkey. Despite the fact that the Turkish economy is going through severe crisis periods, religious and other ideological factors continue to influence the behavior of voters and fend off the attacks of the “Westernized” opposition with a more rational agenda.

Keywords: political culture, neo-ottomanism, kemalism, subservient culture, pocket voting, sociotropic voting, civilization.

Melyaeva S.A.

Zamotina P.E.

The problem of migration in the Middle East and its impact on individual countries in the region

This study examines the situation related to migration within one region – the Middle East, which includes countries such as Iraq, Yemen, the Palestinian Authority, Israel, Syria, Kuwait, Lebanon, the UAE and others. The presented region is quite susceptible to the problem of migration for a number of reasons. One of the key reasons is the conflict situation, including wars, terrorist threats, and politi-

cal instability in the region. Accepting refugees and migrants is a difficult task that the countries of the Middle East cannot always carry out. Therefore, the region is currently facing a massive migration of people from the Middle East to Western European countries. Forced migration has a direct impact on socio-economic processes of both continents and is a demographic problem of the Arab Middle East. This issue remains acute, requires study and search for possible solutions, to which cooperation and support of the international community are needed.

Keywords: migration processes, mass migration, the Middle East, political instability, demographic problem, Arab spring, international security, migration policy.

Yazan Hirbeik

Karadzhe T.V.

Goeconomic strategies as a tool in the struggle for global leadership

Over the past two decades, geo-economics has attracted a lot of attention from the political and scientific community, as it has become closely linked to the practice of foreign and national policy.

The article presents the characteristics of geo-economic strategies and their importance as a tool in the struggle for world leadership.

Moreover, geo-economics is an important part of the strategic behavior of regional and global powers.

Keywords: geo-economic strategies, International economics, world leadership, Economic power.

He Jiashu

Major-country diplomacy with Chinese characteristics: content and significance

This paper comprehensively expounds the main contents of major-country diplomacy with Chinese characteristics in the new era. There are three clear contents of major-country diplomacy with Chinese characteristics: promoting the construction of a community with a shared future for mankind, promoting the construction of a new type of international relations, and promoting the joint construction of the “Belt and Road”. The practice of major-country diplomacy with Chinese characteristics is of great significance not only to create a good external conditions for the realization of China’s dream of great rejuvenation of the Chinese nation, but also to dispel the doubts and prejudices of the outside world about the rapid growth of China’s national power, and China will contribute to promoting the reform of the global governance system.

Keywords: China's foreign policy, Major-country diplomacy with Chinese characteristics, community with a shared future for mankind, Belt and Road.

Qiao Qingli

Teaching Chinese in higher educational institutions of Kazakhstan

This scientific article examines the historical and cultural context of the spread of the Chinese language in the Republic of Kazakhstan, aspects that influence the popularization of the study of the Chinese language, outlines the current situation in organizing Chinese language teaching in universities, and analyzes the problems that complicate the teaching of the Chinese language in universities in Kazakhstan.

Keywords: Chinese language, Kazakhstan, university, education, teaching.

Cai Jiafeng

Ling Cheng

Li Jie

Research on foreign translation of Chinese canonical books: taking the passive clause in Vyatkin's translation of the records of the grand historian as an example

The Shiji ("Records of the Grand Historian") is the first chronicle-biographical general history in the history of China, and as a model of traditional Chinese historiography it has attracted the research interest of a large number of foreign scholars. The article comprehensively reveals the basic translation situation of the Shiji in Russia, and analyses the problem of the translation characteristics of passive sentences in the Shiji, which can effectively reveal the importance of the study and translation of the Shiji in Russia. The article comprehensively collects and combs the existing research materials on the Russian translation of the Shiji and examines the translation features in the Russian translation based on the grammar of ancient Chinese based on the passive sentence as an example. This study finds that translating the Shiji is significant and difficult. In the case of passive sentences, for example, the study finds that translators do not refer to the classification of passive sentence forms in ancient Chinese for translation, but mostly translate flexibly on the basis of understanding the original text. This study hopes that by understanding the basic situation and translation characteristics of the Russian translation of the Shiji, it will provide methodological reference for future research on canonical translation, and provide a combination of theoretical and empirical support for the prospect of canonical foreign translation.

Keywords: foreign translation of canonical texts, Shiji ("Records of the Grand Historian"), History of Russian translations of the Shiji, Translation features, passive sentences.

Mikhaylenko A.N.

International round table at the Presidential Academy

On April 16, 2024, the Department of International Security and Foreign Policy of Russia of the Faculty of National Security of the Institute of Law and National Security of the Presidential Academy and the editors of the journal “Ethnosocium and Interethnic Culture” held an International Round Table on the topic “Russian Foreign Policy in the Conditions of Transformation of the World Order.” The topic of the ISS is very relevant and important due to the aggravation of the situation in the world and the need to find new means and methods of Russia’s foreign policy activities to establish a multipolar world.

Keywords: international relations, round table, academy, council.

Znakharchuk F.R.

Konev I.V.

An integrated approach to resource support for a production organization

An integrated approach to the resource support of a production organization involves, firstly, identifying and using a possible set of resources (professional labor, personnel, educational and others - a total of 12 types are identified); secondly, the comprehensive application of procedures: identification and assessment of resources, resource provision of the organizational system, streamlining of resources, their rational use, reproduction, conservation, improving the quality of resources, their renewal and formation, exchange of resources.

Keywords: production organization, resource support, integrated approach, reproduction, conservation of resources, exchange of resources, resource assessment, organizational system.

Bukovtsova T.N.

Status-role structure of social competence of internal affairs officers

The article identifies and discusses the grounds for differentiation of social competence of internal affairs officers: status, professional and role basis for their differentiation. The differentiation of social competence of internal affairs officers is presented, taking into account the types of their professional activities. Particular attention is paid to characterizing the conflict competence of managers and employees of internal affairs officers, substantiating the need for appropriate professional and personal qualities.

Keywords: internal affairs officers, social competence, status differentiation, professional differentiation, role differentiation, conflict competence.

Авторы

Баженов Е.Н. - старший преподаватель кафедры педагогики и психологии ФГОУ ВО «Глазовский инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко», аспирант Института общественных наук ФГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Буковцова Т.Н. - аспирант кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Гиваргизян А.Ф. - кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории искусств, ИИИ Московский педагогический государственный университет.

Задаев Эмиль Камран оглу - докторант факультета Международных отношений и экономики. Бакинский Государственный Университет.

Замотина П.Е. - студентка 4 курса бакалавриата по направлению международные отношения, Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Владивосток.

Знахарчук Ф.Р. - аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Иларионова Т.С. - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Карадже Т.В. - заведующий кафедрой политологии, профессор, доктор философских наук, Московский педагогический государственный университет имени Вернадского.

Конев И.В. - доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Кордас О.М. - кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского.

Лин Чэн - аспирантка Филологического факультета. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Ли Цзе - аспирантка Института иностранных языков, Юго-Восточный университет, г. Нанкин, КНР.

Лю Жуй - помощник преподавателя. Институт русского языка Хэйлунцзянского университета, г. Харбин (Китай).

Меляева С.А. - студентка 4 курса бакалавриата по направлению международные отношения, Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), Владивосток.

Мефодьева С.А. - кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Восточного института - школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет.

Михайленко А.Н. - доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Серикбаева А.Д. - студент, Дальневосточный федеральный университет.

Трофимов В.А. - Региональный представитель, эксперт. Международный издательский центр «Этносоциум».

Хирбейк Язан - студент третий курс, аспирант МПГУ направления подготовки (Политические институты, процессы и технологии)», Политические науки и регионоведение институт, Московский педагогический государственный университет имени Вернадского.

Хэ Цзяиу - докторант, Центр изучения русского языка, литературы и культуры, Хэйлунцзянский университет.

Цай Цзяфэн - аспирантка Института иностранных языков Юго-Восточного университета, г. Нанкин, КНР. Стажировочный учёный Филологического факультета. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Цяо Цинли - аспирантка второго курса факультета международных отношений, глобальных и региональных исследований, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ширяева-Бакшевникова В.Н. - кандидат исторических наук, доцент ГУАП (Государственное управление аэрокосмического приборостроения) в Санкт-Петербурге.

Authors

Bazhenov E.N., Senior Lecturer of the Glazov State University of Engineering and Pedagogical named after V.G. Korolenko, Post-graduate student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Bukovtsova T.N., Postgraduate Student of Department of Sociology and Management Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov.

Cai Jiafeng, PhD student of School of Foreign Studies, Southeast University (Nanjing, China). Visiting PhD at the Department of Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Givargizyan A.F., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Theory and History of Art, Moscow Pedagogical State University.

He Jiashu, PhD student, Research Center for Russian Language, Literature and Culture of Heilongjiang University.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophy, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Karadzhe T.V., Head of the Department of Political Science, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Vernadsky Moscow Pedagogical State University.

Konev I.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Kordas O.M., PhD in Philosophy, Associate Professor. Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies. Omsk State University named after F.M. Dostoevsky.

Li Jie, PhD student of School of Foreign Studies, Southeast University (Nanjing, China).

Ling Cheng, PhD student of the Department of Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Liu Rui, Teaching assistant of Russian Language Institute of Heilongjiang University, Harbin, China.

Melyaeva S.A., 4th year undergraduate student in International Relations, Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok.

Methodieva S.A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science at the Oriental Institute - School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University.

Mikhailenko A.N., Doctor of Political Sciences, Professor. Chairman, International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Qiao Qingli, Second-year graduate student at the Faculty of International Relations, Global and Regional Studies, St. Petersburg State University.

Serikbayeva A.D., Student of the Far Eastern Federal University.

Shiryaeva-Bakshevnikova V.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor GUAP (State Administration of Aerospace Instrumentation) in St. Petersburg.

Trofimov V.A., Regional representative, expert. International Publishing Center "Ethnosocium".

Yazan Hirbeik, Third-year student, postgraduate student at Moscow State Pedagogical University (Political Institutes, Processes and Technologies), Institute of Political Science and Regional Studies, Vernadsky Moscow Pedagogical State University.

Zadaev Emil Kamran oglu, Doctoral student at the Faculty of International Relations and Economics of Baku State University.

Zamotina P.E., 4th year undergraduate student in International Relations, Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok.

Znakharchuk F.R., Postgraduate student of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University.

**ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ**

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения,
анализа и апробации журнал проводит конкурс
на лучшую статью (тезисы, размышления)
для совершенствования стратегического курса
межнациональных отношений, экономики регионов,
и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:

etnosocium@mail.ru

Факс +7 (495) 772-19-99

Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.

2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставленный библиографический список.

3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: +7 (495) 772-19-99

Необходимую научную литературу

Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»

Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин

Редактор Н.Э. Архипова

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.

Формат 60х90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 12,25